

ЕЛЕНА ГРУШКО
ДОБРЫНЯ

ЭЛЕНА
ГРУШКО

ДОБРЫНЯ

СКАЗОЧНЫЕ
ПОВЕСТИ

ПОСЛЕДНЯЯ ЧОГГРАД

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

Р 2
Г 90

Рецензент *Н. В. ПОПОВ*

Художники *В. М. ЛЕБЕДЕВ, С. М. ЛЕБЕДЕВ*

Елена Арсеньевна Грушко

ДОБРЫНЯ

ПОСЛЕДНИЙ ЧОГГРАМ

Для среднего школьного возраста

Редактор Р. А. Шарова. Художественный редактор Ю. И. Дунский. Технический редактор Т. А. Костюченко. Корректор Т. В. Киевская. ИБ № 1373. Сдано в набор 10.10.85. Подписано к печати 02.12.85. ВЛ 14710. Формат 60х84/16. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура литературная. Печать высокая. 6,51 усл. печ. л. 6,86 усл. кр.-отт. 7,5 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ 3379. Цена 25 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Красная типография № 1 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 680620, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Грушко Е. А.

Г 90 Добрыня. Сказочные повести. — Хабаровск:
Кн. изд-во, 1986. — 112 с.

В книгу вошли сказочные повести «Добрыня» и «Последний чогграм», написанные по мотивам русского и нивхского фольклора.

Г $\frac{4803010102-8}{M160(03)-86}$ 52—86

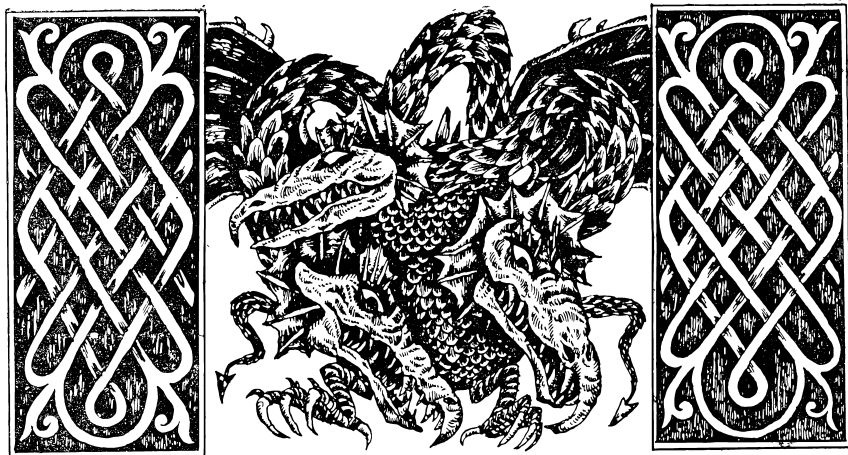
Р2

ДОБРЫНЯ

СКАЗОЧНАЯ ПОВЕСТЬ

Посвящается Полине

*

некотором царстве, в некотором государстве, а вернее сказать — в Русской земле, жил-был в незапамятные времена мальчик по имени Добрыня, от роду двенадцати годков. Домик матушки его, Горикен, стоял в селе Земляничном. Неподалеку протекала речка Смородина. Окружали Земляничное глухие леса. И, наверное, нигде не сыскать было таких богатых малинников, как в тех лесах заповедных. Однако люди ходить туда побаивались: неровен час, чудища лесные за-

кружат, заманят в чащу, к синим таинственным огонькам, — потом не выберешься. Что говорить, Добрыне тоже страшновато было, но все-таки нет-нет да и хаживал он в те чащобы, в те малинники. А известное дело — в лесах лесовуны живут. Шишкунуны, еловнички... И двое таких лесовунов — Пинь Ушастый и Михрюська — ой как полюбили Добрыню! Полюбили за смелый нрав, за сердце доброе: никогда ни гнезда Добрыня не разорит, ни самого малого зверька лесного не обидит. Лесовуны голову ему закружить, путануть смехом, чихом ли своим никогда не по-

мышляли. Все-все знали они про Добрыню. И про матушку Добрыню знали, и про старого воина Огниво, который учил мальчишку мечом рубить, из лука стрелять. А еще знали они про нового друга Добрыни...

Возвращался как-то раз Добрыня из своего любимого ма-
линника и вдруг на краю леса услышал шум-треск, а потом та-
кой жалобный стон, что сердце его так и сжалось... Голову под-
нял и увидел огромную черную птицу, которая застряла в ост-
рых ветвях могучей ели. Билась она, билась, стараясь на волю
выбраться, да никак не могла.

Жалко Добрыне стало ту птицу. Решил ее выручить. Начал
взбираться на высокое дерево, да сорвался!.. Разбился бы, мок-
рое место бы от него осталось, если бы птица не успела поймать
его когтистой лапой за рубаху, чуть не переломав при этом свои
крылища. Насилу потом Добрыня помог ей высвободиться! Кое-
как выбрались они из лесу и сели отдохнуть на берегу речки
Смородины.

Солнце клонилось к закату. Добрыня смотрел на своего но-
вого знакомого и дивился: чешуйки на его черных крыльях блесте-
ли и переливались, как самоцветы в матушкином заветном пер-
стенке — батюшкином подаренье, как речная рябь на мел-
ководье, как звезды — если их с неба собрать все в одно лу-
кошко.

— Как тебя зовут? — спросил Добрыня.

— Го... Горынчик, — тихо ответил тот.

— Горынчик? Это что же за имя такое нечеловеческое?

— Так ведь я не человек, — усмехнулся тот.

— А кто же ты? Птица?

— Навер...ное... — нерешительно сказал Горынчик.

— Таких огромных птиц я в жизни не видывал! А меня
Добрыней зовут. Хочешь в гости ко мне прилететь? В Земля-
ничное? Матушка блинцов напечет, старый Огниво про битвы
прежние расскажет.

— Нет, — медленно покачал Горынчик маленькой головой
на длинной тонкой шее и обратил на Добрыню огромные глаза
свои. Тот даже вздрогнул, подивившись несказанной печали, ко-
торую изливала этот мягкий взгляд. — Нет. Роди... тель мой не
велит с русичами друж...бу водить...

Он выговаривал слова как-то странно, будто иногда забывал,
как говорить по-человечески, и то клекотал, словно коршун, то
шипел по-змеиному.

— Родитель? Батюшка твой, что ли? Кто же твой батюш-
ка? — удивился Добрыня. — Где живет?

— Там, — махнул Горынчик в сторону заходящего солнца
острым крылом. — Там, в Черных скалах...

В этот самый час в своем замке, в Черных скалах, проснулся Змей Горыныч. Его старшая голова страдала бессонницей и маялась от злости и зависти, пока средняя и младшая головы спали. Наконец она не выдержала, кинула младшую за ухо и тотчас притворилась спящей. Младшая заорала от боли благим матом и разбудила среднюю голову — главную у Змея Горыныча. Не раз он горько жалел, что на роду ему написано быть трехглавым, и завидовал сыну своему Горынчику, у которого пока только одна голова: спать ей никто не мешает, от глупости двух других голов она не болит... Правда, в драке с тремя головами сподручнее: таким огнем-жаром на неприятеля дохнут, что с него и памятки не останется! Самые нахрабрейшие храбрецы в бегство обращаются. Вот и сейчас, разозлившись, что его разбудили, Змей Горыныч громко рявкнул и пыхнул огнем.

На шум и дым вбежал страж. Слугами Змея Горыныча были татаровцы, стародавние враги русичей. В сговор с татаровцами Змей вступил, чтобы на землю Русскую напасть.

— Позови Его Огнедышащее Высочество! — велел Змей Горыныч.

Стражник прижал руки к груди и трижды низко поклонился. Его узкие глаза от страха совсем закрылись. Он что-то проскрипел себе под нос, и головам пришлось низко наклониться, чтобы расслышать.

— Погромче, ты, смертный! — прикрикнул Змей.

— Их... Их Огнедышащее Высочество куда-то у... улетели, — чуть внятное выговорил татаровец.

Змей Горыныч раздраженно пристукнул по земле хвостом, и слугу как ветром сдуло.

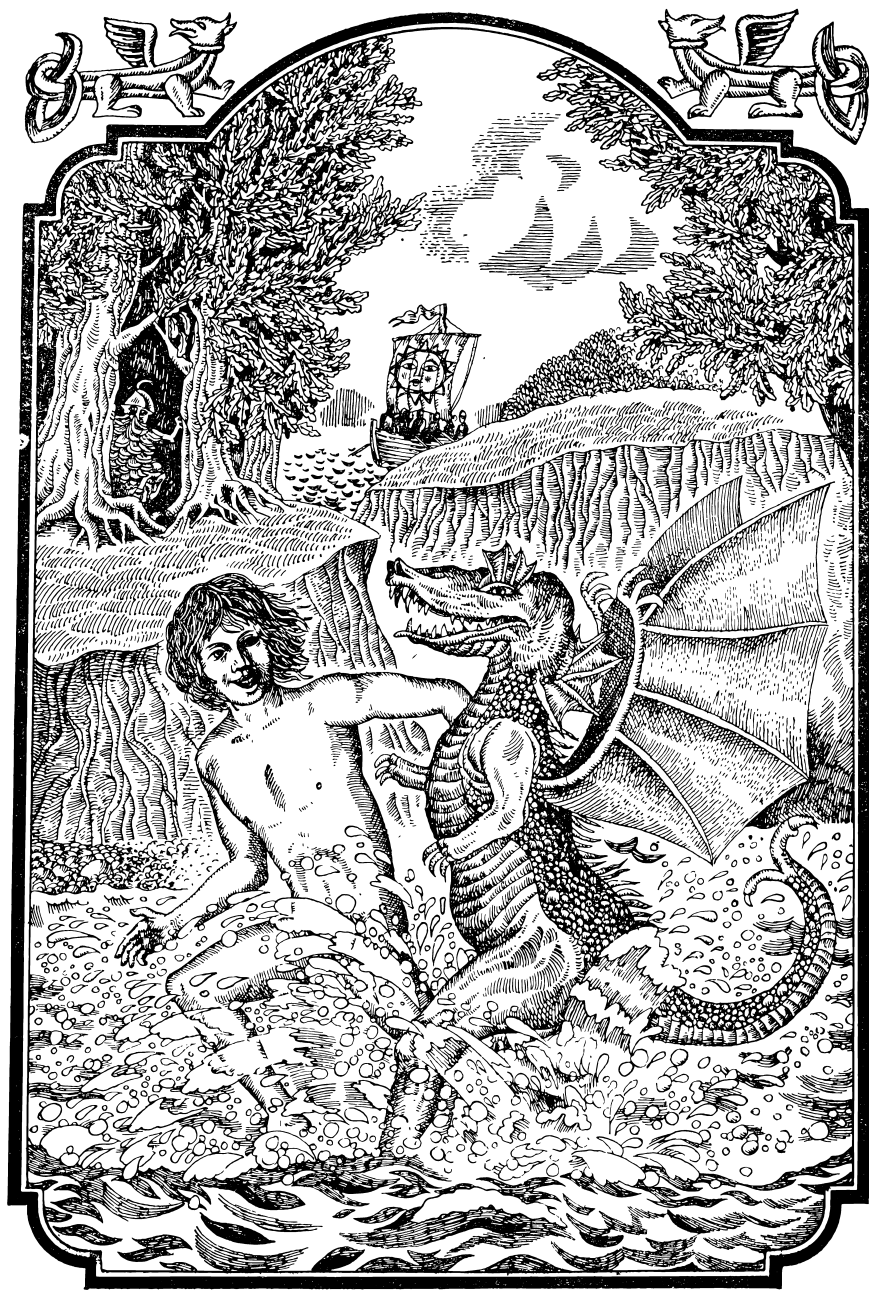
Куда это запропал Горынчик? И что с ним делается? Помощи родителю — никакой. Стараешься, жжешь деревеньки русичей — а он взвьется на такую высоту, что кажется не больше воробья, и описывает в небе круги. Змей Горыныч как-то спросил его зло:

— Ты что, такой-сякой, против меня? Против родителя?!

— Нет, — говорит, — я не против. Это, — говорит, — твое дело. Хочешь жечь — жги. Я тебе не мешаю. Только ты мне тоже не мешай.

Вот так! Едва из яйца вылупился, зародыш одноглавый, а туда же — с родителем спорить! Ох, дети, дети, а сколько ночей Змей не спал, яйцо согревал, высиживал, думал: вот будет наследник его злобы, а тут растет не змея, не птица — так себе, какое-то пресмыкающееся!

Змей Горыныч с досадой высунул младшую голову из рас-

щелины. Солнце садилось. Догорал небесный пожар. Ну что же, пора, значит, на земле его разжечь...

А Добрыня тем временем уговорил Горынчика в Смородине-реке искупаться. Ничего нет лучше, чем купанье на закате, когда воздух и вода одинаково теплы и ласковы...

Горынчик осторожно вошел в воду и лег на спину, раскинув крылья. Течение медленно несло его. Добрыня нырял, плескался, подбирался к Горынчику то с одного боку, то с другого — плавать Добрыня горазд был! — и все норовил пощекотать ему лапы. Тогда Горынчик смешно выдергивался из воды и начинал пищать тоненьким голоском:

— Добры!.. Ой, не на!.. Не надо! Щеко...тно!

И оттого, что он слов недоговаривал, было Добрыне еще смешней, еще веселей. И так хорошо ему становилось, как никогда в жизни!..

Потом Добрыня и Горынчик устало выбрались на берег и прилегли на песок. Колючий он был, весь в мелких камушках. Горынчику-то ничего, а Добрыня вертелся, крутился, кряхтел, да и не выдержал: ополоснулся и стал одеваться. И только рубаху натянул, как за поворотом реки сильно заплескали весла, послышался звонкий смех.

Горынчик, испуганно заморгав, поджал было лапы, приготовился взлететь, но Добрыня поймал его за хвост, придержал: увидят люди — помрут со страху и от неожиданности. Он побежал по мелководью к тальникам. Горынчик неуклюже култыхался следом.

Вовремя они схоронились: из-за мыса показалась шестивесельная лодка, пристала к берегу совсем рядом с тальниками. «Сиди теперь тут!» — подсадовал Добрыня. Он чуть не по уши в воду влез и Горынчика совсем затопил. Тот глазищи таращил, но ничего, сидел тихо, не булькал.

Гребцы перенесли на сухое толстеного мужика, долговязую, сухопарую бабу и девицу. Девица на выданье, красавица! Косоньки у нее желтые-прежелтые, огнем горят. Сроду Добрыня таких чудесных кос не видывал! А глаза у девицы зеленые, как листья, широкие — будто ждут чего-то... Добрыня дышать перестал.

И вдруг такой вихрь пронесся над рекой, что тальник полег, а Добрыню с Горынчиком чуть из воды не выкинуло. Людей на берегу диким ветром сбило в клубок, а небо закрыло черной тучей. Но нет, не туча это, не вихрь и не ветер — разметались над рекой черные крылья страшного чудовища! Промелькнуло

оно над испуганно припавшими друг к другу людьми, камнем упало за лес, снова взлетело, а за ним тотчас поднялся в небо столб дыма и пламени, и в этом жарко-красном кружении ныряло, кувыркалось черное ширококрылое чудище, словно любовалось пожаром.

Потом оно метнулось вниз, хвостом по песку хлестнув, а когда поднялось, в его когтистых лапах бились жалкие, маленькие фигурки людей. И вот уже нет никого вокруг: ни гребцов, ни красавицы, ни зловещей крылатой тени... Только узорчатый пояс сок сиротливо свернулся на песке.

Добрыня ринулся из тальника, схватил тот пояс, за пазуху спрятал, тоскливо в небо посмотрел. Откуда же этот дым? Что горит за лесом? Наверное, село. Конечно! Боровичи? Нет, Боровичи в другой стороне. Там... там Земляничное! Его село!

— Горынич! Там пожар! Ты видишь?

— Вижу, — спокойно молвил Горынич.

— Там мое село! Моя матушка! Там же все сгорит!

— Сгорит, — кивнул Горынич. — Родитель мой ничего не оставляет. Он вчера еще похвалялся: десять сел дотла пожег, а завтра, мол, еще за большой лес полечу жечь.

— Родитель?! Так это чудище и есть твой родитель? Твой батюшка?

— Да, — опять кивнул Горынич. — Мой родитель — Змей Горыныч.

И тут Добрыня вспомнил... Огнью рассказывал про Змея Горыныча! Но Добрыня всегда думал, что это сказки да байки, что только в старину такое случалось, а уж нынче быть не может. Но вот, значит, опять нагрянул Змей Горыныч на землю Русскую! Давний, страшный враг! А он, Добрыня, дружбу завел с его сыном.

— Почему ж ты мне сразу не сказал, что родитель твой — Змей Горыныч, что он села наши жжет? — воскликнул Добрыня.

— А зачем? — Горынич пожал плечами так, что его крылья поднялись выше головы. — Зачем? Это родительское дело. Его родитель жег, и он жжет. Так испокон веков ведется.

— Его родитель жег? И он жжет? Выходит, что и ты будешь? Вот как...

Он круто повернулся и двинулся прочь.

— Добрыня! — позвал Горынич.

Тот оглянулся. Горынич с изумлением таращился на него:

— Ты куда? Разве мы не будем больше купаться?

Добрыня подошел к нему близко-близко и сказал, глядя прямо в его большущие глаза:

— Эх, ты... Знал бы я, кто ты такой, — сроду не стал бы тебя спасать! Предатель!

И он быстро зашагал по берегу. Когда он почти скрылся за поворотом, Горынчик вдруг тоненько вскрикнул — так громко, что заколыхалась вода в реке:

— Добры!..

Но Добрыня не обернулся, словно не слышал.

Крик услышал вельможа Юпишка — тот самый толстенький мужичок, что с красавицей приехал. Он-то успел схорониться от Змея Горыныча: под ладью перевернувшуюся нырнул и со страху чувств лишился. Очухался от пронзительного крика. Приподнял лодку, глянул — да и обомлел: стояло совсем рядом невиданное чудовище — крошечная головка на длиннющей шее, крылья черные, а глаза — как тележные колеса, громаднейшие! И слезищи из них капают — по полведра каждая.

Постояло чудище, постояло, повернулось да и побрело прочь по берегу, уныло волоча змеиный хвост и жалобно постанывая. А вельможа Юпишка опустил лодку и замер, уткнув толстое лицо в песок. Никак не мог понять: умер он или еще нет.

Горынчиков крик докатился и до малинника, где затаились лесовуны.

— Ты слышал? — спросил Михрюська голосом потревоженной кукушки.

— Слышал!

— Что же теперь будет?

— Поживем — увидим, — шумнул Пинь березовым листком и дернул ухом.

Ой, горе, горе на всей Русской земле! Чудище поганое Змей Горыныч жжет леса, села, города, гонит в полон людей. А татарцам, которых пригрел он под своими черными крылами, и счету нет! И они, вороги, тоже топчут землю нашу копытами конскими, тычут в нее копыта острые, льют кровь русскую, как светлую водицу...

В приземистой избушке неподалеку от Стольного града жила старенькая былица-ведунья Мухомориха. Могла вылечить болезнь былками-травками, могла и судьбу предсказать. И вот как-то раз пожаловали незванны, нежданны, негаданны гости в ее закопченную избушку, да не кто-нибудь, а сам пресветлый князь Стольного града, родичи его — князьишки подколенные, свита богатейшая. У другой сердце так бы в пятки и бухнулось, а Мухомориха стоит себе спокойно. Стара она — даже смерти давно не боится, а людей и подавно. Жалеет их, и только.

Подошел князь к старенькой былице — одежда его шелком шита, вся в узорочье! — взял ее за сморщенную ладошку... и вдруг заплакал. Ну, тут, конечно, князьишки подколенные кинулись пресветлого утешать-уговаривать, медами, в дорогу взятыми, отпаивать. А один из челядников, ражий да краснорожий, даже суровенько этак бабке намекнул: мол, не ее ли наговор-ворожба в масло топленое превратили князя — могутного и сильного богатыря, который одной только левой рукой может Соловья-Разбойника придушить?.. Но бабка Мухомориха, ничуточки не робея, обидчика со своего пути сухоньким плечиком посунула и насмешливо ему велела:

— Украти-ка свое сердце богатырское!

Да, вот так прямо и сказала!

Тот еще красней сделался, хватъ за меч — а ножны-то пустые! Дома поди оружие позабыл. Ну, храбрец, ну, богатырь!..

Дала Мухомориха князю водицы испить. Поуспокоился он и рассказал былице, зачем ее подмога понадобилась. Ну, что вороги на пороге, она и сама знала. А вот что Змей Горыныч, чудище поганое, уволок любимую, единственную дочь князя, Забаву, — об этом слухи еще не дошли до Мухоморихи. Ну что же, дело нехитрое — узнать, где человек находится и что с ним делается. Для этого надобно травы тайные высушить, в порошок истолочь, перемешать, залить ключевой водой, в которой конь копыт не мочил, человек рук не мыл. Есть такой ключик — из земли бьет, в землю идет, одной Мухоморихе ведомый. Потом надо вскипятить все это на березовом костре, до третьего новолуния настаивать, а в третье новолуние выйти на поле, где вперемежку ромашка и мята растут, весь отвар на цветы разбрызгать — и тихо ждать, на земле сырой сидя. И как только солнце покажется, собрать с той поляны утреннюю росу. Ох и росной бывает трава... Полнехоньку корчажку наберет Мухомориха, придет домой — на вольном воздухе, под открытым небом поставит, чтоб звезды — судьбы людские в той росе могли целый месяц по ночам отражаться. И вот когда такое зелье, на звездах настоящее, готово, надо лишь горящую головню в него опустить, назвать имя — и сможешь ты об этом человеке узнать все, что пожелаешь.

Повезло князю! Как раз было готово у бабки Мухоморихи зелье! Ну, дальше дело пошло как по маслу: головню пылающую в воду — и вот она, Забава, молода дочь князева, красавица! Сидит, пригорюнилась, зеленые оленьки слезы точат, косы златые порасплелись, рученьки белые поникли. Рядом — черный замок Змея Горыныча, а туда видимо-невидимо народу русского нагнано, брошено! И еще старенькой былице открылось, кто и как через скалы те черные переступить сможет...

Тряхнула тут Мухомориха корчажкой — пламя и погасло. Закрыв князь глаза, закачался:

— Ох, дочь моя ненаглядная, единственная! Ох, земля моя Русская, родимая...

— Скажи, княже, — обратилась тут впрямую к нему Мухомориха. — Скажи... Чего тебе хочется, чего тебе желается, чего нужнее: дочь Забаву вернуть или всех полонов русских спасти?

Тишина наступила в теснехонькой избушке Мухоморихи... И не вздохнет никто, и не охнет, и кольчуга не звякнет у воина, и не лязгнет меч тяжелый, и не заржут кони возле домика, словно и они услышать чают: что же дороже дорогого князю пресветлому Стольного града?

Наконец князь разжал накрепко сомкнутые губы:

— А зачем тебе это знать-ведать? Ты мне помощь укажи.

— Так помощь разной будет, — хитренько покачала головой былица, и ее черные, глубоко спрятанные меж морщинок глазки засияли молодым сиянием. — Ежели тебе, батюшка, только жизнь дитятка роженного, Забавы, дорога, только ее спасти надобно, так я силою чародейною раздую пламя скрывающее, обернется красна девица легким дымком — и улетит она из логова Змеяного, только ее и видели! Но ежели ты, княже, о русичах родимых сердцем болеешь, то придется дочери твоей еще неволи потерпеть, пока не явится человек, который Змея победит.

— А нельзя ли, былица, сначала одно, а потом и другое получить? — нерешительно спросил князь. — Дочь мою спасти, а потом и полонов русских?

— Можно! — молвила Мухомориха и сурово свела брови, глядя прямо в глаза воеводе. — Только ведомо мне, что Змей Горыныч разом всех русичей огнем спалит, если Забава исчезнет.

Князь покачал головой и так тяжело вздохнул, что пучки сухих трав, висевших под низеньким потолком, зашелестели; повеяло сонным запахом лугов и полей... Грохнул тут князь могучим кулаком в стену:

— Делай как знаешь, старуха!

Мухомориха взялась своей крошечной сморщенной ручкой за пальцы князя и завела заговором:

— Иди поближе, княже пресветлый, я научу тебя, как того храброго воина найти, но поклянись слушаться меня во всем и верить, верить даже в то, во что верить не захочется. Только в точности исполни все, что велю, в завтрашний день. Нынче же ложись-ка ты спать да рано с вечера, а утро будет мудренее. Да наутро глаз востри, не смотри на красу-ужожество, сердцем сердце выбирай...

Всполошился Стольный град! Сильномогучие русские и заморские богатыри мечи вострят, копыя пробуют, коней готовят быстрых, резвых, сильных. Князь ищет воеводу вести силу-рать на чудище поганое, Змея Горыныча, выручать дочь свою Забаву и полоненных русичей. А воеводой может стать тот, кто сильнее всех князя удивит. Так определила старенькая былица, и князь покорно — «будто отваром мухоморным его опоили!» — шептал кое-кто, — взялся ее волю исполнить.

И вот собрался на княжьем дворе народ. Один удалью хвалится и силой. Другой — умом. Третий песни поет сладким голосом. Четвертый звезды средь бела дня в какую-то трубу видит. Пятый колесом вертится. Шестой на дудке заиграл — из корзинки, что рядом стояла, змея шипучая выглянула... Народ замирает от каждого такого дива дивного и чуда чудного, челядь княжеская животики надрывает...

Вельможе Юпишке гогот людской, жару да пыль больше терпеть невмочь. «Пойду-ка я домой, а то, неровен час, карачун хватит!» Начал было он, с крыльца спустившись, локтями толпу расталкивать, да прямехонько натолкнулся на русоголового высоконького отрока — курносого, сероглазого, в белой одежке, — который рядом с какой-то теткой стоял. Народ кругом хохотал до упаду, а тетка эта плакала... Отрок же молчал, но глаза его суровы были.

«Весь народ смеется, а они печалются?!» Измена в том Юпишке почудилась. А еще — возможность удаль показать. Вдруг это татаровецкие лазутчики? Вот он их сейчас схватит — и, глядишь, удивит князя пресветлого. А там...

Ну, мигнул Юпишка одному стражнику, другому — и вмиг отрок и женщина были пред князеви очи поставлены.

А тот сидит, брови супит, глядит тяжело. Все ему не мило, все не в диво! Зачем только послушался Мухоморику? Она поди от старости уже из ума выжила. Ох, утомили все эти рыцари, богатыри, разные иноземные вертуны! Вот и Юпишка кого-то приволок. Что, этот парнишонок будет мечи жевать или огонь глотать? Было и такое сегодня, было... Но неужто и мальчишка надеется воеводой стать? За мамкину ручку еще держится, а туда же. Однако чего это Юпишка шумит?..

— Эй, деревенщина ты, засельщина! — спесиво кричал меж тем Юпишка, косясь: видит ли князь его удальство и преданность. — Черт ли нес ты через Стольный град? Кто ты есть?

Мальчишка пожал плечами и непочтительно ответил:

— Да так, прохожий-проезжий.

Женщина тут испугалась, стала сына уговаривать:

— Поклонись, поклонись, Добрыня!

Вельможа наморщил свой лбишко. Слышал, слышал он такое имя... Но где? Вспомнить было слишком тяжело, и он оборотился к женщине:

— Эй, баба, он тебе кто?

— Роженое мое дитятко, сыночек...

— А сама ты кто?

За женщину ответил отрок:

— Родная моя матушка, честная вдова Горикей. Погорельцы мы. Из Земляничного.

— Н-да? А чего заявили на княжий двор? Место не по чину выбрали!

— Полно-тко лютовать! — дерзко ответил Добрыня. — А зашли мы сюда поглядеть, как веселится русское воинство, когда весь народ слезами обливается!

— Князюшко! — заорал тогда Юпишка, и лик его багровенький, показалось, вот-вот лопнет от натуги и ретивости. — Измена! Народ смеется — они одни печалятся! — И не успел князь моргнуть, как Юпишка хлопнул красными, точно обваренными, ладошками: — Обыскать вражеского лазутчика!

Вмиг одежда парнишки была обшарена, но нашли у него за пазухой не грамоту с тайными знаками вражьи, не краюху хлеба даже, а только поясок узорчатый.

— О-хо-хо! А-ха-ха! — грянул притихший было люд. — Ну и лазутчик!

Но тут же прекратился хохот, когда увидели все, что князь побелел ликом, вскинулся, с крыльца бросился, прижал к груди тряпочку узорную, поясок:

— Забава... доченька... вышивала!..

И вот уже разнесся над площадью трубный глас князя пресветлого:

— Собирайся, народ, на битву! За землю родную, за честь русскую! Есть воевода!

Шишка свалилась с ели и стукнула в лоб Михрюську. Михрюська проснулся и процокал голосом довольной белки:

— Добрыня-то, а?

— Ого-го! — ответил Пинь Ушастый треском расколотого ореха и дернул ухом.

*

Ох и дождина! Листья на березках поникли, как тряпки. Вода из трещин коры струится. Земля сердито хлюпает под копытами, словно ворчит: «Не могу больше! Некуда мне больше

воду принимать! Вся я уже промокла, насквозь, до самой середочки!..» И вот по этой мокроти идет, едет русское воинство на битву со Змеем Горынычем и погаными татаровцами.

Впереди воинства сплошь князя. Среди них главнейший — молодой Светозар. И вельможа Юпишка здесь. Круть-верть своим толстеньким телом вокруг Светозара, речи льстивые ему точит. А наиглавнейшему воеводе от Юпишки одно лишь глумление достается да подначки обидные. Слыхано ли дело, бубнит Юпишка, ставить главою над дружиною двенадцатилетнего мальчишку! Унывает сердце Юпишкино от такого поношения. И за что выбрали-то! За поясочек вышитый. Да знай Юпишка такое заранее, уж нашел бы князюшке пресветлому тряпочку поярче, поузорчатей. Неужто князь все пояски своей дочери помнит? Да еще и разобраться надо, как поясок Забавы попал к этому самозваному воеводе. Юпишка зло хлюпнул мокрым носом и поглядел вперед. Во... богатырь! И на коне-то сидеть не умеет толком. Мешок с овсом, ей-ей, крепче бы в седле держался.

...Добрыня уныло поник на мокрую гриву своего коня. Горько Добрыне. Тяжко!.. А матушка-то его в поход провожала, словно лихого богатыря, по-старинному коня ему седлала, уложила потник шелковый, сверху седло черкасское, двенадцать тугих подпруг шелковых затянула, чтобы добрый конь седла не сбросил, добра молодца в чистом поле не уронил... И зачем только доверил Добрыне пресветлый князь судьбу своей дочери прекрасной, честь и славу русскую? Ежели бы он просто приказал: «Езжай, Добрыня, по раздольицу чисто полюшко, сыщи чудище поганое да, жизни своей не щадя, снеси все три главы его огнедышащие!» — тут бы Добрыня дал шпоры Бурочке, косматочке-троелеточке, выхватил бы из ножен добрый меч и... эх! Может, добился бы победы. А нет — ну что ж, судьба его такая. Но тогда только бы его, Добрынины, белые косточки в чистом поле под дождем мокли, под ветром сохли. А тут люди идут следом. Люди живые! Куда он их приведет? А если понадобится — неужто и на смерть сможет послать?

Почти каждый из них Добрыне в отцы годится. А не то в старшие братья. Взять хотя бы Огниво: он да матушка Добрынина — никто больше не спасся из Земляничного после налета Змеева. Не молод Огниво, но силен, удалой это воин.

А вот Светозар. Невеста, говорят, у него в Змеевом полуноу... Он Добрыни лет на пяток всего и постарше, но уже мечами татаровецкими рубаный, стрелами их проклятыми стреляный. С Добрыней он пока не спорит, не противоречит ему, только усмешечку в глазах таит: ну, мол, посмотрим, чем все это кончится... А князя, что постарше, вообще глядят на Добрыню как на муравья, который ни с того ни с сего на коня вполз да еще

и возговорил человеческим голосом. Однако тоже молчат до поры до времени. Воля пресветлого — закон! Зато Юпишка за добрую сотню ворчунов наворчитя. Нудный, как этот самый дождь. Ну хоть бы ненадолго перестал лить, хоть бы обсохнуть, обогреться, прибодриться!..

К счастью, впереди показалась деревня. И только разошлись по избам, как дождь перестал. Солнышко на небо вышло. И на душе легче стало! Стоит Добрыня на широком дворе, улыбается солнцу и круглым желтым подсолнухам. Кони весело ржут. Дружинники громко переговариваются. А за плетнем дети хохочут...

Выглянул Добрыня. Двое парнишат — с виду немного младше его — оседлали хлыстики и скачут по лужам, разбрызгивая пятками теплую грязь. Ох, и весело им!

Добрыне опять взгрустнулось. Без забот живут мальчишки. Поглядели с мимолетной завистью на легконогих коней в богатой сбруе — и вперед, на палочке верхом. Давно ли и Добрыня вот так прыгал, о настоящем коне только мечтал? А сейчас его Бурко призывно ржет, потряхивая гривой, в косички заплетенной, а Добрыне прямо до слез хочется на палку верхом вскочить и, пятками дробь выбивая, лужи расплескивая, скакать вслед за ребятами навстречу подвигам, которые деревянной сабелькой, а то и просто голыми руками совершить можно. Вот и палка подходящая к плетню прислонена... Ну, вперед, мой добрый конь! Н-но!..

Юпишка молоком наливался, когда дернула его нелегкая в окошко взглянуть. И — о-ох!.. Кринка — об пол, молоко белыми брызгами — по стенам, по полу, по животу Юпишкиному. А вельможе и не до того. Вылетел на крылечко, едва двери не вышибив, — и в крик. Только слов-то и нет. Все с молоком разбрызгал. Одни бульканья остались. Вопит невнятно, руками машет...

Князя сошлись. Воины сбежались. Смотрят на Юпишку — дивуются. Кто-то предложил вельможе по спине постучать: не подавился ли? Но тут смог наконец Юпишка вымолвить:

— Воевода наш... вон!

И ткнул пальцем вперед. Глянули дружинники — и руки врозь. Воевода, пресветлым князем назначенный, вперегонки с мальчишками деревенскими скачет на палочке верхом! Сапоги, портки дорогие, рубаху, шелком шитую, кольчугу плетенья заморского — все выгваздал, все грязью обляпал. Вот она, слава и защита Русской земли... Это ли не обида! Это ли не поношение?!

Светозар ну хохотать! А Юпишка крикнул было нерешительно:

— Долой воеводу! — и побледнел от счастья, услышав:

— Долой! Долой несмышлениша, деревенщину!

И вдруг...

Ветра нет, а тучу нанесло. Тучи нет, а словно дождь дождит. Да и дождя-то нет, а только гром гремит. Гром гремит да блещет молния!.. Нет, не ветер это, не гром и не молния — размахнулись, закрыли небо черные крылья Змея Горыныча. Полился огонь из трех его огнедышащих глоток.

Закричали рядом с Добрыней мальчишки, к роще бросились. Но Змей Горыныч туда раньше их поспел. Вспыхнула роща, зашипели мокрые от недавнего дождя деревья. Туда-сюда ребята мечутся, а у Змея Горыныча будто уже не три головы, а три десятка: и сверху, и сбоку, и снизу пламенем мечут! А вон и деревенька запылала... Слышит Добрыня крики, ржание, но ничего в дыму разглядеть не может, только мелькают то здесь, то там острые клыки, страшные глаза Змея Горыныча.

Толкнул Добрыня мальчишек на землю, упал, собою их прикрывая, да рукой обо что-то больно ударился. Что это? Да меч же! Меч на поясе! Забыл о нем Добрыня, напрочь забыл!

Ох, тяжел булат: одно дело на поясе носить, совсем другое дело — в руке держать. На первый взмах Добрыня едва от земли оторвал клинок, на второй взмах — от плеча поднял, а на третий взмах — над головой взвил, чтобы врага ненавистного достать.

Бьет Добрыня вправо — а огонь слева. Разит влево — а огонь справа. Да где же ты, чудище поганое?!

Вот, вот — вынырнула из красно-серой мглы мерзкая голова с вытаращенными глазами. На миг только показалась — но Добрыня, со всего плеча размахнувшись, ударил по ней с такой силой, что на ногах не устоял и плашмя повалился...

Застонал, завизжал, завыл Змей Горыныч — и сгинул, словно не было его веки-повеки.

Огонь исчез. Дым исчез. Только плачут дети. Ржут вдали испуганные кони. Курится обожженная земля. И валяется рядом с Добрыней отрубленная Змеева голова — глаза остекленели, зубища оскалены, пасть еще жаром дышит. Поднялся Добрыня и долго стоял, смотрел на ее седовато-черную чешую...

Вдруг кто-то его за локоть тронул. Оглянулся — Светозар Бурка в поводу держит.

— Садись, воевода, — сказал Светозар. — Устал ты. Отдохни.

И, стремя придержав, помог Добрыне в седло взобраться.

На своего Бурка плачущих ребятишек посадил. Взял коней за узду и медленно повел к деревне, к дружине.

Михрюська еле дух перевел. Пинь уши с глаз откинул, головой покрутил. Ну и дела!

Сокрушая острые выступы скал, метался Змей Горыныч по своему Черному замку. Из обрубка шеи, на которой была когда-то старшая голова, текла ядовитая сукровица, пачкая груды шелковых подушек, толстые ковры, стены и пол. Челядь попряталась, опасаясь даже на выстрел из лука подходить к разъяренному повелителю.

Змею Горынычу хотелось бы разом испепелить всю эту мелочь человеческую, но напрягать огнедышащие горла было еще слишком больно. Он только и мог, что шипел, как клубок гадюк.

Точнее, шипела средняя голова, а младшая, если бы знала хоть одну-разъединую песню, сейчас бы ее спела, потому что никакой грусти от потери старшей головы не испытывала, а наоборот — радовалась втихомолку. Ведь старшая голова всегда ее обижала — кусала да бранила. Было бы совсем распрекрасно, если бы куда-нибудь и средняя голова подевалась. Вот раздолье бы наступило! Уж тут развернулась бы Единственная Змеева Голова, показала бы себя!..

Так думала глупая младшая голова, полузакрыв от блаженных мыслей глаза, важно покачиваясь на тонкой шее. Смотрел на нее Змей Горыныч своей средней головой, смотрел — да и плюнул с досады. Ох и дура ему в помощники осталась! Ну да ничего, есть еще средство. Былую силу-мощь вернуть. Дайте срок, русичи...

И, зажмурясь всеми четырьмя глазами, припомнил Змей Горыныч старинное, заповедное, коварное средство: чтобы существо из рода Горынычей могло какой-то человеческий род погубить, под самый корень свести, надо на самой что ни на есть распрекрасной девице из того рода жениться. И тогда силу неистребимую Змей Горыныч обретет — падут русичи от одного взгляда его, от одного вздоха, от одного взмаха крыльев. И девица такая на примете есть. Косы у нее золотые, глаза изумрудные, лик мраморный. Но вот беда — сама должна полонянка на замужество со Змеем согласиться. Не силком, а уговором, по чести взять ее надобно. Дело тяжкое будет!.. Ну да ладно, он что-нибудь придумает. А пока надо с татаровцев потребовать, чтобы и они в борьбе с русской дружиной поучаствовали. Ишь, попря-

тались за Змеевой спиной, за шеями его да головами. Трусy у него союзнички, ох и трусы...

Змей Горыныч сокрушенно покачал головами и поглядел на своего сына, который сидел в расщелине скалы — безучастный, понурый, вяло опустив острые крылья.

— Что с тобой? — спросил Змей, чтобы забыть про боль.

— Ничего, — буркнул сын.

— А чего такой задумчивый? — не унимался Змей.

— Задумчивый — потому что думаю.

Нате вам! О чем это нынче цыплята задумываться стали?

— Расскажи родителю, о чем твои мысли? Может, помогу чем? Все-таки не один десяток лет небо и землю меряю. Ну-ка...

Горынчик-распрявил шею и поглядел в глаза родителю. Змею как-то неуютно стало от его взгляда. Было в нем что-то такое... Вернее, что-то не такое. Беспокойное. Не холодное. Не змеиное! Поежился даже Змей Горыныч. А от слов сыновних ему еще тяжелей стало. Младшая голова даже зажмурилась, как спросил Горынчик:

— За что ты так людей ненавидишь?

Дожили! Яйца кур учить начали! И что это с дитем делается — непонятно, сам на себя не похож. За что, главное дело, людей ненавидишь! А за что их любить-то?! И Змей Горыныч сыну своему неразумному так и сказал:

— Да за что мне их, спрашивается, любить? Ишь, расплодились, разползлись по всей земле. Плюнуть некуда!

— Что ты! — усмехнулся Горынчик. — Земля громадная. Места много.

— Пожгу всех — еще больше будет места, — рявкнул Змей.

А Горынчик только головой покачал:

— Ты ведь не всех жжешь. Татаровцев не трогаешь. Ты только русичей...

— Ну и что?! — заметался по пещере Змей. — Ну и что? Так все мои предки делали!

— Но все-таки чем русичи перед тобою провинились? — громко вскрикнул Горынчик.

— Вот дите беспонятливое! — сокрушенно покачалась младшая голова. — Ясно же сказано: еще мой родитель жег, и его родитель, и родитель его родителя...

— Да слышал я это, знаю, — тихо и грустно молвил Горынчик. — Они, они, они... Но все это они! А вот ты — Змей Горыныч Девятый, зачем именно ты это делаешь?

Младшей голове ужасно захотелось укунить как следует этого недоумка. Ну чего прилип, как банный лист? Тьфу, русичей присловье вспомнилось. Вот за присловья эти и ненавидит их Змей Горыныч Девятый лютей лютого. За сказки-байки. За

песни! Как заведут свои напевы — плывут они над полями-лугами, рощами-лесами, точно дым, и душу Змееву какой-то тоской обволакивают, печалью, от которой... от которой не жечь — палить хочется, а самому запеть впору!..

Змей Горыныч даже завертелся, так неприятно было это вспоминать. Но сыну-то всего не обскажешь! И он буркнул только:

— Смеются они, понимаешь, много! Им плакать бы надо — а вместо этого я плачу. Без головы, вишь, вернулся с боя. И кто, кто отрубил?! Можно сказать, совсем зародыш!

— Бьет зародыш, как видно, крепко! — съехидничал Горынчик, но Змей на него не рассердился, даже наоборот обрадовался, потому что никак злости у сынка прибавилось?

— Ничего! — подмигнул он четырьмя глазами. — Я с этим Добрыней все равно справлюсь!

— Что?! Добрыня? Добры!.. — вскинулся было сын, и даже глаза его черные вспыхнули разноцветно, но тут же погасли, потускнели, он снова понурился, уныло свесил крылья и вздохнул тяжело.

— Да что с тобою?! — возопил Змей Горыныч. — Здоров ли?

— Здоров... — проямлил Горынчик. — Плечи только почему-то побаливают, а так я здоров.

Змей Горыныч как услышал, что у сына плечи побаливают, так и глаза от счастья завел, нежно похлопал Горынчика крылом по крылу.

— Не горюй! — ободрил он сына. — Это — не боль. Это — радость! Это ты взрослеешь! Это ведь головы у тебя, детеныш дорогой, растут!!!

Горынчик кувыркнулся вниз, на каменный пол пещеры. И остался сидеть там, ошеломленно глядя на родителя.

— Какие... головы? — наконец вымолвил он испуганно.

— Как это какие? — засмеялся Змей. — Новые! Еще две головы. Наш род — трехглавый, аль позабыл? Эта, нынешняя-то, головушка еще глупая у тебя. Несмышленная пока. Потому как первая. Блажи в ней много. А вот вторая вырастет — это будет настоящая голова. Умная. Хитрая. Злая! Вот с ней ты уже настоящим Горынычем станешь. Не Горынчиком, а Горынычем. Будешь ты Змей Горыныч Десятый. А потом у тебя еще одна голова вылупится — младшая. Что с нее, что со старшей — невелик прок. Только жару в битве поддадут в случае чего...

И тут слова застряли в глотке у Змея, потому что Горынчик плакал. Медленно сочились зеленоватые прозрачные слезы. Змею Горынычу так худо от этого стало, словно у него и две оставшиеся головы разом с плеч слетели. «Разве Змеи плачут?!» — подумала перепуганно младшая.

А Горынчик взглянул прямо на родителя и с хриплым птичьим клеткотом спросил:

— Значит, головы растут?

— Да, — кивнул Змей Горыныч.

— Три их у меня будет?

— Да, — кивнул Змей Горыныч.

— И я буду точно такой же, как ты?

— Да! — гордо кивнул Змей Горыныч.

— Ненавидеть всех стану? Русичей жечь, в полон угонять, их врагам помогать?

— Да, — кивнул Змей Горыныч.

— От злобы своей задыхаться буду?! Нет! Нет! Никогда!

И не успел Змей Горыныч пикнуть, как Горынчик вылетел из расщелины да исчез. Родитель метнулся было за рехнувшимся сынком, но задел ноющим обрубком шеи острый выступ скалы и свету белого неувидел — на пол рухнул.

Полежал немного, поуспокоился... И подумал, подвывая от боли: «Злым быть не хочешь? Ненавидеть не хочешь? А куда ты, птенчик мой, денешься? Род наш — он свое возьмет!»

И вроде легче ему стало.

— Эх, бедняга... — неслышно вздохнул Митрюска.

Пиню Ушастому тоже было до слез жалко Горынчика. Он засопел и дернул ухом.

Дубовые листья туго шелестели над избушкой старой Мухоморихи. Зеленые желуди едва проклюнулись из зелененьких шапочек. Лето, жаркое лето полыхает, а здесь, под тяжелыми ветвями, плотными листьями, тихо, сумеречно...

Долго искала Горикея, матушка Добрыни, ту низенькую, в землю вросшую избушку. Еле нашла! Пока бродила — изнывало сердце в тоске-кручине. Ведь в Стольный град, где мать нового воеводы проживала в княжеском дворце, забрели старухи-кошельницы. Заводили песни недобрые про какого-то богатыря, сгинувшего в битве. Лежит-де во чистом полюшке богатырь убит. Головой лежит ко Горюн-реке, резвыми ножками во чисто поле. Сквозь его, богатыря, сквозь кудри сквозь желтые проросла трава муравая. На траве расцвели цветочки лазуревые...

Слушала мать эту песню, слушала, и сердце в груди трепыхалось, ровно рыбка, на песок выброшенная. А ну как про Добрынюшку это?! Вестей из дружины нет как нет... И черные мысли сами собою в страшные слова складывались: мол, лежит это во чистом поле Добрынюшка убит... Головой лежит ко Горюн-реке,

резвыми ножками во чисто поле. Сквозь его, Добрынюшки, сквозь кудри сквозь русые проросла трава муравая, на траве расцвели цветочки лазуревые...

Пометалась по княжьим покоям Гориkey, помаялась — да и пошла к Мухоморихе-ведунье о сыне спросить.

Пришла, в двери робко постучалась.

Давно Мухомориху не навещали гости. И вот... С порога ей низко поклонилась женщина. Мухомориха пристально ее оглядела: одета скромно, в черное. Лицо тоскливое, глаза исплаканные. Горемыка, видать, горькая... Покачала бабка головой, жалючи, спросила:

— Ну, дочушка, что с тобою сделалось? Что вздыхаешь, что слезы роняешь?

Ответила гостья тихо:

— Как же мне не вздыхать, как слез не ронять? Уж совсем подкосились мои ноженьки, опустились мои рученьки, потускнели мои глазыньки. Помогите, добрая бабунюшка, а не то останется мне только взять булатный острый ножичек да заколоть мое ретивое сердечушко. Изболелось оно, измаялось от тоски по сыночку родимому, по Добрынюшке...

Ахнула Мухомориха — и руки врозь. Ай да гостья к ней пожаловала!

— Проходи-входи, дочушка! — засуетилась старенькая былица. — Проходи-входи, голубушка! Все тебе скажу, что узнаю. Не держи худых мыслей. Не грустить, не унывать — лихо сбывать!

Усадила Мухомориха гостью в уголок, а та все приговаривает:

— Живо ли мое красное солнышко? Не притоптал ли его к сырой земле злодей-разбойник? Не вьется ли птица черный ворон над русой головой сыночка родимого?

И наконец молвила Мухомориха, глядя в махоточку со звездною водицей:

— Войско русское-то числом все больше и больше становится! Идет оно и идет вперед. А Добрыня, слышь-тко, наш — истинный воевода. Нанес чести Змея Горыныча великую поруку — срубил его окайнную голову!

Ахнула Добрынина матушка, за сердце схватилась.

Мухомориха продолжала речь свою:

— Дальше отправился наш Добрыня на подвиг свой. Тяжко, тяжело придется ему! Клубятся вокруг его образа светлого силы темные. Много, много сердца своего отдаст он боям-сражениям, горестям-печалям.

Гориkey так вперед и подалась:

— Чем же помочь ему? Чем? Что я сделать могу? Да хоть

возьми ты у меня из сердца всю кровушку по капельке — на все я согласна!

— Да что ты, что ты, касатушка! — замахала на нее Мухомориха. — Зачем страхи такие? Конечно, будь у Добрыни кобыла семиногая, семикрылая да в придачу еще стрелка каленая речная — легче было бы ему сражаться со Змеем. Ну, о кобыле той волшебной и мечтать не приходится: она в заморской земле к каменной башне сорока цепями прикована. Да и без стрелочки каленой речной однострельной-одновыстрельной трудненько одолеть чудище поганое, будь у тебя хоть семь кобыл семиногих и семикрылых.

— Не томи! — простонала Горикея. — Как стрелку ту до-
быть?

— Есть на свете Горюн-река, — ответила Мухомориха. — Горюн-река очень свирепая, а середняя-то струйка как огонь се-
чет. Вот кто огня того подводного не испугается, кто в се-
реднюю струйку вплывет да в глуби ту стрелочку однострельную-
одновыстрельную отыщет, тот и поможет Добрыне Змея Горыныча
одолеть-побороть. Возьмет Добрынюшка тогда тугой лук разрыв-
чатый, натянет тетивочку шелковенькую, поставит стрелочку ка-
леную — и с одного выстрела чудище поганое наземь и уложит.
Потому что стрела та — заветная, а Горюн-река из слез рус-
ских полонов слитая, вот в стрелочке вся сила лютой горечи
и собралась. И нет от нее спасения Змеиному роду-племени.

Поклонилась тут Горикея Мухоморихе в ноги — и выбежала
вон.

— Куда ты, дочушка? — прокричала вослед старуха, уже
зная ответ.

— Горюн-реку искать! — донеслось издалека. — Горюн-ре-
ку-у!

А в малиннике своем востепенулся и кинулся куда-то Мих-
рюська.

— Куда ты, куда? — всполошенно застрекотал Пинь Уша-
стый.

— Горюн-реку искать! — эхом донеслось.

Пинь Ушастый дернул ухом — и заковылял за Михрюсь-
кой. Куда ж денешься? Дружки они. А раз так...

Черным-черно в чертогах чудища крылатого, Змея Горыныча.
Темным-темно! Но того темней, того черней на сердце невольни-
цы, в полон угнанной. Из землицы родимой она выдернута, слов-
но деревце, с корнем. И сохнет, и вянет, и умирает с тоски-кру-

чины. Очушки ясные затуманились, руки белые поникли, головка разумная опустилась... Сидит Забава на черной скале, слезы точит... А что же еще в неволе делать, как не о доме отчем тосковать, как не о спасении мечтать?

«Батюшка мой, батюшка, — зовет Забава, и кажется ей, что думы ее летят легким облаком на родимую сторонку, — спаси меня, вызволи!» Но не слышит тот слов родимой дочери, хоть все его сердце по ней изболелось.

«Милый мой, ненаглядный! — зовет Забава своего жениха и ладони к жарким щекам прижимает. — Солнышко мое ясное! Когда же ты придешь избавить меня от полона?..»

Одна на черной скале Забава. Другие русичи в страшные подземелья согнаны, во тьму упрятаны, а она здесь оставлена. Смотрит в даль, серым туманом подернутую, и мерещится ей: вот-вот, сверкая шеломом и острым мечом, появится на белом коне ее витязь, ее светлый месяц...

Вдруг... вдруг такой ветер поднялся, что взвились длинные косы Забавы, затрепетали полы ее сарафана. Что за шум, что за сумрак нахлынул? Гарью запахло, словно занялись все черные скалы огнем-полымем. Но нет, не пожар это, не огонь, не вихрь — размахнулись над головой черные крылья Змея Горыныча.

Вспомнила девица, как тогда, над рекой Смородиной, замаячило страшное чудовище, как стиснули потом ее тело жесткие лапы, как дышали зловонным жаром три широко разинутые пасти — и сомлела Забава, повалилась на камни...

Очнулась она от холода, от ветра. Глядь — а Змей-то Горыныч, чудище поганое, присел неподалеку и своим огромным крылом ее обмахивает... Эх, кинуться бы на его головы мерзкие, чтобы глаза выцарапать, разом отомстить и за свои горькие слезоньки, и за горе родимой земли!.. И тут же разглядела Забава, что у Змея Горыныча уже не три, а две только головы осталось! Где ж он третью-то обронил? Аль снес кто?! Ну, поделом крылатому чудищу!

Сил у Забавы разом прибавилось. Щеки покраснелись, глаза заблестели, на губах алых смех плещется. Вскочила она радостно, а Змей ее и спрашивает:

— Пойдешь за меня замуж, красавица?

И сникла Забава, как цветок от мороза от лютого. Да лучше погибель! Головой покачала и молвила слово дерзкое:

— Что это ты выдумал, Змей Горыныч? Иль схудоумился? Зачем я тебе? Я — дитя человеческое, а ты — чудище крылатое, многоглавое. Разве мы пара?

— А чем я тебе не хорош? — обиделась младшая голова. — Чем я тебе не жених? Глянь, какая чешуя на мне — блестит,

как самоцветы, глянь, какой хвост у меня — коня одним ударом надвое рассеку, не говоря уж о человеке...

Тут младшая голова словом подавилась и захрипела, потому что средняя, не выдержав такой дурости, накрепко вцепилась зубами в ее шею и чуть не перегрызла от ярости. А девчонка ехидная еще масла в огонь подлила:

— Осторожней будь, Змей Горыныч, не то и второй головы лишишься!

Разжала зубы средняя голова. Перевела дух. Выговорила голосом, от злости скрипучим:

— Не твоя это печаль, красавица. Ты лучше вот чем озаботься: выходи за меня замуж — деваться тебе все равно некуда. согласишься — озолочу. Смотри-ка...

Змей махнул крылом, и показалось Забаве, что скалы черные расступились, а из недр их злат-серебряное сияние полилось, будто и солнце, и луна, и звезды там запрятаны были.

— Узорочья, самоцветов, жемчугов у меня столько, что и не счесть. Хоть целый век из ладони в ладонь пересыпай-перебрасывай — не переберешь всего, — похвалился Змей.

Но Забава снова ему поперечилась:

— Не малютка я несмышленная, чтоб камушками играть. Не пойду за тебя.

— Подумай хорошенько, девица. Не надо со мной шутить шутки нехорошие, — сказал Змей Горыныч очень тихо и спокойно, и в голосе его не было угрозы, но тут-то Забаве и стало страшнее страшного.

Вновь махнул Змей Горыныч крылом, вновь разверзлись черные скалы — и увидела Забава полоненных русичей в темных подземельях.

Вот богатыри — они тяжкими цепями к стенам пещер прикованы. Девицы со слезами красоту теряют. Матери, от страха старея, детей к себе прижимают, а те в темных пещерах уже и забывают, что трава на земле — зеленая, небо над землей — синее, в небе же — солнце золотое...

И еще увиделось-померещилось Забаве, что дохнул Змей Горыныч огнем-пламенем, и пошел тот огонь стеной на людей. Раскалились докрасна черные скалы, от жара растрескались, нечеловеческим криком заволокло все вокруг, исчезли в огне и богатыри, и девицы, и магери с детьми...

И снова темно стало в глазах Забавы. Заломила она рученьки белые, забилась, зарыдала, потому что поняла: вот оно, условие! Или она за Змея пойдет, или...

В ельнике-сосеннике Михрюська беспомощно посмотрел на Пиня.

— Что же теперь будет? — пискнул он голосом подбитой птахи.

— Не знаю... — растерянно ответил Пишь и дернул ухом.

Много на белом свете чудес. Где-то, поговаривают, есть сторона, в которой люди все черным-черные, будто их всех сажей повымазали. А в другой стороне, слышно, обитают одни только женщины. Ни одного мужика там нету, ну ни разъединого! А то, бают...

Много чего бают. Не все слушать, не всему верить. Но Добрыня мог бы скорее поверить в то, что солнышко в небе — зеленое, чем в то, каким Юпишка обернется. Словно кто подменил вельможу после боя Добрыни со Змеем. Будто с вечера лег спать, завернувшись в широкий плащ, шелком шитый да мехом дорогим отороченный, один человек, а проснулся утром совсем другой. Добрый. Тихий. Скромный. Приветливый. И для этого нового Юпишки первый человек на всем свете — Добрыня. Воевода Добрыня!

То поднесет ему Юпишка турий рог меду сладкого, то кунью шубоньку по вечерней прохладе на плечи набросит.

Поначалу это лестно было. Добрыня сам себе казался лучше, сильнее, старше. А потом... Потом сделалось вроде бы слишком сладко. Словно меду Добрыня объелся. И стыдно ему других воинов стало. Ну, срубил голову Змею Горынычу. Всего-то и делов! Любой и каждый так поступил бы на его месте. Ведь, если честно сказать, голову Змею он снес... со страху! Да-да! И тем более Добрыне совестно своей трусости, что и другие воины к нему отношение после того переменили. Будто он и не мальчишка теперь, а им равный. Так что же, получается, что он их всех обманывает?

Начал Добрыня все это обдумывать и передумывать — да и запечалился. День печалится, другой... Наконец как-то раз, когда остановились в чистом поле на ночлег, к Добрыниному костру, слегка посунув плечом назойливого Юпишку, присел старый Огниво. Помолчал, веткой пошевелил шуршащее пламя, от которого поднималось дрожащее раскаленное марево, и тихо спросил, не отводя глаз от огня:

— Чего такой кручинный, Добрынюшка? О чем горюешь?

Добрынюшка... Не воевода, не Добрыня даже. Так матушка сына своего называла. А голос у Огнива — как у батюшки родимого. Не помнит отца Добрыня, давно тот голову в бою сложил, а голоса его не позабыл. И, как отцу, открыл Добрыня Огниву свою тайну горькую:

— Совесть меня мучит. Трус я!

Огниво так резко повернулось, что чуть навзничь не опрокинулся:

— Что?! Что ты говоришь? Это почему же такое — трус?

— Да голову-то я тогда Змею снес... потому что испугался. А смелый богатырь один на один выезжает с врагом биться в чисто поле, и каждый удар свой он наперед знает. Я же махал мечом во все стороны с перепугу — вот и угодил нечаянно по Змею, — покаялся Добрыня.

— Почему же ты испугался? — тихо спросил Огниво.

— Ну как же? — удивился Добрыня. — Змей рядом был! Уж и земля горела. И деревья пылали. И ребяташки криком кричали. Еще немного — и задохнулись бы они в том дыму, сгорели в том пламени. Да и мне бы конец пришел. Вот я и струсил.

Тут Огниво такое выкинул коленце, что Добрыня опять изрядно струхнул. Откинулся Огниво на траву и так захохотал, что ото всех других костров войны оборачиваться стали, а иные подходили посмотреть, что это делается.

Наконец утих громовой хохот, превратился в тихий, добрый смехок:

— Все бы, Добрынюшка, так пугались — давно бы уж ни чудища поганого, ни других врагов лютых не было на Руси. Ты что ж думал — героями да богатырями на свет рождаются? Это только в сказках да байках... А как, по-твоему, подвиги свершаются? Просто испугается человек за то, что на белом свете ему дорогого дороже, — и бросится на защиту. Этот страх не позорный, а гордый. Да и не страх это вовсе, а... Эх, не знаю, как и назвать!

— Может, любовь? — послышался негромкий голос, и, обернувшись, увидел Добрыня Светозара, а рядом с ним и других дружинников.

— Любовь? — раздумчиво повторил Огниво. — Может, и любовь. Она ведь разная бывает...

— Лю-бовь? — встрял тут Юпишка. — Она-то всегда одна! Одна-разъединяя и самая огромнейшая любовь человека — к себе самому! Право слово воеводы: оттого он смог поганую голову Змея Горыныча срубить, что за себя испугался. За то испугался, что ему дороже дорогого на свете белом, — за себя, за жизнь свою драгоценную.

Опешил Добрыня. Так, что ли? Нет, не так! Но как же тогда?..

Тут заговорил Светозар:

— Скажи, вельможа... Если ты слова такие говоришь и веришь в свои слова, то что же привело тебя в наше войско? Ведь

здесь твоей драгоценной жизни угрожают такие опасности!.. Юпишка запыхтел. Зловредный намек в словах молодого князя скрывался!

Добрыня услышал за спиной тихие смешки дружинников и тоже чуть было не рассмеялся. Вспомнил он, какой такой опасности Юпишка недавно подвергся... Недолюбливал вельможа простую воинскую пищу и всегда возил с собою в обозе телегу с особыми лакомствами. Знали все, что у Юпишки там яства сахарные да сладкие хмельные напитки. И когда дружинники рассаживались вокруг костров с кашей, Юпишка в сторонке меды по целой чаше охлестывал, пряниками печатными заедал. А если угостить кого решался, так только Светозара или еще, с недавних-то пор, Добрыню. Добрыня, однако, от угощений тех отговаривался, да и Светозар не больно жаловал Юпишкины подношения.

Несколько дней назад, на привале, отогнал Юпишка свою заветную телегу подальше в лес, чтобы на свободе вдоволь полакомиться. Лошадей выпрягли пастись. Наелся Юпишка, напился, шубой собольей прикрылся — да и заснул. Твердо помнил, что на возу заснул. Но утром пробудился почему-то на сырой земле — под возом. Телега же как стояла, так и стоит. Пустая только. А кругом ее трава примята... лапами медвежьими! Знать, хорошо угостился Юпишка, крепко спал он, коли не чуял-не слышал, как хозяин леса скинул его с телеги, а все лакомые припасы не то с собою уволок, не то тут же схрумкал. Ладно, что хоть на самого Юпишку не польстился!

Припомнил Добрыня, какой шум-крик тогда Юпишка поднял, и нарочно закашлялся, чтобы не расхохотаться, не обидеть почтенного человека.

Тут заговорил Огниво, и сразу смешки да шутки стихли. Сказал он:

— Великая сила — любовь. У каждого она — своя. И каждый свою любовь в самый тяжкий час вспомнит. Вот ты, князь Светозар, за что бьешься, за что ратишься?

— За красу ненаглядную, — прижав руку к сердцу, ответил Светозар.

Добрыня покраснел. Он матушку любил, но никогда мысли-ми о том голову не отягощал и так, любовью, это не называл. А еще он любил закаты, когда на небе менялись цвета от багрового до золотого и бледно-зеленого, и невозможно было выбрать, какое облако, какая полоса неба краше, и сердце от этого чуточку щемило, словно от тоски... Он любил тишину предрассветную над Смородиной-рекой, когда в тумане спокойно пахнет невидимой большой водой, а из белесой дымки выступают только вершины деревьев и кустов — точно заколдованные, неземные

какие-то, и тревожно на душе, и радостно, и будто ждешь чего-то... Он любил синие майские дни, когда солнце на зеленом-зеленом лугу дробится на множество крошечных, желтеньких, как цыплята, солнышек — одуванчиков. А как он любил Горынчика! Как лучшего, самого верного друга! О том до сих пор больно вспоминать. И не надо. А еще он, кажется, полюбил..

Тут Добрыня быстро зажмурился, тряхнул головой, испугавшись даже мыслей своих, и заставил себя слушать, что говорит Огниво.

А тот вопрошал дружинников, и они отвечали:

— За деток малых бьемся!

— За матушку родимую!

— За жену любимую!

— За дом отчий!

Огниво повернулся к Юпишке:

— У каждого, видишь ты, своя любовь, вельможа. Каждый свое солнце в сердце носит. Но скажи, на что князю Светозару и его красной девице их любовь, если негде будет той любви гнездо свить? Если не смогут они своим сынам сказать, когда выйдут с ними на луг, солнцем залитый: вот она, Родина ваша!.. Вот любовь, для всех нас единая, — Русь! Каждый из нас — только росинка в ее безоглядной синеве. И каждый из нас без нее высохнет. Задохнется. Пропадет! Как же не любить ее? Как за нее не биться, не ратиться? И разве мы пожалеем жизни за нее положить?

Вроде бы и негромко говорил Огниво. Но все его услышали, и эхо от его этих слов пронеслось-прокатилось над черным полем, над спящим лесом, к далекой сонной луне. И настала такая глубокая тишина, словно вся Русская земля к словам Огнива прислушалась...

И в этой тишине услышал вдруг Добрыня слабый посвист, а потом покачнулся Огниво, за плечо левое схватившись, но устоял на ногах, вырвал из плеча стрелу острую оперенную, неведомо откуда прилетевшую, и крикнул зычным голосом:

— Гаси костры! Вороги рядом!

*

Крик этот, словно тяжелый удар меча, рассек ночную тишину, и из черноты хлынул протяжный вой волчьих стай, немолчный крик ворон и галок, клекот стервятников, алчущих крови человеческой... Загудели деревья и зашумели травы, словно от смертельного ужаса. Зажал уши Добрыня, чтоб не слышать страшных звуков этих, зажмурился, чтоб не видеть метавшихся по полю, словно черные тени, воинов, которые разбрасывали

костры, затапывали горящие головни, собирали стреноженных коней и седлали их. Но заржал громко, призывно Бурко-Бурочко, косматочко-троелеточко, и ржанием своим словно подхлестнул Добрыню, и страх, звериный, низкий, упал к его ногам, и наступил на него Добрыня, и переступил, и бросился к своему коню.

Под холодным, сонным светом бледной, круглой луны собралось, построилось в ряды русское воинство. Позади Добрыни мелко трясся, колотил зубами от страха вельможа Юпишка, и каждое колючко на его кольчуге брэнчало-звякало. А Светозар негромко произнес:

— Татаровцы за лесом.

Различил тут Добрыня дальнее зарево костров и догадался, что стрелял в Огниво татаровецкий лазутчик, тайно к стану русичей подошедший, а бой, по всему видно, грянет только поутру.

И долгая-долгая, бессонная, тревожная ночь потянулась светлая, лунная... Траву роса покрыла. На Горюн-реке, что огибала подковой лес да поле, крылами по воде гуси-лебеди плескали, вскрикивали тоскливо и протяжно... У каждого русского воина — князя ли, простого ли дружинника — лежали на сердце потаенные тревоги, бродили в голове потаенные мысли. Каждый сурово думал: «А что если...» И каждый надеялся: «Не может того быть...»

Юпишка беспрерывно шептал что-то себе под нос. Прислушался Добрыня — и ушам своим не поверил.

— Быть беде! — шептал Юпишка. — Быть беде... Черного лебеда я видел!

— Что ты там бормочешь, вельможа? — спросил Светозар, с трудом отводя взгляд от луны, на которую так пристально смотрел, будто надеялся увидеть там лик любимой.

Юпишка громко всхлипнул и выдавил:

— Побьют... побьют они нас... Примета на то есть.

— Какая еще примета? — спросил Огниво.

— Ой, лихо-беда, ой, горе-горенько! — погромче запричитал Юпишка. — Черного лебеда увидел я в тот самый миг, как стрела вражья прилетела. Черный лебедь противу луны промелькнул. Быть беде!

Сердце у Добрыни в самые пятки бухнулось. Слышал он, что накануне боя-сражения черную птицу увидеть — нет худшей приметы. И вот... Что же теперь будет? Он с надеждой всматривался в лица Огнива и Светозара.

А неба меж тем коснулся первый бледный отсвет зари. И, коня своего с места тронув, сказал Огниво:

— Поезжай-ка со мною, воевода, только гляди веселей. Не хорони неубитого! Теперь я свою примету попытаю.

И некоторое время кони Огнива и Добрыни шли рядом по высокой росистой траве. Добрыне почему-то вдруг так захотелось коснуться ее! Он склонился с седла. Узкий, острый и холодный лист показался ласковым.

Тут Огниво остановился, спрыгнул с коня, потом лег, припав к земле ухом, и долго слушал. Знал Добрыня — еще давно, в Земляничном, слышал от стариков, — что вот так чуткое ухо да неспокойное сердце могут узнать исход решающей битвы. Но ни за что, ни за что не осмелился бы он землю-матушку спрашивать. Кто знает, что она ответить может! Судьба не любит, когда ее пытаются. А вот Огниво спросить ее не побоялся.

Наконец он встал, поникнув головой. Добрыня заробел сначала, потом все-таки решился, вымолвил:

— Что же говорит твоя примета?

— Скажу тебе, воевода... — начал медленно Огниво, но тут же поправился: — Скажу тебе, Добрынюшка... Одна примета на радость, а другая — на печаль. Слышал я, как земля плачет на два голоса, и одна сторона плачет, будто мать причитает о детях своих, а другая сторона поет, словно свирель. Я знаю, что это значит. Победим мы врагов, наш верх будет, наша слава. Но много падет наших воинов...

И медленно подступили тут к глазам Добрыни слезы, но он сморгнул их, устыдившись, только вздохнул так горько, так тяжело, словно камень тяжелый придавил его грудь. Кто же будет среди павших? Кто? Да разве узнаешь... И что в том толку?

Они вернулись к дружине, и Добрыне показалось, что воинов словно бы стало меньше. Растворились они в темноте, что ли? Но Светозар объяснил:

— Самый сильный отряд я в засаду послал. Нам подмога в наитягчайший миг прибудет. Согласен ли, воевода?

Добрыня кивнул и подумал: как хорошо, что в его дружине есть Светозар. И Огниво. И все другие... Иначе никакие предсказания и ворожбы не помогли бы ему. Тяжко бы ему пришлось. Но... неужто от него самого в этой битве никакого проку не будет? Неужто ему только чужими руками жар загребать?

Рассветало. Слабые солнечные лучи исполосовали небо, изпод облаков пробиваясь, а над рекой Горюн, в низине, стоял туман, точь-в-точь как над Смородиной... Теплее стало на сердце, и Добрыня решился свое слово молвить:

— А что, если не ждать нам врагов? Самим к ним подойти? Низинка вон туманом затянулась — незаметно приблизимся...

Светозар и Огниво переглянулись.

— Твое слово, воевода! — только и сказал Огниво, и они со Светозаром, который довольно крутил молодой ус, поехали

передавать приказ воинам. И радость, нетерпение зажгли кровь Добрыни...

Наконец тронулись полки, каждый под своим стягом. Медленно, спокойно шли воины. Один за другим они исчезали в густом тумане, и только мать-земля издавала под их шагами тревожный гул.

«Много падет наших воинов! — вспомнил Добрыня слова Огнива. — Но верх наш будет». Значит, и врагов падет много? Пусть! Туда им и дорога! Кто им позволил разорять, топтать землю нашу?»

И Добрыня, тронув Бурка стремением, въехал в белую, влажную мглу.

Долго ли, коротко ли скиталась по густым лесам честна вдова Горикея, но дошла она наконец и до Горюн-реки. Лапти уже прирвались, и платье придержалось, но что платье, что лапти, когда вот она, цель заветная, близка-близехонька!

Вышла Горикея из лесу темного на широкий чистый простор, под вольный ветерок — и слез от радости не сдержала. Наконец-то позади лесная чернота! Ох, натерпелась страхов Горикея, хотя все звери дикие ее стороной почему-то обходили. Раз наткнулась она прямехонько на медвежью берлогу, так хозяева того жилища с ревом испуганным повыскочили и бежать кинулись, будто не женщина слабая к ним приблизилась, а чудово заморское!

Как приустанет Горикея, тут же мягонький сухой мох сам под ноги стелется — ложись, мол. А ночью ни дождинка на нее не капнет, ни сучок в тиши не треснет, ни птица бессонная крылом не чиркнет, ни зверь вдали не рыкнет... Встанет ли рано поутру — а на траве, на листьях полно росы, чтоб умыться. Проголодается ли — в чащобе потаенный ягодник приоткроется. Жажда ли одолеет Горикею — неподалеку ручеек-журчеек зачирликает... «Спасибо тебе, мой батюшка лес, что не помешал бедной матери к сыну идти!» Почудилось ей — или и в самом деле две осинки в ответ ветками покачали?..

Вот и река. Широком-широка, глубоким-глубока! Волны в берег так и бьются, так и плещутся, белой пеной покрытые. Вода серая, недобрая. Где же тут стрелку искать заветную, однострельную-одновыстрельную?

«Есть на свете Горюн-река, — говорила тогда Мухомориха. — Горюн-река очень свирепая, а середняя-то струйка как огонь сечет. Вот кто огня того подводного не испугается, кто в среднюю струйку войдет да в глубь стрелку серебряную одно-

стрельную-одновыстрельную разыщет, тот и поможет Добрыне Змее Горыныча одолеть...»

Что же, горька, видать, водица в Горюн-реке, да не миновать ее отведывать. Оглянулась матушка опасливо на темный лес, платок свой черный развязала, косу тяжелую трижды вокруг головы обернула, потом и платье сняла, скромное, вдовье, и лапотки драные. Оставшись в одной рубахе исподней, медленно по берегу колкому спустилась, в воду холодную вошла...

Вошла — и снова на берегу оказалась. Как же это?.. И босые ноги сухие, и подол рубахи... Что за притча?

Снова в реку ступила Горикея — и снова на берегу сухим-сухонька оказалась. И еще раз, и еще... Что же это? Неужто река ее не принимает? И неужто не пустит в себя Горюн-река? Но коли так, коли с берега сойти нельзя, то как же до средней струйки добраться? Стрелку заветную раздобыть? Добрынюшке помочь?..

До самого вечера, до темноты самой, билась, как рыба, на берег выброшенная, Горикея, чтобы в воду войти. Рвалось ее сердце от муки и бессилия, и много слез Добрыниной матушки слилось тогда со слезами полонов русских, которыми Горюн-река полна до краев...

Как стемнело, снова облачилась Горикея в свои одежды черные и прилегла на бережку отдохнуть. Но глаз сомкнуть ей не удалось. Беспокойная выдалась ноченька! То волки воем выли, то вороны каркали, орлы клекотали, гуси-лебеди над Горюн-рекой протяжно кликали, крыльями о воду плескали... И всю-то ночь стояло над противоположным берегом смутное зарево, словно жгли там костры горючие, и все мерещились Горикее голоса дальние, и ржание, и оружейное бряцание...

Михрюська и Пинь Ушастый тоже в ту ночь не сомкнули глаз и совсем извелись. Уж они-то знали, как до средней струйки добраться! В Горюн-реку человек должен войти, не думая о том, чего он ищет, — о другом думая! Но как это Горикее подсказать? И как же можно не думать о том, зачем идешь? Всю долгую дорогу до Горюн-реки лесовуны матушку Добрынину охраняли-оберегали, покой ее стерегли, ручейки да ягодники перед ней отворяли, а вот в наиглавнейшем деле помочь не в силах! И ни Михрюська, ни Пинь не могли бы сами ту стрелку заветную из Горюн-реки достать. Лесовуны они! Шишкуну, еловнички. Лесные, значит, жители. А лесное — лесу. Речное же — реке. Погибель лесовуна в реке дожидается. А кому же охота самому на погибель лезть? То-то и оно-то!

— Ладно, — велел наконец Михрюська тонким комариным писком. — Давай-ка соснем. Утро вечера мудренее.

— И то, — согласился Пинь, шумнув крылом ночной бабочки, и дернул ухом.

*

Взошло на востоке ясное солнце. Доспехи русичей блестели, как речная вода под ветром, шеломы светились, как золотая заря. Грозны были лица воинов, увидевших перед собой врага, каждый за товарища и за Родину умереть был готов. А сердца поганных татаровцев, когда неожиданно-негаданно пред ними русская дружина возникла, залились страхом и ненавистью.

Добрыня на воинство оглянулся. И захотелось ему подойти к каждому дружиннику своему и обнять его перед боем. Ведь даже имен многих из них он не знает. Кто сегодня так и ляжет на сыру землю не узанным им? А может, и ему сегодня час ранний, последний настанет?.. Тряхнул головой Добрыня, взялся за узду тесьмяную, тронул стремечком булатным, занес было плеточку шелковую, а Бурко-Бурочко, косматочко-троелеточко, уже понес его вперед, а вслед и дружина двинулась по зову воеводы:

— Братья и друзья, все воины русские, за мной!

И татаровцы им встречу понеслись без числа...

Крикнул Огниво:

— По-нашему — бей, руби, себя не береги!

И вот сошлись войска, поравнялись, да так ударились, что земля загудела.

И бились крепко. Конем топтали, копьем кололи, мечом рубили. Тесно стало в поле просторном. Лилась кровь дождем, молниями блистали мечи, громом гремели боевые крики.

Видел Добрыня, как Юпишка пытался повернуть коня, но крепкая рука Светозара вернула его в ряды, а потом все смешалось, и только мелькали иной раз в гуще битвы то Светозар, то Огниво, то иной кто из русичей, и каждый сражался отчаянно: того ударит одной рукой, того — другой, третьего конем сшибет, и которых на землю положит — те с места не встают и не встанут уж веки-повеки.

Затупились меч Добрыни, перестал он лица различать врагов лютых. Давно бы усталость свалила с седла, да ярость держаться помогала. Только все казалось ему, что рубится он с одним и тем же человеком. И не копыя стучат, не мечи бренчат, а противник его восклицает-похохатывает:

— Гой-еси, Добрыня! Хочешь ли, Добрыня, я тебя мечом сражу? Хочешь, ли, Добрыня, конем стопчу? Или я тебя, Добрыня, копьем заколю?..

Шло то кровопролитие и час, и другой, и третий, а потом

начали татаровцы одолевать! Богатыри русские удалые, как трава под копытными копытами, землю устилали. Вороги со всех конрон наступали, а наши полки слабели. Русские дружинники, что в засаде таились, уже не раз на подмогу выскочить были готовы, но более опытные молодых уговаривали, удерживали:

— Не настал еще наш час! Будет нам еще с кем потешиться! Да, конца-краю сражению не предвиделось...

Только под самое утро сморил сон Горикею, но не надолго. Очнулась она от покрика человеческого, от ржания лошадиного. Глядь — на том берегу нагнано силушки черным-черно! Бьются-сражаются — только стон и звон стоит. Не на жизнь, видать, а на смерть бой идет! То воины светлые верх берут, то воины темные их теснят. Догадалась Горикея, что это русичи с татаровцами сражаются, и сердечушко у нее заныло: ведь там, не иначе, и сынок ее!

И вдруг... Всадник русский к воде спустился: оттеснили его вороги, бросились на одного сразу несколько. Бьется он с ними, а сам того не видит, что сзади другие подбираются! Заметалась по берегу Горикея, закричала отчаянно, и воин обернулся, словно крик ее услышав, и лицо его различимо стало Горикее...

— Добрынюшка, свет мой! — крикнула она — и, как была, в реку бросилась.

Вода расступилась, приняла ее, а волны-то тяжелые какие да студены! Плывет Горикея, а вокруг себя ничего не видит — только голова сына милого — русая, непокрытая: не иначе, шлем в бою сбили! — в глазах стоит, руки его тонкие с мечом тяжелым.

А река широка, глубока, а тело холодом сковывает, на дно тянет. Но были еще силы, выплыла бы она, да ведь не в простую реку попала — в Горюн-реку! Вдруг таким огнем ее обожгло, словно не вода кругом, а костер горячий. «Горюн-река очень свирепая, а середняя-то струйка как огонь сечет!» — успела вспомнить Горикея, и в тот же миг волна ее накрыла. Вынырнула, воздуху глотнула и вновь под воду ушла. Еще раз вынырнула...

Тут Михрюська, ног под собой не чуя, к реке бросился.

— Куда ты, куда?! — закричал ему вслед всеми лесными голосами Пинь Ушастый. — Куда?! Смерть там!!!

Стал было Михрюська как вкопанный, но тут же вновь увидел над водою голову Горикеи, руки ее, взметнувшиеся в поисках спасения, — и страх его ужасный точно ветром унесло, и

даже почудилось ему, что у него, у лесовуна, нелюди, чуда лесного, в еловой груди сердце человеческое забилося. И понял Михрюська деревянной своей головушкой, как это бывает, когда ради другого человека на смерть человек идет...

Вплеснулся Михрюська в воды Горюн-реки, поплыл что было сил на середину. Но как скоро он ни плыл, а Пинь Ушастый почему-то впереди оказался, раньше до Горики добрался. Ну никуда от этого Пиня не денешься!

...У Добрыни в ушах все еще крик матушкин стоял. Но откуда бы ей здесь взяться? Однако, коли не слышался бы голос тот родимый и не обернись Добрыня вовремя, не жить бы ему уже на белом свете... Подумал так, на врагов поверженных в запоздалом страхе глянул — и понукал Бурка от реки. А Бурко ржет, беспокоится почему-то, уходить не хочет...

С обрыва спустились верхом Юпишка и Огниво:

— Жив ли, воевода?

— Еле жив, — усмехнулся Добрыня и пот со лба отер.

Тут Огниво на реку посмотрел да так и вскинулся в седле:

— Гляньте! Тонет кто-то!

А и впрямь — посреди Горюн-реки головы да руки из воды подымаются. Но долго рассматривать не пришлось — опять сеча началась. Огниво, мечом разя направо-налево, крикнул Юпишке, что, по обычаю своему, за спины хоронился:

— Гони коня в воду, спасай людей!

— Нет, нет! — истошно завопил Юпишка, в шею коня влипая. — Сам потону, плавать не умею!

— Ах ты, трус вечный, таракан запечный! — гаркнул в сердцах Огниво и, сразив одним ударом своего супротивника, верхом в воду кинулся.

Добрыня в горячке боя тут же про него и позабыл, но вскоре вновь заплесал под ним Бурко, заржал радостно. Обернулся Добрыня — а Огниво уж из воды выходит, рядом два мужика какие-то... Они тут же бежать кинулись, на обрыв вскарабкались, к лесу припустили — только их и видели! А на руках у Огнива... у Огнива-то на руках родимая Добрынина матушка!

Бросился сын к матери, ткнулся лицом в платье мокрое и замер. Но недолго счастье то длилось, потому что крикнул, с обрыва соскакивая, Светозар, весь вражьей кровью покрытый:

— Берегись, воевода!

И последний отряд татаровецкий подскакал, тесня русских на узкую полосу берега. Все, кто остались из дружинников, собрались здесь. Вспомнил Добрыня: «Верх наш будет, но много

падет воинов наших». Когда же, когда победа наступит, ведь пали уже многие и многие?! Но — в бой!

А в это время вскричали в засаде дружинники:

— Пришел наш черед!

Вылетели из зеленой дубравы витязи наши — и точно свежий ветер повеял над усталым русским воинством. С новой силой начали сыны русские врага сечь, и побежали поганые с криками:

— Горе нам! Перехитрили нас русские!..

Быстро бежали, да немногие ноги унесли.

Все поле близ Горюн-реки покрывали мертвые тела. Ох, многим, многим русичам уже в родной стороне не бывать, жен своих не видеть, детей не ласкать. Ласкать им сырую землю, целовать зеленую траву... Но над каждым, как над родным, горько плакала Добрыня матушка. И словно светлели мертвые лица. Может быть, павшему на поле брани не так тяжело в сырой могиле лежать, если о нем хоть одна женщина грустит-печалится...

Наконец выкопали ямы глубокие, похоронили воинов с великой честью и засыпали землей, сделав высокие холмы. И когда отошли, усталые, от последнего холма, Добрыня наконец спросил:

— Это кто же был с тобою, матушка, в реке?

— Ох, и не знаю... — растерянно молвила Горикея. — Но если б не они, не дожидаться бы мне спасения, утонула бы я в средней струечке Горюн-реки!

— Да как ты там оказалась?

Засияли, засверкали исплаканные глаза Горикеи, в руке тоже что-то блеснуло. И сказала она голосом счастливым:

— Вот, Добрыня, подмога тебе — стрелка однострельная-одновыстрельная, из средней огненной струечки Горюн-реки. И нет от нее спасения Змеинному роду-племени. Сама не знаю, как она в руки мне вплыла, когда тонула я...

И все, кто слышал эти слова, до земли матери поклонились.

— Ох-ох-ох! — не мог отдышаться от бега и страха Пинь.

Михрюска молчал. Он тихо-тихо лежал на траве и прислушивался: бьется ли еще в его еловой груди горячее сердце?

*

Три дня пути, три дня всей-то дороги осталось русскому воинству до черного логова Змея Горыныча. С присвистом, песнями, шутками едут дружинники. А чего ж им не петь? Стрелка — Змеева беспременная погибель — у них теперь есть. Вон, ма-

тушка воеводы, Горикея, держит ее. А небо над головой чистое, солнце ясное, трава мягкая под копытами коней. Звенят кузнечики, жаворонки заливаются. Всем хорошо!

Долго ли, коротко ли ехали они, а вокруг все меняться стало. Все жарче и жарче делается. Облака растаяли, небо не сильнее уже, а какое-то белесое, словно и оно от солнца выгорело. А солнце-то в вышине уже пылает огромным белым костром, и не ласковое оно теперь, не доброе, а жадное, страшное, словно широко разинутая, жаром пышущая пасть...

Да что же это сделалось? Откуда вдруг зной, сушь, жар? Пот глаза ест. Раскаленные шеломы головы жгут. Кони спотыкаются. Всю воду, что припасена была, уже выпили воины. Горло у всех пересохло. Лица покраснелись, будто обожженные.

Матушка Добрынина поникла в седле, словно стебелек увядший. Трава под копытами коней прямо на глазах сохнет, шелестит, стонет: «Сухо! Сухо!...»

— Воды! — еле шевелит Добрыня потрескавшимися губами. — Воды...

Нет воды. Пустынна желтая, как песок, степь. Без конца она и без краю. И всюду солнце, солнце — беспощадное, словно смерть.

И вдруг... Что это? Или воспаленным глазам что-то мнится? Или и впрямь... Да нет, не может того быть... Словно бы сруб колодезный?!

Кони, воду почуяв, вскачь пустились. Да и у людей сил прибавилось.

И вот он, колодец! До краев водой полон. Вода! Вода! Вода... Чистая, как слезиночка, даже песчинки на дне колодца видны, и все золотистые, ровненькие бревнышки березового сруба просвечивают. А сверху черпачок серебряный плавает, сверкает. Подходи и пей!

Соскочили воины с коней, бросились к колодцу. И как-то так получилось, что Добрыня первым оказался. Схватил он ковшичек, зачерпнул — капли тяжелые упали на увядшую траву, — поднес к пересошим губам...

— Добрыня! Не пей!!!

Голос матушкин...

Губы к ковшу так и тянутся, но еще ни разу в жизни сын матери ни в чем не ослушался, вот и сейчас невольно рука опустилась. Горикея руки раскинула, как птица крылья, колодец заслонила и кричит голосом хриплым, измученным:

— Нельзя, не пейте, люди добрые!

Что-о? Ох, какой шум и гам в дружине поднялся! Как это нельзя? Почему? Кто может гибнущим от жажды людям запретить? Уж не баба ли какая-то приبلудная?!

Эти грубые слова Юпишка выкрикнул и, меч из ножен выхватив, на Горикею бросился. Но путь ему Огниво преградил.

— Укроти-ка свое сердце богатырское, — велел он сурово. — На кого руку поднял! Опомнись да сюда посмотри! — И Огниво указал на землю.

А там трава росла. Сухая. Увядшая. Только по всей степи она желтая, а вокруг колодца — черная... А из черной травы капли красные сочатся. Пригляделся Добрыня и понял: сюда ведь упали брызги из черпачка из серебряного!

Как увидели это дружинники — мигом жажда у них пропала. Все от страшного места отшатнулись.

И вдруг завыл колодец, заревел дурным голосом! И вот ни воды нет уже, ни колодца — размахнулись над степью черные крылья Змея Горыныча. Полился с неба огонь из двух его огнедышащих глоток.

Испуганные кони понесли всадников в разные стороны, а над ними Змей Горыныч вьется-мечется, близко не подлетает, от мечей да копий подальше держится, только дыму-жару подпускает. От одной беды увернулись — другая навязалась!..

И тут опять голос матушкин Добрыня услышал:

— Стрелка! Стрелку держи!

Ох, да ведь он от неожиданности и забыл совсем! Стрелка-то однострельная-одновыстрельная, Змеева бесприменная погибель, — у матушки! Поворотил Добрыня Бурка на голос ее, а вот и она сама навстречу скачет, стрелку, даже в густом дыму сверкающую, протягивает...

«Стрелка из Горюн-реки! Погибель моя!» — узнала ее средняя голова, и на миг все смеркло у нее перед глазами. А у младшей головы со страху иссяк весь пожар в огнедышащем горле.

— Ах ты, баба проклятая! — взъерилась она.

— Стой, дура! Я сама! — рывкнула было и метнулась на Горикею средняя голова, но младшая на чуточку опередила: остервенело выпучив глаза,дохнула огнем от мерзкого сердца своего, но только капли слюны ядовитой оттуда вылетели...

Ахнула, вскрикнула голосом пронзительным и странным Горикея, стрелку выронила, руками всплеснула... И вот уже нет пред Добрыней его матушки — взвилась с седла сизая горlinka. Тогда Добрыня, подняв Бурка на дыбы, ударил со всего маху мечом — и отсек Змеиную младшую голову, которая зазевалась: повернулась на свое дело полюбоваться.

И сразу тишина наступила.

Ткнулся в землю Михрюська — и замер.

— Ой-ой-ой... — ошеломленно дернул ухом Пинь.

Вот и все... Была у Добрыни матушка — и нет ее. Сизой горлинкой в поднебесье растаяла. Матушка, ты сыну жизнь спасла, но зачем же ты его покинула?.. И вторая голова Змеева отрубленная Добрыне не в радость.

Слезы сердце жгут — а плакать не может Добрыня. Измучился он от тех слез непролитых! Сморил его сон. Выронил Добрыня стрелку заветную и уснул прямо в седле. Юпишка, такое увидев, разверещался было, но воины оттерли его подальше, а Огниво и Светозар осторожно сняли сомлевшего воеводу с Бурка и уложили на плащ.

— Спи, Добрынюшка... Ах ты, бедняга... — ласково коснулся Огниво волос его спутанных, щек горящих, обветренных. — Спи, сынок.

Светозар молча прикрыл худые плечи воеводы своим плащом...

Крепко спал Добрыня. И снился ему сон.

Будто один был он. И чернота кругом. Скалы острые черные. И небо черной мглой затянуто. Ехал Добрыня по черной долине, и с каждой скалы, с каждого утеса, утыканного засохшими, окаменелыми деревьями, чудилось, глядит на него смерть. И вот зашумело, загудело впереди — и размахнулись над скалами черные крылья Змея Горыныча, чудища одноглавого. Хвать Добрыня за лук, хвать за колчан — а стрелки-то заветной при нем нет...

Чудище поганое все ближе и ближе, все ниже и ниже. Заржал Бурко, на дыбы вскинулся, и тогда — что ж, выручай, брат, в последний раз! — выхватил Добрыня свой меч обоюдоострый.

И грянул бой! Снилось Добрыне, что длился тот бой три дня и три ночи. И острый меч уж совсем затупился, когда, из последних сил ударив, срубил-таки Добрыня последнюю Змеиную голову!

Срубил-таки... И только ударилась она оземь, как хлынула кровь черная, Змеиная, и до колен Бурка дошла, и заржал он жалобно. Тогда снял Добрыня копье, к седлу притороченное, ударил им в землю — и ушла вся кровь ядовитая.

Грянул тут гром оглушительный, сверкнула молния ослепительная — и на скалах черных, на деревьях опаленных разом расцвели цветы яркости невиданной, и тут же заметил Добрыня бегущих навстречу людей, а впереди Забаву...

Подбежала она к Бурку, шею его обняла. Нагнулся тогда Добрыня с седла — и Забава на него венки из ромашек надела. И сказала...

Нет, это не она говорит. Это уже не сон... Наяву кто-то тихо голосом знакомым зовет:

— Добрыня... Добры!..

Горынчик?! Вскинулся Добрыня, руки протянул к другу. Но тут же отодвинулся, спросил отчужденно:

— Чего тебе?

Горынчик замер и закрыл глаза. Тускло блестела его чешуя в занимавшемся рассвете.

Почему он молчит? Чего ему надобно? Зачем он прилетел?

Так они сидели и сидели друг против друга, а вокруг становилось все светлее и светлее, но что-то все время мешало Добрыне дышать. Наконец он вздохнул, и так же тяжело вздохнул Горынчик, а потом вымолвил:

— Ты можешь меня убить...

— В смерти твоей мне корысти нету... — откликнулся Добрыня, радуясь, что Горынчик наконец заговорил.

— Ты можешь меня убить, — настойчиво повторил тот. — Я не раз уже над вашим станом кружил: пусть, думаю, убьют, но Добрыню увижу. Я тебе сказать... Надо спешить! Передай своим — спешить надобно. Родитель мой... Змей Горыныч знает средство страшное, потаенное, как вас победить. Мне его младшая голова разболтала, пока ты ее не срубил. Если он женится на самой прекрасной русской девице, то силу обретет неодолимую. А девица эта у него в плену. Помнишь, мы ее с тобой видели?

Забава!

Вскочил Добрыня. Воинов будить, спешить!..

— Погоди немного, — тихо попросил Горынчик. — Еще совсем немножечко...

— Ну?

— Я хотел тебе сказать. Тогда, на берегу... ты назвал меня предателем. Но я не предатель! Ты пойми. Ну, думал я, жжет мой родитель русичей — а я-то при чем? Сам же не жгу. А потом понял: если он ненавидит, а я молчу, соглашаюсь будто бы, — значит, и я ненавижу. Но ведь это не так! Я очень тебя люблю, Добрыня. Но трудно мне было решиться против родителя пойти...

— Как же ты...

Горынчик долго молчал.

— Это последнее, на что я решился, Добрыня, — наконец с трудом вымолвил он. — Помнишь, как ты снял меня с дерева? А помнишь, как мы купались? Вот я и решился. Настигает меня судьба, Добрыня...

— Как это? — шепотом спросил тот. Жутко стало ему от слов Горынчика.

— Головы у меня растут, Добрыня! Плечи болят все сильнее. Растут головы... Буду я трехглавым, как родитель мой был. Назовут меня Змей Горыныч Десятый. И тогда со мной придется русичам сражаться. Я буду палить вас. В полон угонять. Врагам вашим помогать...

— Но зачем?! Зачем тебе это?

— Добрыня! — вскрикнул отчаянно Горынчик. — Да разве это мне нужно? Это кровь проклятая наша! Это нам на роду написано. Это судьба, Добрыня!

Вскинулся вельможа Юпишка в своей заветной телеге. Тьфу, тьфу, что за сон! Прочь его, прочь! Опять чудище то страшное приснилось, которое видел Юпишка, когда Змей Горыныч похитил князеву дочку. Раз только видел его Юпишка, зато потом снами неисчислимыми был измучен. Вот и сейчас в ушах крик стоит: не то птичий клекот, не то шип змеинный. Потряс Юпишка головой, глаза потер крепко... Нет! По-прежнему голос тот страшный слышится, да не во сне, а наяву...

—Но этого не может быть, Горынчик! — растерянно твердил Добрыня. — Не может быть! Я же, например, не стану злым, если не захочу. И ты не соглашайся.

— Это сильнее меня. То, что я сказал тебе сегодня, может быть, последнее Добро, которое я сделал в своей жизни. Если бы я мог умереть с этим Добром в сердце раньше, чем начну творить Зло!.. Но мы, Змеи, не умираем по своей воле. На то судьбы нашей нет... — Он понурился.

— Горынчик... — тихо позвал Добрыня. — Горынчик ты мой...

Его друг вскинул голову:

— Когда ты уничтожишь моего родителя, Добрыня... Когда ты будешь сражаться со мной — прошу тебя, прошу! — забудь все, что было нашим. И то дерево, и речку Смородину. Бейся со мной, как со Злом. Убей меня, пока я не оставил детеныша. Пусть на мне прекратится этот проклятый род Змеинный, пусть со мною эта проклятая ненависть погаснет. Убивай меня без жалости, Добрыня, и пусть рука твоя будет тверда и не знает промаха! Но потом... Потом, Добрыня, вспомни меня. Меня — не Змея Горыныча Десятого, а Горынчика. Тогда вспомни все, Добрыня! И... прощай!

Добрыня протянул к нему руки, но Горынчик взвился вверх; И в тот же миг вошло солнце. Яркий, пушистый желтый шар качался и дрожал в небе. Горынчик мелькнул перед солнцем, словно большая черная птица.

— Прощай, прощай! — крикнул было Добрыня, но тут над

ухом его запела тонкая серебряная песня. Горынчик на миг замср в вышине, раскинув крылья, а потом тяжело грянулся оземь.

— Я! Убил! Черного! Лебедя! Змея! Горыныча! — неистовый торжествующий крик Юпишки поднял на ноги всех спящих русичей, но Добрыня его не слышал. Он припал к своему другу. Поднял бессильно повисшую маленькую головку. Горынчик смотрел на него, но глаза его медленно гасли, будто звезды поутру. Он словно уходил, но оглянулся в последний раз.

— Горынчик... — позвал Добрыня.

— Спа...си...бо... — еле слышно донеслось в ответ. — Добры...

— Горынчик! — закричал Добрыня и увидел... Из груди Горынчика торчала заветная стрелка — серебряная, однострельная-одновыстрельная. А из мертвых глаз упала на ладонь Добрыни последняя слезинка — и застыла бледно-зеленым печальным камушком...

— Не плачь! Ну не плачь! — растерянно уговаривал Михрюську Пинь Ушастый, но и сам плакал, как раненая береза в мае, и никак не мог остановиться...

Сколько дней — незнаемо, сколько ночей — не считано миновало. Не до счету Забаве. Змей то и дело прилетает, торопит. Но как самой себе смертный час определить?

Как-то раз явился... Глянула Забава — и едва не упала от изумления. У Змея-то одна всего голова осталась! Одна-разъединственная!

— Не радуйся, красавица! — проскрипел Змей. — Скоро от твоих русичей мало кто останется.

— Погоди, не хвались, прежде за дело примись.

— Примусь... Скоро примусь. И ты мне в этом поможешь.

Она? Этой гадине летучей? Да никогда! Да ни за что!

— Поможешь! Как только станешь моей женой. Думаешь, почему я тебя выбрал? Красота твоя мне спонадобилась? Да на мой, Змеиный взгляд, все вы, человечихи, на одно лицо. Бескрылые, одноглавые, бледные... Тьфу!

Обидно стало Забаве. Какая-то нечисть ее хает!

— Тогда зачем я тебе?

— Ты ведь первой красавицей меж русских дев считаешься. А если я женюсь на первой русской красавице, то одолею ваш род, силу обрету неистребимую! И давай-ка соглашайся, потому что свадьба сегодня. Сейчас! Ну...

«Все, все... Нет спасения! Проклята будь моя красота, если она погибель родимой стороне принесет!»

Чу! Шум дальний...

Насторожился Змей. Вскинул голову. Вытянулись обрубки шей.

— Погоди, — велел. — Сейчас посмотрю, что там делается. А ты принарядись пока.

Взмыл он вверх и исчез, а вокруг Забавы на черной скале, откуда ни возьмись, сундуки тяжелые кованые появились. Крышки большие, засовы хитрые, но на какой только Забава ни глянет, все сразу распахиваются. А там... Меха в одном. Черно-серебристые да бурнастые лисы. Пушистые, как дыхание, зимние горностаи. Тяжелые барсы. Черные соболя... В другом ткани. Парча самоцветная огнем горит. И много еще таких, которым даже названия не знает Забава. Одна под рукой скользит, как лед. Другая ладонь ласкает, греет. А поверх всего платье лежит белое, красоты сказочной. Светлым серебром изукрашено, сияет оно, как ясный день, и свет, как живой ветер, идет по нему...

Не успела Забава моргнуть, как то платье само на нее наделось, туго облегло стан, подолом у самой земли расплескалось.

Стоит Забава посреди всего этого роскошества, камни драгоценные на голове, на перстах горят, голову понурила, руки опустила, глаза потупила. Вот она, судьба неотвратимая...

И тут она решилась. Нашла спасение! Высока черная гора, глубока под ней пропасть, остры на дне ее скалы. Ах, птицей-лебедью взмыть, улететь отсюда к батюшке родимому, жениху желанному! Нет, не парить ей в поднебесье, скор полет будет ее да короток...

Подошла к самому краю пропасти Забава. Глянула вниз, в черноту клубящуюся: «Прости-прощай, батюшка родимый! Прости-прощай, друг мой сердечный! Лучше умру, но не нарушу слова, которое дала тебе, когда мы в вишенье-орешенье помолвились, перстнями златыми обменялись. Лучше умру, но зла родимой земле не сделаю!..»

Зажмурилась Забава, шаг к обрыву сделала... И точно бы толкнуло ее что-то в грудь, легко коснулось лица. Открыла глаза — а прямо перед ней вьется птаха, горlinka сизая. Пропать страшную загораживает, Забаву от нее отталкивает. И кричит голосом резким, тревожным, и слышится девице в крике том отчаянном: «Нет! Нельзя!»

Остановилась Забава. Отступила от пропасти. А горlinka тут как тут: на плечо села, клювиком по волосам гладит, словно успокаивает. Но вдруг замерла, насторожилась. Прислушалась...

Что там? Что там такое? Слышит Забава людскую молвь и конский топот!..

На исходе дня подошла русская дружина к скалам, на которых громоздился черный замок Змея Горыныча. И едва первые

ряды приблизились к ущелью среди высоких гор, как сомкнулись горы, дальнейший путь преграждая. И сколь ни били в них мечами, ни кололи копьями, ни стреляли стрелами, ни на волос не разошлись скалы черные.

Отодвинулись воины, призадумались. И со всех сторон на Добрыню взгляды устремились. Что, мол, воевода, теперь делать будем?

Сколько веры, надежды в тех взглядах! Нет уже вредного Юпишки, который ворчал бы по своему обычаю злобно и завистно. После того, как он убил... убил Горынчика заветной стрелкой, для самого Змея Горыныча предназначенной, изгнали его дружинники из своих рядов. Все как один решили — вон! Впрягли в Юпишкину телегу с лакомствами конягу — и прощай, вельможа!

Конечно, вряд ли кто из воинов мог понять великое горе Добрыни, понять дружбу русича со Змеенышем. Но столь глубоко было отчаяние Добрыни, что никто не нашел для него слова недоброго.

Юпишке же не простили воины, что, убив Горынчика, лишил он стрелку силы ее волшебной. Не зря же однострельной-одновыстрельной она называлась... Всю остроту и твердость теперь стрелка потеряла — хоть завей ее веревочкой и кругом запястья оберни!

Добрыня от потерь своих невосполнимых уже устал. От несправедливости их устал. А трус подлый Юпишка ноги унес неведимый... И хотел. Добрыня теперь только одного: чтобы все поскорее кончилось, чтобы с главным лиходеем поскорее рассчитаться, потому что казалось ему, что все зло на белом свете вместе со Змеем Горынычем погибнет. Но — вот преграда...

Скалы высокие — не перелезть, да и коней куда? А как же сон Добрыни? Неужели не сбудется? Приснилось ведь ему, что там, в черных скалах, на черной долине, бился он один на один со Змеем. Один на один... Не в том ли разгадка?

И, не долго думая, дал Добрыня шпоры коню. Бурко, словно того и ждал, в два скака домчал его до запертых горных ворот. Стукнул копытом — и медленно разомкнулись черные скалы. Проскочил туда Бурко — и гора вновь закрылась, отрезав встревоженный крик Огнива. Но вперед, вперед!

И вот она — черная долина. Все точь-в-точь как во сне. Мрак кругом, и небо черной мглой затянуто. И каждая скала, каждый утес покрыты засохшими, окаменелыми деревьями. И стоит тишина, глубокая, как вода, и чудятся отовсюду взгляды враждебные...

Едет, едет Добрыня, а все нет никого. Когда же, когда?.. Гость — вот он, а где же хозяин?

— Эй, эге-гей! — крикнул Добрыня. — Где же ты, Змей Горыныч? Выходи на последнюю битву, на смертный бой!

Загудело впереди, засвистело, зашумели ветры. Нет, не ветры это — размахнулись над скалами черные крылья Змея Горыныча. Заржал Бурко, на дыбы вскинулся, и тогда — что ж, выручай, брат, в последний раз! — выхватил Добрыня свой верный меч обоюдноострый. И грянул бой!

Змей Горыныч свистом Добрыню оглушает, огнем жжет-палит, искрами осыпает, Бурка по колени в сыру землю вгоняет. Вертит Добрыня меч над головой, точно мельницу, чтобы не подпустить Змея к себе до поры до времени, а сам выбирает миг — нанести удар решительный. Ну а Змей Горыныч хоть и одноглавый, но много еще силы и твердости сохранил. Чуть приустила рука Добрыни, чуть Бурко замешкался — сшиб их Змей наземь. Вылетел Добрыня из седла, да так крепко ударился, так больно, что руки бессильно разжались, меч выронили.

Видит Добрыня — дело плохо. И еще хуже будет, потому что летит чудище поганое прямо на него, пасть разинувши, дышит огнем от мерзкого сердца своего. Подлетел — а Добрыня к земле прижался. Промახнулся Змей, пролетел мимо.

Лежит Добрыня — смерть над ним веет. А земля-то такая живая, такая ласковая! И нет для Добрыни ничего дороже и милее в эту минуту... Закрыв он глаза, приник к ней, как к матери, и услышал ток подводных ручьев, и рост трав и деревьев, и робкое шевеление росточка в семечке...

— Мать-земля! — взмолился Добрыня. — Матушка! Дай силы! Помоги!

А Змей Горыныч увидел, что Добрыня не встает, и со злобой радостью захохотал:

— Ну что, добрый молодец? Настал твой смертный час! Вот когда я с тобой за все рассчитаюсь! Прощайся с жизнью!

— Ах ты, чудище поганое! — крикнул Добрыня. — Погоди раньше времени хвалиться — как бы не подавиться!

Поднялся он, бодрый и сильный, а тут и Бурко рядом. Вскочил Добрыня в седло, вновь меч взвил. А у Змея от злости сил поубавилось. Злоба — она помощник лишь до поры до времени, это лишь Добро всесильно и вечно. Вот и чувствует Змей Горыныч, что по каплям злая сила уходит из него. И, чуя гибель неминуемую, зарычал он ревом страшным, оглушительным:

— Ничего, человечий сын, не больно-то радуйся! Меня сгубишь — сын мой останется, Змей Горыныч Десятый. Он-то уж повыведет все ваше племя!

Вздрогнул Добрыня, но голое его было тверд:

— Нету у тебя сына, Змея Горыныча Десятого, Горынычка! Погиб он. Другом он мне был...

Замер Змей в вышине.

— Горыччик? Друг твой?! Как так друг? Быть того не может!.. — оторопел он, но тут размахнулся Добрыня со всего плеча — и отсек Змеиную голову последнюю.

Срубил-таки ее...

И только ударилась она оземь, как хлынула кровь черная, Змеиная, и до колен Бурка дошла, и заржал он жалобно. Снял тогда Добрыня копьё, к седлу притороченное, ударил в землю — и ушла разом вся кровь ядовитая.

Грянул тут гром оглушительный, ударила молния ослепительная, и исчезли с глаз долой и Змей обезглавленный, и голова его отрубленная. Остался Добрыня один среди мертвой пустыни, скал и дерев опаленных. И все по-прежнему черно было.

Добрыня тронул коня и поехал по выжженной долине. Долго, долго ехал он и наконец, не выдержав той тишины и пустоты, закричал из всех сил:

— Я победил Змея! Я ведь победил его!!!

Только эхо в горах ему откликнулось...

Бурко стоял, опустив голову, прядая ушами. Слегка позванивала его уздечка. И вдруг Добрыня различил еще какой-то звук. Тихий-тихий — и напевный. Показалось, что этот звук исходит из дерева черного, обугленного, что стояло неподалеку. Добрыня подбежал и увидел, что на корявой, измученной ветке медленно-медленно, с трудом набухает большая почка...

Вот раскинулись зеленые чешуйки, и, матово-белый, начал раскрываться пред Добрыниным изумленным взором цветок яблоневого... С трудом отвел Добрыня от него взгляд — и вскрикнул, невольно зажмурился, глазам своим не веря: все вокруг него было покрыто цветущими яблонями! Стали черные скалы белоснежными. Сладкий аромат кружил голову.

Добрыня обернулся — мчалась к нему его дружина, впереди Огниво и Светозар. Посмотрел вперед...

Там расстиралось неоглядное ромашковое поле. И по этому полю бежали люди. Много их было, ох, много! Но Добрыня... Добрыня видел только Забаву. Она бежала прямо к нему. К нему!

Не веря такому счастью, Добрыня снова зажмурился, а когда открыл глаза, Забава, легко коснувшись ладонью ласковой морды Бурка, уже... пробежала мимо. Мимо!

— Ох... — тихо сказал Добрыня, и сердце его замерло. — Ох...

Она подбежала к коню Светозара и обняла Гнедка за шею. Светозар склонился и поднял девицу в седло. И коса ее огненная на его плечо легла. И глаза ее зеленые в его глаза загляну-

ли. И поцеловал Светозар свою невесту, и она своего жениха поцеловала.

А вокруг! Полоны русские окружили воинов. Все обнимались и пели от счастья. Цветы реяли в воздухе целыми охапками. На Добрыню кто-то нахлобучил венок из ромашек. И на Бурке был такой же венок. А потом Добрыню стащили с коня и с радостными возгласами подбросили в небо.

— Пустите! — крикнул он. — Пустите меня!

Но его никто не услышал. Тогда он сорвал с головы венки и заплакал, вытирая ромашками слезы. «Горыничик... Матушка...» Наконец-то он смог заплакать! Но никто этому не удивился, потому что все плакали кругом, только от радости.

Когда Добрыню наконец опустили на землю, Бурко положил ему голову на плечо и печально прикрыл глаза. И тут же подбежал Огниво:

— Посмотри, Добрыня!

Над ним вилась сияющая горлинка. Подлетела, ударилась оземь — и обернулась родной матушкой Добрыни, Горикеей.

Прижался к ней Добрыня и замер. Рядом громко вздыхал Бурко.

— Не надо... — тихо сказал Огниво и положил руку на плечо воеводы. — Не плачь, Добрыня. Мы победили! Люди кругом счастливы!

— Не плачь, — тихо сказала матушка, глядя своего сына по голове. — Не плачь, мой маленький...

— Неужто все, Пинь? — спросил Михрюська шорохом осеннего листка.

Пинь Ушастый дернул ухом и ответил дрожанием ветки, только что расставшейся с последним листком своим:

— Вот и сказке конец...

ПОСЛЕДНИЙ ЧОГГРАМ

сказочная повесть

Катастрофа

ел вертолет в тайгу. Вершины деревьев, которые с высоты казались сплошным колючим одеялом, укутавшим сопки, вдруг неохотно, сердито треща, расступились. Долго еще с лиственниц сыпались мягкие зеленые лапки, трепетали сломанные ветки, а в долину катились камни, дробным перестуком заглушая недовольный гул потревоженной земли. Нечего скоро все стихло.

Вертолет был единственным видом транспорта здесь, на севере. Далеко на юге острова остались большие города, в которых было все, что нужно людям: школы, библиотеки, магазины, заводы, автомобили, уютные дома. А в этих местах поселки были разбросаны столь редко, что пересчитать их хватило бы пальцев одной руки. Люди селились на побережье, поближе к терпким студеным ветрам и тугим зеленым волнам. С давних пор те волны щедро давали рыбу; ее отвозили в большие города, переправляли даже через пролив, на материк. Но еще и потому жались поселки к воде, что люди предпочитали шум волн тишине тайги. Было что-то затаившееся в той тишине...

Пассажиры вертолета ощутили эту тишину сразу. Их испу-

ганные голоса гасли, словно слабые огоньки в буран, не в силах пробить плотное молчание сопок и темноту деревьев. Чудилось, будто отовсюду смотрят внимательные, недобрые глаза. Конечно, это просто казалось, потому что никакой зверь не осмелился бы подойти: отпугивали голоса, да и вертолет распространял вокруг отвратительный для звериного нюха запах металла и горячего.

Летчик сразу сообщил о вынужденной посадке, и с ближнего аэродрома обещали тотчас прислать помощь. И все-таки люди были встревожены так, словно им предстояло пешком, долго и трудно, пробираться сквозь тайгу.

Основания для тревоги были. Один из пассажиров исчез. Как? Никто не успел этого понять, даже Алексей Петрович Зиновьев, старый капитан сейнера. Когда вертолет ударился о землю, Алексей Петрович на миг потерял сознание, а открыв глаза, увидел, что люди уже пытаются выбраться из машины. Место рядом с Зиновьевым было пустым. Человек, который сидел здесь, тринадцатилетний внук Зиновьева Володя, исчез.

Голоса в тайге

...Это было непостижимо! Только что он сидел в тесном вертолете, приткнувшись окаменелым плечом к такому же напряженному плечу деда, каждую секунду ожидая удара о землю, — и вот через миг, менее краткий, чем движение моргнувших век, он ощутил, что стоит, а вокруг...

С ветвей корявых берез спускались длинные тонкие растения. Они крепко обвивали и березы, и кустарник, и даже траву. На еловых лапах висели борода мха, похожего на мочалку-рогожку. Некоторые ели казались седыми. Приглядевшись, Володя увидел, что они оплетены паутиной.

«Где я? — подумал Володя. — И где вертолет?»

Он поднял голову. Там, в вышине, за вершинами деревьев, поблескивал тоненький, еще бледный, серебристый месяц. Значит, пришел вечер. Совсем скоро они должны были сесть в Прибрежном. Там ждет бабушка... Что случилось все-таки? Где же дед? Володя с трудом подавил всхлипывание.

Сумерки наступали со всех сторон. Они прокрадывались из-за елей и заливали лес зеленовато-прозрачным, перламутровым полумраком. Тайгой завладела тишина. Казалось, даже если сейчас разразится буря, она не в силах будет нарушить этой дремоты: только перетасует в небе облака, прошумит по вершинам деревьев, а здесь, внизу, не колыхнется ни одна веточка, ни одна травинка. И вдруг...

— Кто ты? — спросил чей-то голос. Казалось, он исходит из ветвей, корней, листьев притихшей тайги.

Володя от неожиданности вскинулся, но тут же сжался в страхе. Будто мягкая прохладная лапа провела по его разгоряченной спине. Холодом обвеяло шею. Чудилось, всю тайгу наполняет вкрадчивый, зовущий шепот.

— Кто ты? — повторил медленный голос.

Володя не смог бы ничего сказать, даже если бы попытался. И тут он услышал неподалеку жалобный плач. Словно крошечный щенок или котенок звал мать. Этот звук надрывал сердце!

Володя приподнялся, прислушался. Но прямо перед его лицом расступились папоротники и возник смутный женский силуэт.

— Спасайся! — сказала неизвестная старуха. — Спасайся! Это — чограм! Беги за мной!

Если в таежной глуши...

Если в таежной глуши раздастся свирепый рев тигра, вой голодного волка или тяжелая поступь медведя, пусть готовит охотник оружие, укрепляет дух свой и вострит глаз, потому что его жизнь и слава охотничья сейчас в его руках, во власти его смелого сердца.

Если в таежной глухомани послышится жалобный плач, словно слепой щенок скулит, потеряв свою мать, пусть забудет охотник о том, что привлекло его в тайгу, пусть доверится крепости своих ног и силе своего дыхания, отдавшись долговому и стремительному бегу, который сейчас один только может спасти ему жизнь, потому что не щенячий плач это слышится, а голос чограма.

Видевший чограма погибал всегда.

Шалаш неизвестной старухи

— ...Ты пришел с восточного склона? — спросила старуха. Володя пожал плечами. Он и впрямь не знал, восточным или западным был тот склон, на котором он странным образом оказался, а может быть, северным или южным... Но старуха, кажется, решила, что он согласился с ее словами:

— О! Это заколдованное место! Однажды я забрела туда в поисках травы ас для жертвоприношения и увидела в вышине железную птицу. Она, не взмахивая крыльями, летела. Наверное, ранена была, потому что стонала громко все время.

Самолет, догадался Володя. Или вертолет? Может быть, тот самый, на котором летел он! Неужели его не ищут? Неужели все погибли? Может быть, в живых остался только он? Но он ничего не помнит... Провалы в памяти от шока — Володя читал, так бывает. Но что с дедом? Володя тихонько застонал.

— Мне надо найти вертолет, — попытался объяснить он. — Вертолет! Мы летели из Южного города в Прибрежное. С юга — на северное побережье. Там нас ждет бабушка...

Темно-коричневое морщинистое лицо старухи было неподвижно. Только в щелочках век проблеснули вдруг глаза — в них отразилось пламя костра, горевшего посреди шалаша. Потом она заговорила:

— Это случилось так давно, когда лапки у лебедей были еще черные. Тогда родился наш остров. Раньше западный берег был восточным, а восточный — западным. Но однажды Хозяин Моря разгневался за что-то на людей. За что? Кто теперь помнит? Он перевернул остров. Его спина стала животом и погрузилась в море, живот стал спиной — на нем тайга выросла.

«Что за байки? — недоумевал Володя. — Зачем мне это?»

— Не говори того, чего нет на самом деле, — сказала между тем старуха. Пламя костра снова замерцало в ее глазах. — Старую Унгхыр не обмануть туманными словами! Я знаю, что не осталось живых людей ни на юге, ни на севере. Ты, наверное, пришел из Млыво — селения мертвых. О нет, не бойся! — сказала старуха мягче. — Никакого бога нет при мне! — И она протянула к нему раскрытые сморщенные ладони, словно показывала: зла не держу. — Никаким колдовством я не сделаю вреда тебе. А может быть, ты спустился со звезд? Но почему тогда ты испугался чограмма?

— Ничего я не испугался! — запальчиво возразил Володя.

Володя уже порядком устал от нее. Ее речь была понятна ему — и в то же время перемешалась словами, о смысле которых он догадывался с трудом, как будто знал их когда-то очень давно, а теперь забыл и смутно припоминал забытое. Кажется, она говорит на языке нихов! Отец Володи был них, и дедушка с бабушкой — отцовы отец и мать, которые умерли очень давно, когда Володя только родился, — они тоже были нихи. А мама Володи русская, и родители ее русские. Глаза у него зеленые, волосы каштановые, как у мамы, но черты лица: высокие скулы, узкие глаза, смуглая кожа — точь-в-точь как у отца. Но языка нихов Володя не знал, а тут слушал старуху, говорящую по-нихски, и все понимал. Мало того — сам отвечал ей. Чудеса... Но бабуля явно со странностями. То мертвецом его обозвала, то к звездным людям причислила. Инопланетянин теперь Володька Зиновьев! Нет уж, хочется ему подальше от этой старушки ока-

заться, хоть дома он только и делал, что мечтал о всяких необычных приключениях. И он попросил:

— Бабушка, пожалуйста, покажите мне дорогу на восточный склон, про который вы говорили! Я хочу найти наш вертолет. Может быть, там все в порядке, дед меня ищет...

— Ну что же, я провожу тебя туда, — помолчав, ответила старуха. — Но в Млыво — селение мертвых — возвращаясь, позволь и мне взобраться на небо по веревке, на которой ты спустился сюда. Днем и ночью жду я, когда настанет мне пора уйти в Млыво, но все живу... Не хочу сама на съедение чограммам броситься, потому что это грех. Знаю, не соберут мне соплеменники дрова для погребального костра...

Так вдруг жалко Володе стало эту несчастную старушку. Наверное, дети ее уехали в город, выучились там, работают, а она свои дни доживает в этом дореволюционном шалаше.

История старой Унгхыр

Сильный шум послышался вдруг снаружи. Будто сюда, в сердце тайги, залетел прибрежный тайфун и закипел в кронах вековых деревьев. Стены шалаша ходуном ходили! А старуха легко подскочила к входу и сдвинула не то тряпку, не то шкуру, которая его заслоняла.

Странные, тонкие клики неслись с вышины: не ветер это шумел, а хлопали крылья многих птиц. Вот стоя на миг закрыла луну, звезды над шалашом.

— Хонглик! Вакук! — закричала старуха. У нее был такой голос, словно она звала добрых старых друзей. — Саньпак! Нымгук!

Нымгук... Это слово Володя тоже знал. Ведь это нихское имя. Так звали его бабушку, мать отца. Но почему старуха зовет птиц человеческими именами?

Несколько птиц меж тем отделились от стаи и влетели в шалаш. Они пронзительно кричали, и так же пронзительно и неразборчиво вторила им старуха: то ли будто сама в птицу превратилась, то ли птицы, как старухи, обсуждали какие-то важные дела...

— Перахра, нхак, олухна... — услышал Володя слова, похожие на заклинания, и... наверное, с глазами его что-то случилось, потому что все кругом словно бы заволочло дымом.

Володя долго тер слезящиеся глаза кулаком, а когда открыл их, увидел, что вокруг костра сидят несколько молодых женщин. Все они были в черных халатах с желтыми узорами на рукавах и подолах, а одна, наоборот, в желтом халате с черными узо-

рами, знакомом уже Володе. Так была одета старуха хозяйка. Но теперь у нее были длинные, черные глаза — будто звезды блестели они. «Это старуха в нее превратилась!» — понял Володя.

— Не бойся тахть — ночных птиц, — говорила красавица. — Это подруги мои. Раньше девушками были. Вот это Хонглик, это Саньпак... А меня зовут Унгхыр — Звезда.

Мы работающими девушками были. День и ночь шили, все что-нибудь шили. Из бересты посуду делали. Работая, пели... — Она высоким голосом затянула: — Анн-нга... ыннн-нга... — Взглянула на подруг, словно ожидая, что они помогут, но те молчали. Унгхыр тоже помолчала, понурясь, потом опять заговорила: — Голубую лилию найти мечтали. О, голубая лилия, насыщающая голодных, исцеляющая больных, исполняющая заветные желания! Целебны и сладки луковичы ее. Отведав, будешь стремиться отведать снова. Прекрасен цветок ее. Увидев, будешь стремиться увидеть снова. Голубую лилию стерегут чограммы...

Нихи с одним только копьем смело вступали в единоборство с медведем. Муки женщины, рождающей дитя, нихи почитали за героизм больший, чем победа мужчины над медведем. И то и другое страшно. Но страх перед чограмом сильнее всех других страхов, ибо после встречи с чограмом от человека не оставалось ничего. И только во имя чудодейственной голубой лилии отправлялись женщины племени нихов в потайные и опасные места, потому что цветок и луковича голубой лилии могли вернуть здоровье больному, жизнь умирающему, счастье несчастному.

Сначала долго выбирали старейшие, кто пойдет в поход. Только смелой, ловкой и сильной нихинке позволялось идти. Ведь, испугавшись плача чограмов, погибнуть могла! Только добрых духов молить о помощи оставалось тем, кто растеряется...

Самую сильную, самую смелую, самую ловкую выбирали вожаком — такую, которая и сама не испугается, и другим свой страх не передаст. Страх ведь — как огонь. Испугавшиеся женщины — как сухая трава. Одна от другой вспыхнут — и вот уже никого не осталось.

Если в тайге голос чограмов раздастся, нихинки должны окликать друг друга, в один ряд за вожаком становиться. Сначала самые сильные, потом те, что устали, ослабели. Здоровые не должны были гибнуть из-за слабых. Закон похода: пусть многие погибнут — большинство спасется.

Давно это было... Тогда как раз лето засыпать думало. Орлиный месяц кончался. Пошли нихинки в тайгу, в заповедные

места, за голубой лилией. Кто луковиц набрать, кто — цветов... Унгхыр никому не говорила, зачем ей цветок. Кто спросит — она глаза опустит, промолчит. Перестали спрашивать, но вожаком Унгхыр выбрали.

Сначала женщины на лодках долго плыли против течения, потом к берегу пристали, в чашу вошли. Долго искали потайную поляну. И вот нашли. Стебли у лилии выше, чем у саранки, листья меньше, а на нескольких веточках — голубые цветы. В бутонах они светло-голубые, как небо под солнцем в зените. Увядая, почти черными, будто ночь, становятся. Но вся красота — в раскрывшихся цветках. Они на вечернее небо похожи, когда солнце уже умерло, но первая звезда еще не взошла.

На голубую лилию глядя, долго стояли женщины молча, а Унгхыр думала, что если каждое слово свой цвет имеет, то такое же цветом, как голубая лилия, наверное, слово любовь...

Но день уже спешил встретиться с вечером. Заспешили и женщины. Наполнили луковицами берестяные чумашки, не забыв по зубчику от каждой отделить и на прежнем месте посадить, чтобы снова здесь зацвела голубая лилия. Унгхыр цветок на груди скрыла. Потом в обратный путь все отправились.

И вот... много шагов пройдя, плач чограмов слышали. Поставила Унгхыр женщин друг за другом, сама впереди. Куда она бежит, туда и остальные. А плач чограмов, их жуткий скулеж, точно веревкой, ноги спутывает. В груди у каждой страх тлеет, но бегут женщины за Унгхыр.

Вдруг ахнула она и остановилась: потеряла цветок, потеряла заветную голубую лилию! Где, да где же?.. Туда-сюда бросилась, но разве найдешь потерянное в глухом подлеске, меж зубчатых листьев папоротника? Вскрикнула Унгхыр отчаянно — а женщинам в голосе растерянность почудилась. Мигом пламя страха охватило их, врассыпную бросило. Мечутся нихинки, обезумев, а Унгхыр ничего не видит, стонов чограмов не слышит, ищет свою заветную голубую лилию. Ведь для того она за цветком в опасный путь отправилась, чтобы обратил к ней свое сердце Ючин, храбрый охотник...

У Ючина юбка серебристая из нерпы, наколенники многоузорные, брови черные, соболиные, ресницы похожи на кисточки ушей зимней белки. А Унгхыр разве хуже? Красива и она, всех подруг красивее: тонкие руки и тонкие пальцы похожи на молодые побеги тальника, по плечам волосы рассыпаны, черные и упругие, как тетива на луке, в косы их заплетет — толстые косы получаются, подобные хвосту черно-бурой лисы. Рот у Унгхыр маленький, как лесная ягода, лицо белое, с ушей свисают золотые серьги, одета она в дорогую, с богатой отделкой одежду... Сердце ее только для Ючина бьется, в уме слова только для не-

го складываются: «Ночь и день о тебе думаю. Как мать родную, выглядываю. Если уедешь, о тебе лишь думать буду, где ты ходил, там и я ходить буду. Из родника, откуда вместе пили, твою тень черную понть буду. Как из многих деревьев самое высокое больше всех нравится, так и ты из всех людей самый лучший, самый прекрасный. О, возьми меня с собой, твоей сумкой с кремнем, что на поясе твоём висит, сделаться хочу. Сделаюсь дном твоей лодки, с тобою быть хочу! Моя левая слеза течет и падает, как дождь...»

Любит Унгхыр Ючина. Перья кукушки переженные — великое привораживающее средство! — в табак ему подмешивала. Но не помогло колдовство, не полюбил Ючин Унгхыр. Усмежается только: «Что на меня все время смотришь? Разве я один — человек?» Ючин на другую девушку, на Хонглик, ласково глядит... Одна надежда на голубую лилию оставалась, но вот нету больше цветка у Унгхыр!

Заплакала было она, как вдруг кто-то ее за рукав дернул. Глянула Унгхыр — а это Хонглик, невеста Ючина.

— Спасайся! — крикнула она. — Чогграмы уже близко!

Тут Унгхыр плач звериный совсем рядом услышала, увидела, что подружки мечутся, разбегаются, — а это все равно, что на одном месте сидеть, покорно чогграмов дожидаясь.

Начала Унгхыр подруг скликать-собирать: кого догонит, за косу схватит, кого за полу халата поймает, но всё, не слушаются ее больше женщины... Бегала, бегала за ними Унгхыр — сама не заметила, как на берегу оказалась.

Лодки, к ивам привязанные, на воде тихо покачиваются. Волна песку о чем-то ласково шепчет.

Долго, долго ждала Унгхыр на берегу. Весь вечер ждала и всю ночь. Но ни одна женщина, кроме нее, из тайги не вышла, ни одна ее подруга не вернулась. Два десятка за голубой лилией отправлялись...

Утром Унгхыр лодки отвязала, назад, по течению, пустила. Не хватило у ее сердца сил в селение вернуться, людям рассказать, что она сделала, Ючину в глаза поглядеть, за гибель Хонглик ответ перед ним держать. Да и не узнал бы Ючин прекрасной Юнгхыр в той старухе, какой она за ночь сделалась, подруг ожидая...

Унгхыр в тайгу ушла, там жить стала. Никого из людей с тех пор не видела она. И только тахть — ночные птицы, в которых обратились души Хонглик, Вакук, Саньпак и других ее подруг, погубленных чогграмми, — только они иногда навещали ее. Зла на Унгхыр они больше не держали — много, ох много раз приходили с той поры орлиный месяц и вороний месяц, много раз зима сменялась летом. Время все прощает...

...Володя встряхнулся. Женщины в черных халатах исчезли. Сидела у костра старая Унгхыр, а вокруг нее — черные птицы величиной с ворона, с красными клювами и печальными глазами...

Раненый зверь

И тут Володя снова задумался: куда он попал? Что вокруг творится? Если то, что он вдруг оказался в тайге, еще можно объяснить потерей памяти, то как объяснишь превращение птиц в женщин? А то, о чем рассказывала Унгхыр? Чогграммы — неведомые существа, голубая лилия — неведомый цветок... «Фантастика», — беспомощно подумал Володя, не зная, что еще подумать.

Тахть улетели, когда темнота ночи чуть-чуть побледнела. Потом небо стало светлеть все быстрее, и наконец из-за облаков потянулись во все стороны бледно-желтые полосы солнечных лучей.

Запели птицы, и несколько минут Володя сидел совсем ошеломленный: никогда он такого не слышивал! Сначала хор птичьих голосов казался сплошным и однообразно-оглушительным, а потом выделилось в нем звонкое чириканье, и радостный щебет, и веселое тирлипканье, и долгие, будто насмешливые, посвисты, а то еще изредка всполошенно взвизгивала какая-то пичуга.

Старуха поднялась и выбралась наружу, оглянувшись на Володю. Он понял: сейчас старая Унгхыр отведет его на восточный склон! — и вскочил.

Костер остался тихо тлеть посреди шалаша. Серый дым плотной струйкой втягивался в круглую дыру вверх.

Унгхыр не спеша шла впереди, отводя от лица ветви и придерживая их, чтобы они не хлестнули Володю. Она ни разу не оглянулась, но если Володе становилось трудно идти или он уставал, она замедляла шаг, словно чувствовала это.

Они шли долго. Трава, в начале пути влажная от росы, подсохла, только у самой земли еще была сырой, а верхушки стали жесткими и сухими. Путь все не кончался. Володя шел и монотонно думал, что, конечно, это был сон, там, в шалаше: сон про птиц-женщин, про молодую Унгхыр — вон впереди сгорбленная старушечья спина... Ой! Да где же она?

Старухи впереди не было. Володя метнулся туда-сюда... Он уже привык к старухе, да и жалко ее стало после того, как приснился этот странный сон. А главное — что теперь одному делать? Куда идти?

Сзади что-то зашуршало. Володя повернулся так резко, что его шатнуло в сторону. Из-за кустарника сверкали желтые звериные глаза...

В них было нечто чуждое и в то же время — живое, трепетное и даже дружеское. Володя стоял неподвижно, а лапки маленьких, как кустики, пихт шевельнулись, раздвигаясь. Высунулась голова зверя. Была она круглая, с короткими торчащими ушами, будто кошачья, только крупнее, размером с голову дворняжки. И морда не злая, похожая на собачью. Зверь осторожно продвигался вперед, как-то странно припадая на левую сторону, и вдруг он взвизгнул и оскалился, но Володя понял — от боли. Поскуливая, как побитый щенок или голодный котенок, зверь приближался, неотрывно глядя на мальчика желтыми глазами. И Володя догадался, что привлекало в них: нормальный, круглый, как у человека или собаки, зрачок, а не узкая щелочка, как в глазах тигра, рыси или кошки. Словом, этот зверь был собака куда больше, чем кошка, и Володя, который любил собак, поглядел на него с меньшей опаской.

Зверь подошел совсем близко. Повернулся боком, и Володя даже вскрикнул. Зверь заскулил еще жалобнее, а в желтых глазах, по-прежнему обращенных к Володе, появилось что-то просящее. Между его ребер торчал обломок какой-то палки, покрытой запекшейся кровью. Серо-желтая короткая, жесткая шерсть вокруг раны тоже была в крови. «На сук где-то напоролся, — решил Володя. Это же надо — за помощью к человеку пришел!» Он читал и слышал всякие такие истории, но не очень-то им верил, считая выдумками писателей или просто охотничьими байками, но вот поди ж ты!

Володя осторожно взялся за торчащий обломок. Зверь вздрогнул, напрягся. Володя уцепился ногтями, потянул — и в руках у него оказался кусок стрелы с окровавленным зазубренным наконечником, привязанным к древку узкой берестяной лентой...

Володя обалдело посмотрел на стрелу. «Откуда это здесь?! Надо же!» — подумал он, как уже не раз думал вчера и сегодня. А больше ничего не шло в голову. Он машинально завернул обломок в лист папоротника, сунул в карман джинсов. Другим листком оттирая руки, увидел, что тоже порезался стрелой: на указательном пальце была царапина. Володя замотал ее носовым платком и подумал: надо бы, наверное, и зверю что-то приложить к ране, но только что? Он поднял глаза на зверя — а тот, издав невнятный звук, вроде короткого мяуканья, отпрыгнул в кусты. Зашуршал пихтач — и опять тихо стало в тайге, будто ничего и не было, а просто кончился еще один Володин сон...

Но кончился этот — начался другой: кто-то засопел сзади, и не успел мальчик повернуться, как на него обрушилось что-то темное, заслонило глаза. Сильные и ловкие руки стянули его путами, потом его подняли и куда-то понесли.

Ючин или Чернонд?

...Сначала было тихо, только вдали будто гудел самолет. Кружит высоко, гул то утихает, то снова усиливается. Володя открыл глаза. Он стоял, привязанный за локти и под коленями к какому-то негладко обтесанному столбу; саднило ладони, а руки были вывернуты назад так крепко, что ныли плечи.

Внезапно к нему подскочил человек. Худое, все в резких складках лицо его состояло, казалось, из одних углов, а между нависших морщинистых век будто угольки раскаленные воткнуты: столько злобы в маленьких глазках. На лицо свешивались черно-седые волосы, а на голове — венчик не венчик, а будто бы стружки древесные, свитые вместе, надеты. И на поясе такие же стружки. Черный халат, с огненной молнией на груди, развевается. Не то пляшет, не то скачет человек, быстро-быстро перебирая ногами, мелькая мягкими сапожками да черными, с огненным узором, наколенниками. В руках мечется обруч, не то тканью, не то кожей обтянутый. С одной стороны ремни перекрещены, к ним деревянное кольцо привязано, и человек то и дело за это кольцо дергает. Гудит обруч, жужжит, визжит на разные голоса, будто тысячи неведомых живых существ в нем скрыты. А с другой стороны на шкуре изображение зверей. Вот, кажется, лось склонил рогатую голову. Вот змея свилась в кольцо...

Володя осмотрелся. На утоптанной поляне торчала засохшая елка. Ветви на ней были все срублены, только четыре осталось. И на них, среди желтых полуосыпавшихся иголок, тоже висели кудрявые стружки. Вокруг елки воткнуто несколько прутьев со свернувшимися в трубочку сухими листьями: вот, кажется, клен, ольха... И еще чудо: стоит, накренившись, под елкой деревянный грубо вырезанный идол.

Тут Володя чуть не ахнул от изумления: напротив — как он только не приметил ее раньше! — точно так же, как и он, притянута к столбу старая Унгхыр. Теперь шаман — или как его там? — перед ней скакал. Поодаль, окружая площадку, стояли люди. Мужчины, женщины, дети. Все в узорчатых халатах, у всех косы: у женщин — по две, у мужчин — одна: пожестче, покороче. У женщин налобники из затейливо скрученных железок, из маленьких звериных шкурок, ажурные подвески покачиваются. Все стоят как зачарованные, глаз с шамана не сводят, только выкрикивают:

— Ух-та! Ну, давай!

А шаман после таких одобрений еще быстрее скачет, еще ловчее извивается, еще громче распевает:

— Куа, куа, куа! На той горе живущие большие волки, двое

вместе ко мне спуститесь, один белый, другой черный! В том море живущий красный сивуч, ко мне на помощь явись! В той туче живущий ярый гром, греми оглушительнее, сильнее удары! Молния, сверкая ослепительно, вонзи свой огненный палец в головы оборотней! Пепел их соберем, развеем по ветру, чтобы не проросло злое колдовство черным папоротником, отступились чограммы, чтобы вновь расцвела в тайге голубая лилия, насыщающая голодных, исцеляющая больных, исполняющая желания!

— О голубая лилия! — простонала толпа.

— Слушая, ушам своим не верю! — вдруг громко воскликнула, перекрывая шум, старая Унгхыр. — Неужели с тех пор, как погибли молодые женщины, что в поход за голубой лилией отправились, перевелись храбрые среди нихинок? А если молодые не знают дорогу, что же не подсказал им ты, Ючин? Что же ты вместе со всеми говоришь глупые слова, будто навсегда отцвела голубая лилия?

Толпа замерла, будто лишившись дыхания. Володя толком ничего не понял, но догадался, что старая Унгхыр откуда-то знает этого шамана.

А тот опустил бубен на землю и подошел к Унгхыр:

— Что такое ты говоришь, женщина-оборотень?

— Я не оборотень, Ючин, — ответила Унгхыр. — Чего ты меня боишься? Ты человек — и я тоже человек.

— Тогда откуда знаешь старые имена? Да, меня звали когда-то Ючин, храбрый охотник Ючин. Но кто теперь то имя помнит? Зовут меня теперь Чермонд.

«Какое красивое, благородное имя у этого жуткого старика. Прямо как у средневекового рыцаря!» — подумал Володя, но Унгхыр испуганно вскричала:

— Какое страшное теперь у тебя имя! Чермонд — «Плач у погребального костра»!

— Да, — сказал шаман. — Плач у погребального костра. После гибели моей невесты Хонглик вся моя жизнь — плач. Только не было у нее погребального костра. Ушла ли ее душа в Млыво — кто знает? Много душ мне удастся встретить, камлая, но ее душа обходит меня. Наверное, потому, что взял себе другую жену: сына она мне родила, но умерла вскоре. Но много, много зим и весен я ждал возвращения Хонглик...

— О Ючин, душа твоей Хонглик обратилась в тахть, летает вместе с душами других подруг под ночным небом. Помнишь ли ты ее подруг, Ючин? Вместе они летают: Хонглик, Нымгук, Саньпак, Вакук...

— Откуда знаешь?! — не поверил шаман.

— Я Унгхыр! Неужели ты не узнал меня?!

Шаман весь вытянулся, вглядываясь в ее морщинистое ли-

цо. Было так тихо, что слух различал, как шуршат кудрявые стружки о желтые еловые иглы.

— Унгхыр... Я помню тебя, какой ты была... Унгхыр... Что теперь ты! Что теперь я! Другим стал я!

И он вновь изогнулся, подпрыгнул высоко-высоко, одновременно подхватив с земли свой бубен, и, вздымая его, закричал:

Бог горы, услышь!
Бог моря, услышь!
Бог неба, услышь!
Бог земли, услышь!

Потом он сорвал с себя венок из стружек, напялил на грубо вытесанную голову идола:

О дерево, услышь!

Володя теперь слушал с любопытством. Страх его почти прошел: если это Чернонд, который раньше был Ючин, знакомый Унгхыр, то не сделает же он ей зла? А она наверняка и за Володю заступится. Но, наверное, Унгхыр услышала в новом заклинании шамана какую-то угрозу, потому что начала просить:

— Остановись, о Ючин! Ты говоришь, что голубая лилия не встречается вам в тайге? Я знаю, где растет она. Только замолчи — я покажу!

Толпа разразилась единым восторженным воплем. Женщины закружились, запели. Мужчины били в ладоши, подпевали:

В жертву медведю принесенная,
Вновь расцвети, голубая лилия...

Чернонд стоял как бы в задумчивости. Потом кивнул.

Подбежал высокий тощий парень — волосы у него, как и у шамана, перехвачены на лбу ремешком. Был он тоже в черной одежде. Парень развязал Унгхыр. У нее сразу подогнулись ноги, обессиленно поникла она у столба. Парень помог ей подняться, осторожно повел куда-то, но Унгхыр его оттолкнула, заковыляла к шаману, подбирая растрепавшиеся седые волосы:

— О Ючин...

— Называй меня Чернондом! Нет больше Ючина! — раздраженно велел тот.

— О Чернонд! Этого пленника ты отпусти тоже... — И она указала на Володю.

У шамана чуть бубен не выпал из рук.

— Молчи, Унгхыр! Время твоё тоже недолго: покажешь в тайге, где растёт голубая лилия, и я снова буду петь чамлунд — шаманские песни. Ты и он — оборотни. Ты из Млыво вернулась, тебя не тронули чограммы, а он рядом с чограмом стоял, стрелу из его раны вынимал...

«Человек со звезд»

«Вот это номер! — подумал Володя. — Выходит, жалкий зверь с печальными желтыми глазами... зверь, который пришел за помощью... раненый, похожий на побитую собаку... — тот самый чограм?!»

— Откуда я знал, что это чограм? — возмущенно спросил Володя. — На нем таблички не было. Да хоть бы и чограм — что ж такого? Он же меня не съел, чего бояться?

— О! — выдохнула толпа.

— Видевший чограма погибал всегда! — наставительно потрясая бубном, изрек шаман, и деревянное кольцо глухо постукивало о натянутую кожу, будто поддакивало. — Не будем от законов предков отступать. Ты видел чограма. Ты остался жив, хотя стоял с ним рядом. Ты погибнешь.

Он поднял бубен, тот застонал на разные голоса. Черный парень сунул руку за пазуху и напряженным шагом двинулся к Володе.

— Интересное кино! — вскрикнул тот. — По-моему, ваши предки имели в виду что-то совсем другое! Кто на глаза этим чограмам попадался, того звери сразу сжирали. Вот и получалось, что видевший чограма погибал всегда. А если увидел, да жив остался, то этого убивать не по закону! Такого человека, наоборот, беречь надо, как редкий экспонат. А вы — убивать... И потом, между прочим, откуда вы знаете, что я видел этого чограма и вытащил из него стрелу? Кто вам сказал об этом?

— Я видел! — вмешался парень. — Я — Лунд, певец, сын Чернонда.

— Ах, ты ви-и-идел! — торжествующе протянул Володя. — А как насчет того, что видевший чограма погибал всегда? Тогда вы этого Лунда тоже убивайте, а то несправедливо получается! — решительно обратился он к остолбеневшему шаману.

— Чего раскричался, оборотень? — совсем по-свойски спросил Лунд. — Да, я видел чограма. Но издалека! Он ко мне не подходил. Я из его раны стрелу не вытаскивал — я в него стрелял!

— Так это твоя стрела? — спросил Володя.

— Какая?

— Та, которую я вытащил! Вот, достань в джинсах!

— Где? — спросил Лунд.

— Ну в джинсах, в кармане!

Лунд растерянно оглянулся на Чернонда. Вид у шамана был по-прежнему непроницаемый, но Володе почему-то показалось, что он очень хочет пожать плечами. «Да они же не знают, что такое джинсы!»

— Ну, в штанах синих — карман, понял? — подсказал он.

Лунд внимательно оглядел Володю, с опаской обшарил карманы, причем руки его задрожали, когда он наткнулся на обломок расчески и платок. Вытащив наконец обломок стрелы, он на всякий случай отошел подальше.

— Моя стрела! — объявил он радостно. — Это я попал в чограма!

— Тюфяк ты после этого! — презрительно сказал ему Володя. Этого трусоватого парня он несколько не боялся, тем более, что по виду тот был лишь ненамного старше. — Не нравится тебе чограма, так убей его, но зачем мучить? И вообще, зачем его было уничтожать? Редкий зверь, сразу видно. Его давно пора, наверное, в Красную книгу занести, а ты что делаешь? Может, охота на чограмов вообще запрещена?

Узкие глаза Лунда стали раза в три шире. Володя чуть не расхохотался.

— Помолчи, оборотень, — устало велел Чернонд. — Мой сын — хороший охотник, а тебе никакие речи не помогут: ничем не объяснишь, почему не тронул тебя чограма.

Но тут вновь вмешалась Унгхыр:

— Посмотри на него, Чернонд! У кого ты хочешь отнять жизнь? Видел ты когда-нибудь такую одежду? — Она дернула за Володину измятую, вылезшую из джинсов рубашу: — Такой халат видел ты? — Потом она потянула за плетеный ремень: — Разве он поясом, из крапивных ниток тканым, опоясан? — Нагнувшись, приподняла брючину, ткнула в носки и кроссовки: — Его пыльные сапоги разве травой набиты? — Показала на потертые Володины джинсы: — Наколенники не носит он... На его глаза посмотри: они цветом схожи с волной, которую Тланила — Олений ветер несет на побережье. На волосы его посмотри. Они цвета дубового листа, прихваченного первыми заморозками. Разве бывают у нихов такие глаза, такие волосы? Где твой зоркий взгляд, охотник Ючин? Ведь не простой человек — звездный человек стоит перед тобой. Причинишь зло ему — никогда ни один кегн — дух не сядет на ветви твоей священной ели, не услышишь ты инау — язык дерева! — Она сурово показала туда, где шуршали, словно и впрямь перешептываясь со срубленной сухой елкой, кудрявые стружки.

Чернонд стоял столбом несколько секунд, потом вскинул руки и что-то яростно выкрикнул. Притихшая толпа мигом рассыпалась, словно тайга втянула людей.

По знаку Чернонда Лунд распустил веревки, притягивающие Володю к столбу. Володя еле удержался на ногах. Нестерпимо заныли, отходя, затекие колени, и Лунд фыркнул, глядя, как он согнулся.

— Идите за мной, — приказал Чернонд мрачно. — Дождемся ночи, а тогда... Х-хе! Звездный человек... Посмотрим!

Обед у шамана

Пока шли, Володя вспомнил, что не ел, наверное, уже целые сутки. Голод навалился сразу, будто в желудок крепко ударили.

«Недолго и помереть среди всей этой фантастики, — устало думал Володя, бредя за Унгхыр и Чернондом. Сзади неслышно шел, будто крался, Лунд. — Интересно, дадут нам поесть или нет?»

Скоро они подошли к дому на невысоких сваях. Стенка его была изрезана четким орнаментом и изображениями зверей. Володя задержался — рассмотреть все это получше, но Лунд бесцеремонно подтолкнул его. Володя не стал связываться, но обиделся: «Я бы так с космическими пришельцами не обращался. Или не верит, что я со звезд? И правильно, конечно, делает... Но почему Чернонд сказал: «Дождемся ночи»? Может, у звезд спросить хотят, с какой я прибыл? Эх, удрать бы! Но куда? С бабулей еще можно было бы уйти, а так в два счета поймают. А куда бежать? Где этот восточный склон? Что же мне теперь — до конца жизни с ними этой ерундой заниматься?»

До конца жизни, рассудил Володя, ему еще лет восемьдесят. За это время он, наверное, найдет способ как-нибудь выбраться отсюда. Но кто бы мог подумать, что в наши дни еще сохранилось это чуть ли не первобытное племя! Володя читал в журнале «Вокруг света», что таких полудикарей находили где-то в Центральной Африке. Но то огромная Африка, а здесь — сравнительно небольшой остров. Да его, наверное, геологи, изыскатели разные вдоль и поперек прошли, и не раз. Как они только не наткнулись на этих чернондов?

Тем временем они вошли в дом, разделенный на две половины. В первой стояли берестяные лари, с потолка свешивались пучки корней и трав, вход во вторую комнату закрывала занавеска. Володе показалось, что и она тоже была сплетена из травы. И на ней висели пучки.

Чернонд обернулся и сделал ему знак остаться на месте. Володя обиженно сел в уголок. Унгхыр вошла вместе с Чернондом, а Лунд остался стеречь Володю. Иногда он приподнимал занавеску, и, заглядывая во вторую комнату, ворчал:

— Стол поставили, как для добрых людей! Ишь, красивую белую юколу кеты нарезал! — Лунд громко проглотил слюну. — Нерпичий жир нацедил из высушенного желудка сивуча...

Тут занавеска отодвинулась, Чернонд, насмешливо искривив рот, жестом позвал к столу. Это был низенький столик на изящных ножках. Сидеть вокруг него пришлось на полу.

Как ни был голоден Володя, он совсем измучился во время этого обеда. Коленки замлели. Хотел сесть по-другому, но чуть не опрокинул столик. Тут уж даже Унгхыр укоризненно покачала головой. Пришлось снова сесть смирно. Все-таки в гостях, хоть и насильно приволокли сюда.

Словом, Володя вздохнул свободно, когда обед закончился и шаман важно сказал:

— Гости сыты...

Посуду тут не мыли. Лунд небрежно повыкинул чумашки в «прихожую», прямо с остатками еды. «Ну и порядочки», — подумал Володя.

Потом Лунд улегся, загораживая вход, на полу и тотчас глубоко, сонно задышал. Заснул на охапке шкур и Чернонд. Ни на Володю, ни на Унгхыр они не обращали больше внимания, словно разом потеряли всякий интерес к пленникам.

Времени терять было нельзя. Володя приподнялся и осторожно потянул Унгхыр за рукав. Но старуха покачала головой, указав при этом на древесные стружки, которые шаман привесил в проем двери.

— Язык дерева... — чуть слышно шепнула Унгхыр. — Инау...

Володя удивленно взглянул на стружки. Как это они сообщат о побеге? «Глаза у них есть, что ли? А где же этот самый язык? Предрассудки какие-то!» — рассердился он и неожиданно зевнул. Посмотрел на Унгхыр и увидел, что она дремлет, прислонясь спиной к стене. «А что если одному убежать?» — подумал Володя, но он не знал, куда идти. В этот момент Лунд что-то забормотал, переворачиваясь на другой бок, и, словно угадав Володины мысли, угрожающе глянул на него.

За окнами, затянутыми тусклыми рыбьими пузырями, стемнело.

На Володю наваливалась усталость. Он еще успел подумать, не подмешали ли снотворного к еде, но решил, что это невозможно: ведь ели они вяленую рыбу, ягоду и корни, — однако глаза его слипались, и через минуту он крепко заснул, свернувшись на полу.

Песни Лунда

Сон был недолг. От какого-то резкого крика Володя вскинулся, не понимая, где он и что с ним. Но, увидев в свете бледного утра Унгхыр, прижавшую руки к груди, мрачный лик Чернонда, украшенные зловещим орнаментом столбы, подпирающие

потолок шаманского жилища, сразу все вспомнил и чуть не заплакался. Тоскливо и одиноко, просто невыносимо стало. «Хочу домой, к маме!» — готов был закричать он, не стыдясь такого «младенчества», как презрительно назвал бы свое состояние раньше. Но тут взгляд его упал на Лунда — и от изумления Володя забыл про свое отчаяние.

Лунд уже не спал у входа — стоял посреди комнаты, вытянувшись стрункой. Глаза его были огромными, похожими на черные провалы. Весь дрожа от напряжения, он рвал на груди одежду, будто она давила, мешала ему издавать странные звуки: то гулкие, раскатистые, как рев голодного зверя, то мрачные, душераздирающие, будто плач по мертвому, то неожиданно тихие, нежные, словно дрожь струны далекой скрипки. Это было нечто вроде песни, причитания или диковинного речитатива:

Ан-тан-тан-тан-тан-тан-тан!

В черное, черное небо,
Где рождаются звезды,
В черное, черное небо,
Где они умирают,
Пошел я Путем Неизвестным,
Звездной дорогой — Тангхопан.

Я шел дорогой прямою.
Земля позади осталась.
Следы от сапог моих пыльных
Пятнали длинный Тангхопан,
И сколько звезд затоптал я,
Шагая тяжелым шагом, —
Не знаю, не ведаю я.

Лунд покачнулся, схватился за горло, захрипел, точно задыхался.

— О кегн! — крикнул Чернонд. — О миф-кегн! Не покидай моего сына!

— Какой миф-кегн? — быстрым шепотом спросил Володя, наклонившись к Унгхыр.

— Миф-кегн — Земной дух, он обитает на кончике языка певца. Он дает божественный дар вещей песни. Если миф-кегн покинет певца, тот сразу может в Млыво уйти.

Лунд тем временем немного отошел и снова завел свою оглушительную песню:

В черном, черном небе
Холод, холод, холод...
Четыре звезды Няграньо
Блестят ледяным блеском.
Это Крыс Кладовая,
Крыс ледяных Кладовая.
Холод, холод, холод...

Совсем я замерз в черном небе,
Совсем там согреться негде,
Хоть ярко светятся звезды.

— Фантастика! — пробормотал Володя. — Плетет бог знает что...

Обмороженными ногами ступая,
Добрел я до звездной деревни.
Она называлась Падф — Вечер,
И многих людей там я видел.
Я был для них невидим —
Они мне видимы были...

Голос Лунда стих. Глаза сонно закрылись. И абсолютная тишина, вдруг наступившая в доме шамана, нарушилась громкими криками слушателей:

— Га! Га! Га!

Унгхыр повернулась к Володе:

— Почему молчишь ты?

— А что?

— Заснув во время пения, Лунд уйдет в Млыво.

— Да, здесь искусство и впрямь требует жертв, — буркнул Володя. — То кегн от него сбежит, то сон его уморит... Ладно, так и быть... — И он тоже завопил что было сил: — Га! Га! Га!..

Лунд встрепенулся. Его помутневшие глаза вновь широко раскрылись. Охрипший голос набрал силу:

Долго бродил я в селенье,
Где звездные люди жили.
Они похожи на нихов —
На нихов огромного роста,
На нихов с густыми бровями,
На нихов с длиннющим носом.
Одеты они, как нихи.
Обуты они, как нихи.
Песни поют, как нихи.
Рыбу едят, как нихи...
Нет среди них такого!

Внезапно, совершив поворот вокруг своей оси, как балерина, Лунд сделал выпад в сторону Володи и ткнул в него пальцем.

— Нет среди них такого! — нечеловеческим голосом проревел он, и люди зачарованно повторили:

— Нет среди них такого...

Лунд бессильно грянулся оземь, почти беззвучно произнеся:

— Он не... не звездный человек... Это оборотень... людоед, унырк!

Старая Унгхыр в отчаянии закрыла лицо руками, люди вмиг исчезли, а шаман, набросив на лежащего Лунда край черного покрывала, зловеще уставился на бывшего «звездного человека».

Чего хотел Чернонд

«Было бы очень странно, если бы Лунд все-таки разглядел таких, как я, там, на звездах», — еще успел насмешливо подумать Володя, но тут к сердцу его подобрался противенький страх: что же дальше будет? Он прислушался.

Унгхыр склонилась перед шаманом.

— О Чернонд... — жалобно бормотала она. — О Ючин! Не трогай, пожалей его! Он еще так молод... Руки его еще не устали держать копье. Он еще не испытал радости охотника при виде богатой добычи. Он еще не встретил на своем пути прекрасную, красивую девушку, которая станет его женой. Не отправляй его в Млыво! Лучше я пойду туда вместо него...

Володя с изумлением и благодарностью смотрел на старуху. «Ведь она меня почти не знает, а готова жизнь отдать. Я и не думал, что она так добра. Совсем первобытная, а посмотри-ка... Но нельзя же так! Разве я виноват, что я не пришелец? Черт бы подрал этого Лунда. Знал бы, что он такой, не кричал бы ему: «Га! Га! Га!»

— Встань, Унгхыр, — велел Чернонд. — Пока я не трону этого оборотня. Мне нужна его помощь.

— Помощь? — недоверчиво переспросили хором Унгхыр и Володя.

Чернонд ответил, помолчав:

— Мне нужен посланник. Весть передать в селение Куги-Рулкус. Задумал я жениться. Дому нужна хозяйка. Мужчине — мужские дела: добычу с охоты приносить, дрова к дому подвозить... А жена должна рыбу, им привезенную, неумоимо чистить, запасы ягод, грибов, съедобных корней на зиму делать. Очаг топить, воду носить, рыбную похлебку для собак варить, кормить их, наготове для путешествия держать. Звериные кожи дубить, нитки из крапивного волокна сучить, одежду шить. Рыбьей кожей окна затягивать. Домашнюю утварь из березовой коры делать. Много утвари! Гость ли в дом — женщина должна пламя в очаге раздуть; если снег идет, то деревяшкой его с гостя счистить и чашу с рыбьим жиром и юколой предложить. Обед готовить. Трубку раскуривать. Наутро собак гостя накормить...

Володя чуть не задремал, слушая про многочисленные обязанности нихских женщин, с жалостью подумал: «Вот бедняги! Ни стиральных машин, ни холодильников, ни пылесосов, ни газа — ничего путного нет. А такой, как этот Чернонд, и посуду за собой никогда не помоеет, да и Лунд не лучше».

— Плохо без женщины в доме, — продолжал Чернонд. — И вот я присмотрел себе красавицу. Кто ей подобный сыщется? Волосы у нее длиннейшие, сережек на ней множество, железок-

побрякушек множество. Имя ее Итаврид, Ита — Загадка.
«Ого! — подумал Володя. — Нормально!»

— Вот тут-то, х-хе! звездный человек... ты мне и можешь. Пойдешь по узкой тропе мимо нашего селения, мимо дуба, разбитого молнией, через тайгу и по сопкам, что заросли багульником, через озеро переправишься на запад, где мыс Таггах: с него видна середина моря, Морская спина. Ко времени падения солнца придешь в селение Куги-Рулкус, отцу прекрасной Иты скажешь: мол, призвал меня со звезд в пору умирающей луны великий шаман Чернонд, чтобы я ему жену выбрал. И меж дев, ныне живущих на земле, я избрал твою дочь, юную Иту, в жены великому шаману. Пусть верхнюю пуговицу с платья своего мне приготовит в знак любви и согласия. Передашь ему это, оборотень, и... так и быть, отпущу я тебя, если Унгхыр покажет мне, где растет голубая лилия.

— Покажу, покажу, — поспешно закивала Унгхыр. — Но скажи, о Ючин... Чернонд, разве отец Иты не отдаст тебе дочь в жены, если ты его сам попросишь? Разве не честь и счастье для них твое сватовство?

Чернонд замаялся.

— Ее отец... — наконец не очень охотно вымолвил он. — Он говорит, что его дочь слишком юна для Чернонда, хотя уже двенадцать раз зима уступала дорогу весне с тех пор, как прекрасная Ита появилась на свет.

— Как она молода... — с грустью произнесла Унгхыр, а Володя возмущенно сказал:

— Так ей всего двенадцать лет, что ли? Ничего себе! Да у нас в классе такие «невесты» учатся. Они еще в куклы играют... Вы же ей в дедушки годитесь. Или даже в прадедушки. Женились бы лучше на бабушке Унгхыр — и все. А та девчонка еще маленькая жениться.

— Что-о? — не веря своим ушам, спросил шаман. — Ты отказываешься исполнить мое повеление?

— Конечно, отказываюсь! — пожал плечами Володя. — Да меня на смех подымут, когда я о вас заговорю с отцом Итаврид. Еще с Лундом, на худой конец, они могли бы пожениться, когда подрастут, а с вами — куда же?!

Шаман, согнувшись, смотрел на него. В тусклом свете начинающегося утра лицо его казалось еще более угрюмым и злым.

— Тогда смерть тебе! Сказано! — проревел он и, схватив Володю под мышки, поволок на ту самую поляну, где только вчера они с Унгхыр стояли у столбов. Старуха бежала следом, жалобно вскрикивая и хватая Чернонда за полы халата, но шаман грубо отталкивал ее. Лунд плелся сзади, все еще словно в полусне. Но это не помешало ему притянуть Володю к столбу —

не так сильно, как в прошлый раз, но все-таки стало больно.

И толпа нихов собралась. Раздавались злобные крики:

— Оборотень проклятый! Унырк, людоед!

«Ну и народец! — с возмущением думал Володя. — Им бы только зрелища, все равно какие: то Лунд дурацкие песенки поет, а то человека убивать собираются. Неужели не противно так жить, верить во всякую чепуху? Слушаются шамана... А он же весь мир ненавидит, всех бы зубами перегрыз от злости. Неужели и мои прадеды так жили? Да разве это жизнь?!»

Володя рванулся, но веревки больно врезались в тело, и он должен был замереть, сердито мотая головой, потому что злые слезы щекотали лицо, и не сразу понял, отчего вдруг застыл шаман, тревожно вскинул голову, напряженно прислушиваясь. Замерли, точно заколдованные, Унгхыр, Лунд и все остальные. Лица их испуганно напряглись.

Прислушался и Володя. Издалека донесся до него тоненький, скулющий, жалобный звук, точно слепой щенок звал свою мать.

— Чогграм! — раздался над поляной крик, больше похожий на вой. — Чогграм!

Вмиг всех как ветром сдуло, а Чернонда с Лундом — в первую очередь. Осталась только Унгхыр. Дрожа, она долго распутывала веревки и наконец освободила Володю. Серьезно глядя в его глаза, сказала:

— Ты отмечен чогграмом. Тебя он не тронет. Выручая тебя, сюда явился он.

— Меня? — пробормотал Володя недоверчиво. — Почему?

— Ты вынул стрелу из его тела. Ваша кровь смешалась. Теперь вы — братья. — И она показала на засохшую царапину на Володиной руке.

«Вот это да! Фантастика!» — только и смог подумать он, а Унгхыр уже тащила его за собой:

— Хотя и отмечен ты чогграмом и страшно мне с тобою быть, но бежим! Бежим в селение Куги-Рулкус. Надо передать Ите весть о злобе Чернонда. Может быть, добрые духи успеют преградить дорогу его заклинаниям. Мы спасем девочку... И его спасем. Я не хочу, чтобы он снова свершал зло.

Храбрый охотник Марг

Володя устало брел за Унгхыр, которая из всех небольших старушечьих сил почти бежала, а жалкий голос чогграма то удалялся, то приближался. Унгхыр то и дело вздрагивала, озираясь. Володя прибавил шагу и, ступая рядом с Унгхыр, сказал:

— Чернонд говорил, что каждый, кто видел чограмма, погибал. Но откуда же тогда Лунд узнал, что тот зверь был сам чограм? Откуда люди узнали, как он выглядит?

— Был один человек, который видел чограмов, — неохотно ответила старуха.

— И остался жив?!

— Да.

— Расскажите, пожалуйста, бабушка Унгхыр! — чрезвычайно вежливо попросил Володя.

Старуха посмотрела на него ласковыми узкими глазами и легко прикоснулась к руке, будто погладила. И начала:

— Только один человек видел чограмов — и остался жив. Это был храбрый охотник по имени Марг.

Почувяв человека, чограмы окружали его. Большое кольцо смыкали! Когда встречались первый и последний чограмы, они издавали пронзительный «воплъ встречи», от которого все лесные люди в страхе замирали и думали: еще кто-то с жизнью простится скоро...

И вот попал Марг в такое окружение. Выбившись из сил, остановился. А плач чограмов приближался. Тогда Марг выбрал самое высокое и толстое дерево и забрался на него. Сев на сук, кожаным ремнем крепко привязал себя к нему. Ждать стал.

И вот чограмы подошли. Много их было, ох как много! Казалось Маргу, что даже больше, чем рыбы в море. Не то на собак, не то на диких кошек были они похожи: с грязно-серой шерстью, с горящими желтыми глазами.

Марг храбрый и озорной был. К другому ремню привязал рукавицу свою и начал чограмов дразнить. То опустит ремень, то кверху дернет.

Голодные чограмы были. Рукавица крепко человеком пахла. Стали звери прыгать, ловить ее. Вдруг один, подпрыгнув высоко-высоко, прямо на головы сородичам упал. Разъярившись, вмиг чограмы разорвали его, съели. И другого так же съели. И еще одного...

Ночь настала. Звездные люди свои костры зажгли. А Марг уже без рукавиц, без шапки, без нарукавников сидит. Всё звери сожрали. Вниз Марг посмотрит — глаза чограмов, как угли от костра, горят. Вверх посмотрит — подумает: «Если определили мне боги по Неизвестной дороге среди звезд идти — пойду. Но впереди меня многие чограмы бежать будут».

А зверей все меньше и меньше оставалось... Сил тоже мало уже у Марга, давно упал бы он с дерева, да ремень крепко держал его.

Вот только два хищника внизу осталось. Долго они еще мучили Марга. Наконец один зверь растерзал другого. Отяжелел,

неуклюжим сделался. Посидел под деревом, плача по-щенячьи... Марг, его слушая, чуть сам не заплакал, сердце у него от жалости разрываться стало, вот-вот спустился бы к чограму — на погибелю свою, да тут последний чограм встал и ушел в тайгу. Ушел стеречь голубую лилию...

Да, это была жуткая история. Володя шел и думал, что у человека в тайге, конечно, много врагов. Тигр, медведь, голодный волк. Но чограма люди ненавидят больше всех. Наверное, потому, что от него нельзя спастись. И потом, он охраняет какую-то голубую лилию, краше которой, говорят, нет ничего на свете. Как в русской сказке — аленький цветочек и зверь лесной, чудовище, которое его охраняет. Но при встрече со «зверем лесным» Володе повезло. Может быть, посчастливится и на голубую лилию поглядеть...

Хозяин Зайцев

Они шли уже долго, Володя устал. Захотелось есть. Он обломил веточку с черной березы и нетерпеливо грыз ее.

Унгхыр сошла с тропы и начала разгребать землю среди высоких стеблей с узкими листьями. Вырыла какие-то коренья, похожие на чесночные головки, отделила одну-две дольки и зарыла эти зубчики обратно в землю. Так она бродила вдоль тропы, извлекая из земли все больше кореньев, но не забывала оставить по несколько зубчиков в земле. Володя подумал было, что это какое-то безобидное жертвоприношение совершается, но вдруг догадался: да она же оставляет часть кореньев в земле, чтобы ни одного растения не пропало! Стебли и листья как у саранки, и Володя представил, какая тут красота летом, в июне, когда зацветают тысячи алых цветков. То будто огоньки мелькают среди густой травы, то встретишь поляну, словно сплошь залитую алой кровью.

«Как они, эти ниhi, заботливы к тайге. Будто к своему дому. Но ведь так оно и есть — тайга их дом...» — подумал он.

Унгхыр набрала много корешков. Володя ел и думал, что посмотреть на цветок этого растения или нюхать его все-таки куда приятнее, чем есть его коренья. Но все-таки он съел их довольно много. Хотя с большим удовольствием отведал бы сейчас котлету, а еще лучше отварной кеты с молодой картошечкой... Володя, вздохнув, отправил в рот последний корешок.

Унгхыр опять забеспокоилась. Озиралась, невнятно шепча... Ее беспокойство передалось и Володе: не сбились ли они с дороги? Но тут зашуршали нижние ветви елей, заскрипели тугие иглы — и на тропу выскочил серый заяц.

Вот это был зайчище! Володя, честно говоря, вообще никогда живых зайцев в глаза не видывал — только кроликов, — но и по книжкам представить не мог, что бывают зайцы величиной чуть ли не с овчарку, с длинной белой полоской на морде, отчего казалось, что нос очень длинный и белый.

Своими раскосыми глазами заяц лукаво поглядел на остолбеневшего Володю, потом на низко склонившуюся Унгхыр и сел на задние лапы, сложив уши. Передние лапы он прижал к светло-серому животу, и вид у него стал такой милый, домашний и добродушный, что Володина рука потянулась его погладить. Унгхыр протянула зайцу полные пригоршни сараны, и тот быстро все схрумкал прямо к ладоней.

— О Хозяин Зайцев! — глубоко кланяясь, сказала Унгхыр. — Помогите! От смерти убегая, с пути сбились мы, весте об опасности неся в селение Куги-Рулкус. Помогите...

«Хозяин Зайцев! — подумал Володя. — Фантастика! А я его чуть не погладил, как какого-нибудь крольчишку. Но вид у него и впрямь важный...»

Хозяин Зайцев смотрел искоса то на старуху, то на мальчика, неторопливо, точно в раздумье. Вдруг он резко повернулся, минуя колючий ельник, скакнул в темноту зарослей. Унгхыр и Володя кинулись за ним. Володя отодвигал с пути перепутаницу подлеска, и тут, откуда ни возьмись, зазвучал чужой голос, словно кто-то шептал ему в ухо:

«Кор-р! Кор-р! Спешите, о люди! Ваш враг за вами идет. Это он уводит тропу из-под ваших ног. Еще немного — и попали бы вы на край кипящего озера, где гибель ждет все живое».

Володя оглянулся: сзади никого не было. Кто же это шепчет? И какой враг идет за ними? Чогграм?

«Ваш враг — шаман Чернонд, — снова зазвучал голос, словно отвечая ему. — Страх преодолев, жаждой мести полон, идет он за вами. Следуйте за мной. Опасность переждите, утром снова в путь пойдете».

«Откуда это? — недоумевал Володя. — Кто это говорит?»

Тут Хозяин Зайцев обернулся, глянул на него, и Володя понял, что каким-то неведомым образом слышит его мысли...

Селение деревянных идолов

Сколько раз в этой неведомой стране Володя произносил про себя слово «вдруг!» Тут все совершалось как-то неожиданно. Может быть, здешние жители всегда были готовы к разным неожиданностям, но Володя никак не мог уследить за внезапностью происходящего. Вот и сейчас: не заметил, как исчезла мелька-

шая впереди серая спина Хозяина Зайцев, а они с Унгхыр очутились на окраине небольшого селения. Здесь не было деревянных домов на сваях, как у Чернонда. Победнее встретилось им селение, попроще. Невысокие травяные юрты, к ним приставлены шесты, образуя навесы для нарт, какие-то палки воткнуты в землю... Заметив Володин любопытный взгляд, Унгхыр пояснила:

— Вешала для юколы.

Но гораздо больше удивляло его другое. Нарты почему-то стоят — а собак нет. Юрты стоят — а людей не видно. Брошенное, что ли, селение? Нет, вон... Что такое? Человек? Нет. «Робот, что ли?!» Нет, и не робот — деревянная приближается фигура. Похожа на того идола, что был у Чернонда. Но физиономия симпатичнее, добрее, узоры вырезаны красивые... Вдали еще такие же фигуры появились.

Тишина вокруг, только ветер шумит в вершинах деревьев да поскрипывают при ходьбе деревянные жители селения: скрилы-скрилы, скрилы-скрилы... И жутко Володе, и любопытно, и смешно. А Унгхыр ничего, спокойно стоит. Привычны они тут к чудесам, ничего не скажешь.

Приблизилась фигура и голосом, похожим на скрип открываемой матрешки, останавливаясь после каждого слова, произнесла:

— Вы с какого места поднявшие свои тела и принесшие сюда люди?

— О чингай! — обратилась к фигуре Унгхыр. — От шамана Чернонда спасаясь, весть несем мы в селение Куги-Рулкус.

— Кто же вам путь сюда указал? — с деревянным удивлением спросил чингай.

— Нас проводил сюда Хозяин Зайцев, — подал голос Володя.

Услышав это, чингай почтительно помолчал. Потом голова его медленно повернулась к Володе, узоры глаз обратились на него:

— Кто ты? Уж не из небесных ли ты людей?

— Нет, — засмеялся Володя. — Я не звездный человек, а просто... Володя.

— Айть! — хлопнула Унгхыр себя руками по бокам. — Сколько шагов вместе сделали, а имени твоего я не знала... — И она тоже засмеялась, а чингай, поскрипывая, поворачивался то к одному, то к другому.

Наконец Унгхыр спросила:

— Неужели здесь живут только деревянные идолы? Кто же вас здесь поселил?

— Здесь когда-то шаманы жили, — отвечала фигура. — Одни шаманы! У каждого был свой чингай, и не один. У моего хозяина было три идола. Глупые, злые были шаманы. Зло друг

на друга насылали — больше ничего делать не умели. Надоело это небесным людям. Выловили они всех земных людей, что здесь жили, удочками. Остались одни чингай.

Володя задрал голову, посмотрел в небо. «Интересно, какие у этих небесных людей удочки? Закидушки или махалки? Или какие-нибудь особенные небесные спиннинги? И какая там приманка? Это же надо! Людей — будто сазанов...»

— Как же вы тут живете? — участливо спросил он. — Не скучно одним-то? Или без людей наоборот лучше?

Фигура печально молчала. А когда ответила, скрип ее был тоже печальным, влажным:

— Чингай должен человеку служить. Помогать, охранять. Без человека чингай — просто дрова. Дайте, о люди, возможность вам услужить...

— Да ну! — отмахнулся Володя. — Зачем нам слуги?

— Айт! — схватила его за руку Унгхыр. — Не то говоришь, о Во-ло-дя! Чингай впереди пойдет, весть об опасности Ите понесет. Никто не страшен чингай: ни дедушка тигр, ни Чернонд, ни чограм...

Фигура от радости даже закачалась.

— Все, что сказано будет, передам! — взволнованно скрипела она. — Все, что велено будет, исполню!

Унгхыр вытащила из складок одежды небольшой острый ножичек и принялась строгать левую руку чингай. Володя чуть не вскрикнул испуганно, да вовремя вспомнил, что все-таки деревяшка перед ним. Но глядел он на фигуру с жалостью. А та, по всему чувствовалось, была довольна.

Стружки закручивались красивыми завитками.

— Зачем это? — спросил Володя.

— Инау! — пояснила Унгхыр. — Язык дерева. Десятками своих языков, — она осторожно провела пальцем по стружкам, — инау передаст наши слова. Красиво скажет. Правдиво. Сразу поверит Ита. Разве можно не верить тому, кто говорит так красиво?

Закончив строгать, она озабоченно огляделась:

— Надо бы накормить чингай.

— Чем же?

— Чем-то вкусным. Например, кровью смазать его деревянные губы.

Володя передернулся.

— Это должна быть кровь врага, — успокоила его Унгхыр. — Но что же делать? Без кормления не дойдет чингай.

— Вкусным... — проворчал Володя. — Вот мед — я понимаю... А то кровь...

Фигура неторопливо повернулась и заскрипела прочь. Впрочем, удалилась она ненадолго: смешно косолапя, воротилась, во-

лоча деревянную долбленку с какой-то грязно-серо-желтой массой. Запахло чем-то сладким, вкусным, хотя содержимое долбленки выглядело не очень аппетитно.

— Мед, — пояснила Унгхыр.

Дикий мед! Интересно, каков он на вкус? Володя подцепил двумя пальцами твердый кусочек — только сейчас он догадался, что мед собран прямо с сотами, — и положил в рот. Жевать соты было куда приятнее, чем жевательную резинку, а мед... О, это было что-то необыкновенное! Володя даже зажмурился. Ему казалось, что он нюхает сразу, одновременно, все цветы, которые есть в тайге, ощущая при этом щекочуще-ласковое прикосновение шершавеньких лепестков, а его греют желтые лучи расплавленного солнца. Изредка навевал легкий ветерок, несущий то густой аромат цветущей липы, то, легкий, — дикой таежной яблоньки. Мед был сладкий, но не приторный, и Володя ел, ел, ел...

Между тем Унгхыр помазала медом рот чингай, рассказала, где найти Итаврид и что ей передать. Опустила голову фигура в знак повиновения и побрела в глубь тайги. А другие фигуры принесли Ингхыр и Володе ягоды, корни и ключевую воду. Поели те и уснули в маленькой травяной юрте под мерное поскрипывание бессонно бродящих чингай.

Уньрк

Володя проснулся от криков Унгхыр. Было темно. Рядом кто-то тяжело сопел. Метались, скрипя и бестолково стучаясь друг о друга, чингай.

— Бабушка!.. — позвал Володя и тут же ойкнул, потому что крепкие, точно железные, пальцы вцепились в него. Он забился, вырываясь, попробовал укусить державшую его руку, но чуть не заплакал от боли в челюстях: рука, похоже, тоже была защищена железом, и Володя едва не сломал зубы. Его стиснули так, словно он был бесчувственным поленом, и потащили куда-то. Отчаянные крики старухи остались где-то далеко, а потом и совсем затихли.

...Володе казалось, что несли его много часов. Уже забрезжило утро, когда его наконец выпустили из железных тисков и бесцеремонно швырнули наземь. Несколько минут он вообще не мог шевельнуться и только пытался вздохнуть свободнее. Казалось, ребра выгнулись внутрь грудной клетки. Рядом кто-то громко сопел и топал.

Наконец Володя приподнялся. Глаза его привыкли к полумраку.

Честно говоря, он был почти уверен, что его похитил Чер-

нонд, и приготовился мужественно встретить злорадный взгляд шамана, но то, что он увидел, было куда хуже: перед ним стояло чудовище!

Оно было ростом с человека и похоже на человека: с головой, руками и ногами, но голова напоминала островерхую колоду, а руки и ноги — бесформенные толстые обрубки. Пальцы были, кажется, и впрямь железные. И железные колючки, как волосы, росли на голове. На физиономии, которая была словно вырублена топором, торчал сучковатый нос. Рот был похож на трещину. Один глаз злобно светился посреди лба, другой — на подбородке.

Увидев его, Володя от души пожелал, чтобы все, что происходило с ним после аварии вертолета, было сном... Но это чудовище, конечно, самое ужасное, что только могло присниться!

Оно, тяжело переваливаясь, ходило вокруг мальчика.

— Ой, ой, ой! — бурчало чудовище. — Вижу, в селении чингай людей много. Ой, ой, ой! Жирный зверь пришел, вижу!

— Это я — жирный?! — не выдержал Володя. — Ну, простите! Не видели вы жирных. Вот наш сосед Генка — это прямо-таки что-то неприличное. А меня мама всегда «скелетиком» ругает.

— Человеческое мясо — всегда сладкое мясо, — наставительно произнесло чудовище.

«Людоед! — догадался Володя. — Как его называли... унырк! Так что же это будет, а?»

Он беспомощно огляделся. Логово людоеда находилось в глубоком овраге. Сухая земля растрескалась. Кругом валяются белые обглоданные кости. Стены оврага отвесны, гладки. Очевидно, унырк выбирался наверх по свисающим вниз корневищам огромных старых лиственниц, росших по краю оврага, но сейчас он загородил эту «лестницу» спиной и не спускал глаз с Володи. И никакого оружия! Валяется, правда, в углу тяжелая палка, но к ней не подобрешься: людоед настороже, да и разве пробьешь палкой такую дубовую башку? Тут любая дубинка на куски разлетится.

«Неужели он меня сейчас съест? — в ужасе думал Володя. — Но этого же не может быть! Так не бывает!.. А что если уговорить его?»

— Послушайте, — начал Володя дрожащим голосом, — мне надо идти. У меня очень важное дело.

Унырк, точно не слыша, бубнил:

— Чую — человечьим мясом пахнет. Смотрю — старуха спит. Смотрю — мальчишка спит. Старухино мясо сухое, кости жесткие. На черный день приберегу, пока совсем ничего есть не останется. Мальчишкино мясо нежное, косточки хрустящие. Ой, ой, ой, вкусно поем!

— Да, конечно, так и будет Унгхыр дожидаться, пока ты придешь ее съедать, — проворчал Володя. — Давно убежала, наверное.

Людоед замолк. Что-то неповоротливо томилось в его башке.

— Куда она побежит? — невнятно спросил он. — Моя добыча — значит, ждать должна, пока приду — съем.

«Ох и тупица! — подумал Володя. — Ему, наверное, никто никогда не сопротивлялся — он и представить себе такого не может...»

И тут ему снова показалось, как тогда, в лесу, будто кто-то нашептывал ему в ухо:

«Кор-р! Кор-р! Слушай меня, о человек! Это говорю с тобою я, Хозяин Зайцев. Меня послал твой брат помочь тебе. Запомни, о человек! У всех унырков самое слабое место — на шее сзади. Запомни, о человек, совет своего брата!»

«Хозяин Зайцев! — растерянно думал Володя. — А мой брат? Кто он?»

Но сейчас не это было самым важным. Сзади, на шее, та самая «ахиллесова пята» унырка. Но как до нее добраться? «Надо заставить его наклониться!» — сообразил Володя.

Он еще раз огляделся. И подскочил к дубинке, прислоненной к стене оврага. Но до дубинки Володя не дотронулся, а стал на четвереньки и начал пристально всматриваться в самую глубокую трещину на земле.

Как он и ожидал, унырк оказался любопытным дураком. Неуклюже ковыляя, он подошел ближе. Володе стало снова страшно, прямо до дрожи, однако он пересилил себя.

— От меня еще никто не удирает, — на всякий случай предупредил людоед.

— Я и не собирался, — небрежно дернул Володя плечом. — Очень надо! Ешьте меня на здоровье. Только зачем вам такая худосочина? И зачем вообще было так далеко ходить за добычей, если под ногами у вас селение подземных людей?

Унырк тупо молчал. Наверное, он не мог представить себе такого чуда. И правильно. Ведь все это были выдумки чистой воды. Володя нагло, беззастенчиво соврал — и, видимо, напрасно. Он уже отчаялся было в своей затее, когда унырк своим чугунным, неподвижным голосом спросил:

— А как их оттуда достать?

Володя чуть не подпрыгнул: «Поверил!» И он с жаром начал объяснять:

— В селении деревянных идолов небесные люди выловили всех земных удочками...

— У меня нету удочки, — перебил людоед.

— Да ну ее! — отмахнулся Володя. — Надо, главное, трещи-

ну расширить — и все дело. Подземные люди совсем близко, их просто руками достать можно. Ну, давайте!

Наконец-то людоед наклонился. Он согнул свои ноги-обруб-ки и опустил к земле голову. И тут Володя схватил дубинку и изо всех сил шарахнул его по шее!

В миг, когда дубинка обрушилась на людоеда, мальчик успел испытать прилив мгновенного ужаса: он никогда никого не убивал, а ударить так, сзади... Однако когда людоед не упал мертвым, а на глазах обратился в груды обугленных камней, из которых, зловеще шипя, показалась черная змеинная голова, Володя подумал, что, наверное, сделал полезное дело...

Он отшвырнул дубинку и, вскарабкавшись по корням вверх, бросился прочь от логова людоеда.

Лодка Чернонда

Некоторое время Володя бежал как сумасшедший, пока не споткнулся о длинный голый корень и не растянулся во весь рост. Полежал, отпыхиваясь. И задумался: а куда он, собственно, бежит? Ведь он даже не представляет себе, в какой стороне осталось селение деревянных идолов, где искать Унгхыр. Она, наверное, уверена, что Володя погиб, и пошла одна в Куги-Рулкус. Он за эти несколько дней так привык к доброй, хотя и странной старухе, что почувствовал себя сейчас страшно одиноким. И совсем не у кого было спросить совета. Может быть, где-то неподалеку бродил Хозяин Зайцев, но как-то неловко было обращаться к нему за помощью. Пионер — к какому-то фантастическому существу, еще и божеству в придачу! А про то, чтобы позвать чог-грама, и вообще было страшно думать. И Володя пошел на запад, он ведь помнил, что селение Куги-Рулкус где-то в той стороне.

Идти по тайге всегда трудно. Высокий, частый подлесок, переплетение лиан, дикого винограда, причудливо торчащих корней... Дорогу преграждали то бурелом, то покрытые белым грибом кряжистые пни, похожие на огромных одеревеневших спрутов; их хотелось обойти как можно дальше. Некоторые деревья, мрачно сомкнувшиеся кронами, Володя узнавал: лиственница, кедр, ель, аралия... Он и раньше бывал в тайге — настоящей, причудливой дальневосточной тайге, еще с отцом, но здесь тайга была еще более дремучей, и рядом со знакомыми деревьями он с ужасом и восхищением видел совсем уж дикие растения: вот ствол, похожий на свившихся блестящих, темно-зеленых змей, ставших на хвосты; вот огромные папоротники, каждое перо которых шелестит по-своему и гнется в разные сто-

роны независимо от порывов ветра; вот дерево, ствол которого словно бы раскален изнутри. Крона его так высока, что невозможно разглядеть листья, а до ствола, гладкого и как будто струящего холодный огонь, боязно дотронуться. Видел Володя и дерево с длинными, словно у корейского кедра, пучками серебристо-голубоватых игл, и каждая чешуйка его коры была другого цвета. Ствол переливался, словно самоцветный, и трудно было понять, радостно или печально на душе от этого зрелища, отвернуться ли поскорее хочется или смотреть и смотреть, не отводя глаз... Тихо было, только вдали, словно жалея кого-то, плакал филин.

Володя давно уже перестал понимать и задумываться, то ли он в другое время попал, то ли кусочек этого другого времени вмешался в сегодняшнюю жизнь. Скорее все-таки первое. Но он уже постепенно привыкал к чудесам этого мира и начинал любить некоторых его обитателей: Унгхыр, Хозяина Зайцев, чог... Нет, чограмма он любить не хочет, несмотря на то, что тот дважды спас его. А про Чернонда или людоеда и говорить нечего. Но, во всяком случае, все эти люди и существа постепенно перестали быть ему чужими. И сейчас он почти одинаково хотел бы попасть и на таинственный склон, где потерпел аварию вертолет и где, может быть, его еще разыскивают, и в селение Куги-Рулкус.

Однако он не попал ни туда, ни сюда. Что-то остановило Володю... То ли звук, то ли предчувствие... На всякий случай он приник к земле, осмотрелся пристальнее. И увидел впереди, за деревьями, что-то светлое, искрящееся...

Это оказалось озеро. Или река? Хотелось верить, что это то самое лесное озеро, которое надо преодолеть, чтобы выйти на мыс Тагг-ах. А там, судя по всему, и до Куги-Рулкус рукой подать.

Володя пополз вперед, к самому краю обрыва, который нависал над берегом. Он и сам не объяснил бы, почему просто не идет во весь рост. Но, как оказалось, правильно делал, что полз, потому что едва он поднял голову из-за куста, как увидел смотрящего прямо на него... шамана!

Тот был не один. По песку брели Лунд и еще какие-то охотники. Они тащили к воде легкие, сделанные не то из шкур, не то из коры, лодки. В одной из таких лодок, на вид более прочной, уже покачивающейся у самого берега на воде, стоял Чернонд.

Володя зажмурился, будто надеялся, что так можно скрыться от взгляда шамана. И правда — открыв глаза, он увидел, что Чернонд неторопливо пошел по берегу куда-то в сторону, сближая своих спутников. Они тотчас бросали ношу и послушно бежали следом. Наконец берег опустел.

На нем валялись как попало лодки, а одна... у самого берега! И весло!

Нельзя было терять ни минуты. Володя прыгнул с обрыва. В тот миг, когда ноги его ткнулись в рыхлый песок, ему вдруг слышался еле различимый плач чограмма, но тут же далекий голос смолк, и Володя с трудом побежал по песку.

Лодка шамана оказалась на диво легкой. Она была узкая, прогонистая, длинная, напоминающая индейское каноэ или оморочку. Грести в такой лодке, Володя читал, надо было стоя, одним веслом, то с одного боку, то с другого. Сохранить равновесие, не опрокинуться оказалось невероятно трудно! Но гораздо хуже было то, что Володя увидел, когда на минутку разогнулся передохнуть: из тайги выходили Чернонд, Лунд и все остальные. Они именно выходили — не спешили, не бежали, не кричали угрожающе. Пересмеивались и презрительно глядели на остолбеневшего от их спокойствия Володю. Он ясно различал их лица, хотя лодку отнесло довольно далеко от берега: наверное, в этом озере были свои внутренние течения.

Лодка медленно колыхалась. «Удирать!» Володя схватился было снова за весло, но тут шаман приставил ладони рупором ко рту и прокричал:

— Куа, куа, куа! — а потом еще что-то невнятное, и лодка под Володей качнулась очень сильно, как будто ее задела большая рыба.

Володя испуганно схватился за борта, и тут произошло нечто совсем уж невероятное...

Он еще раньше заметил на боку лодки большую заплату причудливой формы. И вот теперь края этой заплаты засветились, а потом сквозь них начала просачиваться вода. И вот она отделилась от борта и поплыла по озеру. При этом она перестала быть заплаткой. Это была теперь рыба, плоская рыба с темно-серой спинкой и желто-розовым поросычьим брюхом. Посреди маленькой головки чернели два глазка. «Это же камбала!» — узнал Володя. Он потрясенно следил за ней, а в это время в дыру мощно лилась вода. Рыба косо уходила в глубину...

«Разве камбала может жить в пресной воде?» — подумал Володя, как будто именно это было главнее всего. А когда он посмотрел на берег, то увидел, что Чернонд и его люди хохочут, глядя, как погружается лодка. Они прямо помирали со смеху! «Так он меня заметил там, на берегу! — со стыдом и отчаянием подумал Володя. — Он все это нарочно подстроил!»

Конечно, Чернонд заранее знал, что произойдет, когда Володя возьмет его лодку: посреди озера заплатка-камбала уплывет, а «оборотень» пойдет ко дну. Так и случилось.

Берестяные кузовки Морской Старухи

Володя тонул... Ужасно было то мгновение, когда он погрузился с головой. Вода плотно сомкнулась над ним, а вверх потянулась цепочка больших пузырей. Володя задержал дыхание, сделал несколько судорожных движений — подняться, всплыть, но сил не хватило. «Вот теперь — все, — подумал он медленно. — И никто никогда не узнает. И мама...» В глазах стало темно, а в горле — горячо и сухо. Он знал, что нельзя открывать рот, но не смог сдержаться и вдохнул воду, как воздух...

...Когда Володя очнулся, он тотчас вспомнил все, что с ним случилось. И очень удивился, что вообще очнулся. Он лежал в воде, а голова — на плоском, приподнятом над водой, но все-таки мокрому камне. Об этот камень все время бились маленькие волны, их плеск приятным звоном отдавался в ушах.

— Ну, человек, островной зверечек, полегче тебе стало? — услышал он густой, добродушный бас позади и приподнялся.

Сначала показалось, что там Унгхыр, и он чуть не вскрикнул от радости. Но это была совсем другая женщина: тоже старая, но очень высокая, крепкая, с распущенными густыми, тяжелыми, седыми волосами, аккуратно переплетенными нитями водорослей, украшенных мелкими черными ракушками. Одета старуха была в диковинный наряд из серебристо-зеленоватых, в черных пятнышках, нерпичьих шкур. Она сидела на валуне, погрузив ноги в воду, и волны плескали ей на одежду, но ей это было как будто безразлично.

— Ой, ой, ой, чуть совсем не утонул ты! — покачала она головой и улыбнулась, сощурив длинные, узкие глаза.

— Кто же меня спас? — спросил Володя, садясь на камень.

— Брат твой просил об этом. Да и зачем мне мертвый человек? Он тихо лежит, не смеется, не разговаривает. Куда веселее с людьми играть, когда они приходят на берег, сети закидывают, кунжу ловят.

— Кунжа? А это что — рыба такая?

Старуха глянула на него лукаво:

— Разве не знаешь рыбу кунжу? Она может превратить мальчика во взрослого охотника, все равно как сердце лося, если съесть его. Много, много разных жителей морских помогает вам, людям. Касатка спасет, если тонуть человек в море будет. Но и человек никогда не тронет ее, а если буря выбросит касатку на берег, то ее торжественно похоронят. А там, где ловится рыба гой, ее голова на шесте в окружении священных стружек инау на берегу стоит. Когда добрые боги хотят весть людям передать, они гой посылают. Сама сколько раз посылала...

— А вы что ли тоже богиня? — без особого удивления спросил Володя: старуха не простая, сразу видно!

Она сидела, упершись в колени ладонями, подняв плечи, и усмехалась.

— Морской Старухой меня зовут, — проговорила она. — Хозяин Моря, покровитель всего живого, — мой прадед.

— Значит, вы и под водой можете дышать, и на воздухе, как человек-амфибия?

— Этого почтенного человека я не знаю, — вежливо ответила Морская Старуха, — но мне дышать везде легко. Люблю я и на берегу сидеть, ночью смотреть на звезды — они как мальки, что в черном небесном океане плавают. И слушать люблю, как довольные волны о берег плещут, а у ног моих рыба выходит из тинистых глубин...

— Это море? — спросил Володя, указывая на водную гладь.

— Это мое озеро, — пояснила Морская Старуха. — В море волна играет — мой амбар раскачивает, чумашки опрокидывает, икру в песок рассыпает...

Володя недоумевающе посмотрел на нее.

— Говорил твой брат, когда спасти тебя молил, что ты не них, — вдруг сказала Морская Старуха. — А я не верила. Теперь вижу — правду он сказал. Но откуда же ты? Из каких людей? Не горный ты человек, не лесной. Небесный?

Володе уже порядком надоело отвечать на этот вопрос, и он спросил в свою очередь:

— Почему вы так думаете?

— Потому что вижу, ты не знаешь про амбар Морской Старухи, про то, что в ее берестяных чумашках хранится, не знаешь.

— Не знаю. А что там хранится?

Вместо ответа Морская Старуха поднялась и пошла по отмели в глубину. Володя смотрел ей вслед. Погрузившись почти до плеч, она обернулась, недоумевая, почему он не идет за ней, и приглашающе махнула было рукой, но в этот момент послышался вдали еле различимый жалобный стон, и Старуха, охнув, схватилась за свою седую голову.

— Ой, ой, ой, все рыбки-мысли уплыли из сетей моей головы! — воскликнула она. — Спасибо, твой брат напомнил, что не водный ты человек.

Она вернулась, села на свой камень и, размотав пояс, — это была веревка, сплетенная, по виду, из морской травы, — принялась быстро-быстро, как фокусник, крутить концом этой веревки в зеленоватой воде. Та сначала замутилась, забурилась, а потом необычайно прояснилась, и Володя увидел далеко-далеко, в глубине, какое-то просторное строение вроде большого сарая — наверное, это и был амбар Морской Старухи, — а вдоль стен

стояло то, что она называла «чумашками», — большущие бере-
стяные сундуки или коробка без крышек, наполненные до краев
то ли зерном, то ли мельчайшими камушками. А приглядевшись,
Володя понял, что это — икринки! Рыжие мелкие, блекло-
зеленоватые, черные, тускло поблескивающие, как порох; а вот
и знакомая лососевая икра — красно-янтарная, крупная...

— Видишь, какое богатство у меня хранится! Сколько икри-
нок брошу в море, столько и рыбы уродится.

— Вот это да! — только и вымолвил Володя.

Морская Старуха между тем опустила в воду два плоских
камушка и стукнула ими друг о друга. Тотчас в подводный амбар
вплыли две длинненькие, узенькие, розовато-золотистые рыбки
необычайной красоты, с черными хвостами и плавниками. Они
хлопотливо зашныряли вокруг большого короба с самой крупной
икрой, потом отплыли рядышком, плавник к плавнику, а на их
округлых спинках стояла небольшая чумашка с икрой.

«Осетры тут приплывают и без крика поднимают крепко
ввязнувший в песок с перстнем красный сундучок», — неизвестно
почему вспомнил Володя строки из «Конька-горбунка», хотя это
были вовсе не осетры, а какие-то неведомые рыбки.

Морская Старуха между тем погрузила руку в воду и приня-
ла у рыбок их ношу. Выпрямившись, подала чумашку Володе:

— Возьми, пригодится. Когда найдешь тех, кого ищешь,
брось эту икру в воду на месте удара большой волны — увидишь,
что будет. Сейчас иди все прямо, все прямо — и ничего не бой-
ся, что бы с тобою ни случилось. Твой брат тебя охраняет.

— Спасибо! — поклонился Володя — точь-в-точь как Унгхыр
кланялась Хозяину Зайцев. — И вам спасибо, и моему... брату...

Морская Старуха довольно улыбнулась:

— Со счастьем иди!

Итаврид

Володя почти бежал по тайге. Не обращал он теперь вни-
мания ни на темные тени, ни на таинственные шорохи. Но вовсе
не потому, что после слов Морской Старухи: «Твой брат тебя
охраняет!» — перестал бояться. Он хотел скорее оказаться с
людьми, под их защитой, подальше от страшного чограмма. «И
вовсе не с чего, — думал он сердито, — пылать ему ко мне та-
кой уж благодарностью. Что я особенного сделал? Ну, вытащил
стрелу. Да знал бы вообще, какое он чудовище, — бежал бы от
него... Но почему к чограмму так по-доброму относятся и Хозяин
Зайцев, и Морская Старуха? Или все эти божества и чудища
друг за дружку стоят, или... А может, чограм обо мне заботится
потому, что я ему, чуть ли не единственный из людей, помог?

Может, он привык, что люди его гоняют, и все? Может, это люди первые его обижать начали, а не он их?»

Эта неожиданная мысль заставила его остановиться. В жизни вообще все запутано, а в жизни здешних обитателей — еще того больше.

Володя стоял, рассеянно пиная покрытый голубовато-зеленым мхом ствол мощной осины, когда услышал за своей спиной легкое дыхание. Володя обернулся. Перед ним стояла... девочка. Да, обыкновенная девчонка, Володя видел таких в селении Чернонда. Две косы, длинные и узкие глаза, круглое лицо с маленьким ртом. Она была вообще-то довольно хорошенькая... Высокая такая девчонка, ростом, наверное, с Володю, одетая в халат из тускло мерцающей материи. Смотрит внимательно, заботливо. Волосы у нее были черные, блестящие, как лакированные, в косы заплетены гладенько-гладенько! Ресницы пушистые, длинные. А платье ее как-то чудно шелестит, будто само с собою шепчется. Да оно никак из рыбьих перламутровых кож сделано! И по подолу малюсенькими ракушками украшено. Красиво!

— Это ты — Во-ло-дя? — забавно, как Унгхыр, растягивая его имя, спросила девочка. И тут же он догадался, кто перед ним.

— Да. А ты — Итаврид, Ита — Загадка?

Она кивнула, не сводя с него глаз.

— Значит, бабушка Унгхыр тебя нашла?

— Нашла. А еще раньше к нам в селение пришел чингай, и его инау сообщили, что шаман желает нам зла. Мы с отцом сразу на нарты еду, оружие погрузили — и ушли из селения на побережье. Зачем из-за нас другие должны бояться? Пусть Чернонд нас теперь поищет. А потом пришла Унгхыр и сказала, что тебя унес унырк, но она верит, что ты спасешься, потому что у тебя есть брат среди лесных людей.

Володя слегка кивнул. Говорить о чогграме не хотелось: еще испугается Ита, убежит, куда он тогда денется? Но она взяла его за руку:

— Пойдем к отцу.

И они пошли.

Подарок Морской Старухи

Уж как обрадовалась Володе Унгхыр! Она обнимала его и быстро, мелко чмокала в макушку, что-то ласково шепча, поглаживая его взерошенные волосы. И Володя обрадовался. Он прижимался к Унгхыр, как будто это была его родная бабушка Нымгук, которой он никогда не видел, или бабушка Наталья, к которой, в Прибрежное, он так и не долетел...

— Верила, знала, что еще увижу тебя, — счастливо улыбаясь, говорила Унгхыр, — но все равно боялась — а вдруг погубит тебя проклятый унырк. Как спастись тебе удалось?

Володя рассказал. Как шел по тайге, как чуть не утонул вместе с лодкой Чернонда. И о встрече с Морской Старухой рассказал. Подал Унгхыр чумашку, которую все это время бережно нес за пазухой.

Унгхыр, увидев ее, поглядела на Володю с такой горячей благодарностью, что ему стало неловко.

— О, если бы ты знал! — пробормотала старуха. И радостно закричала: — Ита! Марг!

Из-за деревьев выбежала, отбрасывая за спину косы, Ита, которая старалась не мешать встрече Унгхыр и Володи. Следом шел высокий человек. Его седоватые волосы были аккуратно собранные в косу, лоб охватывал неширокий, но странно неровный, словно обгрызенный каким-то зверем, ремешок.

— Гости приехали! А я ничего не знал! — обратился он к Володе приветливо.

Володя смущенно поздоровался, с любопытством поглядывая на ремень. Потом, повернувшись к Унгхыр, охотник почтительно спросил, зачем она позвала их. Вместо ответа Унгхыр показала на икру.

— Это Морской Старухи дар, смотрите! — вскрикнула она, чуть не плача от радости.

Марг и его дочь переглянулись. Ита прижала ладони к груди и низко-низко поклонилась Володе, а Марг крепко, как взрослому, пожал ему руку.

— Беда у нас была в Куги-Рулкус, — признался он горестно. — Чернонд прислал своего чингай бросить в море, рядом с селением, дохлую касатку. Большой грех перед морскими людьми! Вся рыба, обидевшись на нас, ушла от селения. Летом охота плохая, да и живут наши больше рыбой. Трудно стало. Голодать начали скоро. Но теперь...

Он чуть ли не бегом направился к берегу. Там врезался в море утес, и волны, ударяясь о него, рассыпались тысячью пенных брызг. «Место удара большой волны», — вспомнилось Володе.

Марг взобрался на камни и бросил в воду всю икру прямо с чумашкой. Несколько минут он пристально смотрел вниз, а потом, обернувшись, замахал руками. Унгхыр, Ита и Володя наперегонки побежали к нему. Скользя на мокрых, блестящих камнях, Володя допрыгал до Марга и тоже вгляделся в зеленые крутые волны.

Вода была чиста и прозрачна настолько, что Володя видел узоры камушков на дне. И над их серыми пятнышками он раз-

глядел какие-то прозрачные тени. Сначала подумал — рябь от солнца, но непонятных силуэтов становилось больше и больше. Это были мальки! Да какие там мальки — они на глазах превращались в крупных, жирных рыб. Их становилось так много, что не видно уже было цвета воды.

Марг свесился с камня и прямо руками выхватил одну рыбу — живую, трепещущую — из воды. Она походила на кету, огромную кету.

Ита, хохоча, прыгнула на берег и побежала собирать плавник для костра. Володя кинулся ей помогать. Он был так же счастлив, как и остальные. К тому же проголодался здорово, и не раз, пока бродил по тайге, появлялась мысль подкрепиться этой икрой. И сейчас радовался, что не сделал этого. Он, как Ита, собирал сухие ветки и выкрикивал: «Спасибо, спасибо, Морская Старуха!» Рыба билась, играла в волнах, и несколько себристих косяков уже уходило в сторону Куги-Рулкус.

Зубы чограмов

В этот вечер долго сидели у костра. Володя снова и снова рассказывал о своих приключениях. Узнал он и о жизни Марга и Иты. Мать девочки давно умерла. Когда Чернонд в первый раз посватался к Ите, Марг прогнал его, пригрозил, но понял, что шаман не оставит их в покое. Так и случилось, и весть, принесенная чингай, не застала отца и дочь врасплох.

— Шаман — плохой человек, — задумчиво глядя в огонь, сказал Марг. — Все люди для него — дрова, из которых он жжет свой костер. Но кому станет тепло от такого костра?..

Скоро Унгхыр с девочкой ушли спать в шалаш. А у Володи сна не было ни в одном глазу. Он смотрел в огонь — и видел то маму, которая махала вслед ему и деду, шедшим к вертолету, то деда: с какой тревогой взглянул тот на внука, когда вертолет отвесно падал! Мелькали черные крылья тахть, светились красноватыми угольками их печальные глаза. Прыгал как ошалелый Чернонд, унырк обращался в груды камней, зеленоватые волны плескали на одеяние Морской Старухи, смеялись длинные глаза Иты... Но все это то и дело заслонялось желтыми глазами чограма.

Володя вздрогнул, отвел глаза от костра. Марг набросил на его плечи мягкую, хорошо выделанную тюленью шкуру, поправил на лбу свою странную, словно обгрызенную, повязку, и, перехватив любопытный взгляд Володи, объяснил:

— Это следы зубов чограмов. Мой амулет. Хранит он меня на охоте, от всех бед остерегает.

Володя тотчас вспомнил рассказ о храбром охотнике, который видел чограмов — и остался жив. Да, его звали именно Марг!

Марг усмехнулся:

— Вот этим ремешком давным-давно дразнил я чограмов. Но ни один из них не стал моим братом...

Струхнул Володя. Эти люди ненавидят чограмов. Что если они возненавидят и «брата» этого чудовища?

Марг задумчиво смотрел на него:

— Много чудес, знаю, бывает в жизни. Мало, ой как мало понятно человеку! Не надо спешить осуждать кого-то, если не знаешь всего, что и как было. Унгхыр тебя любит, ты наш гость — живи и ничего не бойся. Но помни: опасны зубы чограмов! Вот послушай, что рассказывают старые люди...

Давно это было. На берегу таежной протоки нихи расположились. Рыбаки, охотники. Промышляли рыбу, ловили силками, из волос сплетенными, длинноклювых кроншнепов. Вечер близко подходил. Ко времени падения солнца вытащили они свои лодки на берег, шалаш сложили. Глазастый огонь разожгли. Еду сготовили. Проголодались все, но ели не спеша. Старшие молодых учили: «Немного съев, отдохните. Затем еще немного съешьте. Разом много нельзя».

И вдруг вдали щенячий плач послышался. Но откуда в таежной глуши собаке взяться? И не одной собаке, а многим?.. «Айть! — крикнул старый охотник. — Чограмы!»

Да, это стая чограмов надвигалась...

Страх людей с земли поднял, как резкий осенний ветер опавшие листья вздымает. К лодкам все бросились. Из всех сил на весла налегли и вмиг на середине протоки очутились. Понеслись по течению, подальше от этого страшного места...

Много дней спустя решились все-таки на свой стан приехать, оружие собрать. Вернувшись, увидели: ничего не осталось от их вещей. Все, что человеком пахло, звери уничтожили, даже ремни от ружей, даже ветки, из которых шалаш был сложен. Одежда пропала. А железный топор на солнце блестел, словно прозрачный камень. И ни кусочка от топорика не осталось. Это поработали зубы чограмов.

Укрощение бури

Давно Володя не спал так спокойно, как в эту ночь. Крепко-крепко! И не тревожили его сон ни чограм, ни унырк, ни шаман. Володе снилось, что он вместе с Маргом, Унгхыр, Итой ле-

тит на вертолете в Прибрежное и с высоты различает внизу фигуры бабушки, деда и мамы. Но что это? Зеленое поле небольшого аэродрома вдруг покрылось студеными сугробами. И холодно, холодно стало! Володя обхватил плечи руками, пытаясь согреться, и... проснулся. Но теплее не стало. Снаружи что-то свистело, грохотало. Володя выбрался из шалаша.

Низкий ледяной ветер рвал ветви со стенок, разметал по земле кострище, кружил в воздухе пепел. Унгхыр и Ита, скорчившись, прижимались друг к другу. Марг старался укрепить стены шалаша камнями, но было поздно: сильным порывом шаткое строение повалило, а потом поволокло по берегу.

— В тайгу! — крикнул Марг. Голос его был почти не слышен, но он показывал на деревья, и все его поняли.

Однако до леса еще надо было добраться! Такого урагана Володя в жизни не видывал. Вихрь пригибал людей к земле, как хилые деревца. Володя попытался ползти. Так оказалось легче сопротивляться ветру, но берег-то был весь усыпан крупной, острой галькой... По ней много не проползешь. Кое-как, ободрав руки и разорвав одежду, они преодолели несколько метров и укрылись за огромным валуном.

А ветер усиливался. Мелкие камушки, как пули, со свистом резали воздух. Володе казалось, что и их защитник валун уже начинал недовольно поскрипывать, раскачиваемый шквалом.

— Это поет Северная Женщина! — в самое ухо Володе прокричала Ита.

— Кто? — не понял он.

— Северная Женщина! От ее дыхания образуется ветер. Чем громче она поет, тем ветер сильнее.

«Нет, — хотел сказать Володя, — это циклон, шторм», — но он тут же понял, что ошибается: ураган шел не с моря. Волны, подхваченные им, кипели вдали от берега, и пахло не крепкой солью, а дымом. Да, со стороны тайги сильно тянуло дымом!

— Пожар! — испуганно крикнул Володя, дергая Иту за рукав. — Тайга горит!

Девочка потянулась к отцу. Но он уже привстал на коленях и сильно втягивал ноздрями воздух.

Унгхыр напряженно смотрела на Марга.

— Чага? — спросила она, и тот кивнул. Лицо его было встревоженным и злым.

Что такое чага, Володя, конечно, знал. Это такой гриб-паразит, нарост на березе. В тайге много чаги. Кажется, она целебна, но от чего ею лечат, Володя припомнить не успел, потому что Марг, сжав кулаки, выкрикнул: «Проклятый Чернонд!»

При чем тут шаман, Володя не понимал, но старая Унгхыр, заметив его удивление, пояснила:

— Шаман знает, что мы все здесь. Он задумал погубить нас. Это вовсе не Северная Женщина поет, а Чернонд бурю насылает. Тлеющую чагу раздувая, злые заклинания говорит...

«Ну и пусть себе старается, — подумал Володя. — Подует-подует ветер да и перестанет. Чего они так испугались?»

Ветер крепчал. Уже летели со стороны тайги сломанные, как спички, ветви, мелкая галька. И, что еще хуже, мимо со свистом проносились крупные камни. «Неужели тоже ветер?» — удивился Володя, но тут же понял, что их забрасывают камнями Чернонд и его слуги. Из-за валуна носа нельзя было высунуть. А хотелось есть. И пить. И Володя понял тревогу взрослых: а если ураган продлится несколько дней или недель? У них нет ни воды, ни пищи. Есть, правда, нож Марга и лук со стрелами, но зачем все это? В какую дичь стрелять, если все живое затаилось?

Но Марг, неловко притулившись боком к валуну, чтобы больше спасительного пространства оставалось для других, вдруг потянул к себе колчан. Он выбрал стрелу и, пошарив в мешочке, висевшем на поясе, вынул наконечник — необычной формы, похожий на двузубую вилку. Насадив наконечник на стрелу, Марг самым кончиком ножа осторожно застругал ее с обоих концов. Положив все это на землю и придавив камнем, чтобы не унес ветер, он вынул кремь, огниво, трут и жестом приказал всем наклониться — загородить огонь от ветра. Володя никак не мог привыкнуть к такому способу добывать огонь и, сколько ни пробовал вчера, так и не смог запалить трут. Сыпались бестолково искры — крупные, точно звезды, — и все. А Марг поджег трут с первого удара. Откромсав ножом его тлеющий кусочек, прикрепил его между стружками наконечником стрелы. Володя с любопытством наблюдал за всем, то и дело протирая глаза, запорошенные песчаной пылью, — воздух был густым и серым.

Марг крепче уперся коленями в землю, натянул тетиву и, быстро подняв лук над валуном, пустил стрелу к лесу. Он тотчас же опрокинулся навзничь, сбитый порывом урагана, но никакого вреда себе не причинил. А Володя... А Володя, как и всякий мальчишка, при котором стреляют, должен был непременно увидеть, попал или не попал Марг, а главное, куда он выпалил. Забыв об осторожности, Володя вскочил во весь рост, но ничего не успел разглядеть, потому что получил удар по голове и тяжело рухнул навзничь. Его задело одним из брошенных врагами камней. Володя потерял сознание и уже не знал, что ветер медленно, точно нехотя, начал слабеть: помогло старинное, заповедное средство «убить бурю», а потом ветер и вовсе прекратился. Из тайги неслись проклятия шамана, который не думал, что Марг знал способ укрощения бури стрелой. А Унгхыр в ответ на его злые возгласы прокричала гневно:

— Клянусь, злодей Чернонд, никогда не узнать тебе, где растет голубая лилия! Со мною умрет эта тайна!

Тайны тайги

Володя не приходил в сознание несколько дней. Марг тем временем очистил от камней небольшую пещерку у подножия утеса, и беглецы спрятались там теперь. Берег был у них как на ладони, и шаман никак не мог подобраться тайком. Унгхыр и Ита не отходили от больного, но чем они могли помочь?

Унгхыр все время тихо, горько плакала и твердила:

— Ему нужна луковица голубой лилии.

Но тайное, заветное место, где росла голубая лилия, было отсюда во многих днях пути, а в тайге рыскали проклятый шаман и его слуги, поэтому Марг не отпустил старуху, хотя она любила «звездного человека», как родного сына, и для его спасения была готова на все.

А Володя неподвижно лежал в углу пещеры. Иногда к нему доносились звуки окружающего мира: голоса людей, скрежет гальки, плеск волн или крики чаек, но от всего этого начинала нестерпимо болеть голова, и он рад был снова заблудиться в сером тумане беспамятства. Впрочем, иногда этот туман словно бы рассеивался, Володе виделись странные картины... Они казались куда более реальными и осязаемыми, чем сны, и Володя часто вспоминал их потом, долгое время спустя, и не знал, бред то был или явь...

Однажды Володя очнулся. Или это только почудилось ему?

Голова не болела. Он был один — ни Иты, ни Унгхыр рядом. Нет, кто-то еще находился в пещерке... Незнакомое существо неслышно подошло и легло рядом, как любят лежать собаки: подогнув задние лапы, вытянув передние и устроив на них голову, глядя снизу вверх, отчего его круглые желтые глаза казались по-человечески печальными.

Наконец-то Володя узнал его. И еле смог скрыть страх. Лежал молча, глядя в сторону. И чограм молчал.

Много времени прошло. В пещерку вошла Ита. Володя встретился, но она почему-то не заметила ни его открытых глаз, ни лежащего рядом чограма... Наклонилась — ее длинные косы упали Володе на грудь, — пристально поглядела в его лицо и, грустно покачивая головой, вышла. У входа в пещерку потрескивал костер, пахло ухой.

Наконец Володе надоело молчать.

— Знаешь что... — начал он и замялся, не зная, как обратиться к этому зверю.

— Говори, брат! — отозвался чогграм. Володя впервые слышал его голос таким — то медленным, хриплым, то торопливым и высоким, как визг.

— Скажи... — Володя решил не называть его никак. — Почему ты так ненавидишь людей? Почему ты их убиваешь?

— Давным-давно, — начал чогграм, — еще когда лапки у лебедей были черные, нас, чогграмов, было много в тайге. Все тогда жили вместе, как братья: тигр и медведь, заяц и волк, человек и чогграм. И так же много тогда росло в тайге голубой лилии, как теперь растет сараны. Все лесные люди питались луковцами голубой лилии, и не было в тайге голодных.

Но вот однажды настало жаркое-прежаркое лето. Казалось, солнце упало на землю и безжалостно выжигает на ней все живое. Пересохли реки, ручьи и озера. И только морские волны спокойно ударяли о берег, но кто, кроме морских рыб, может пить эту воду?

Лесные люди бродили по тайге, точно тени, падая и умирая от жажды. Только луковцы голубой лилии спасали от смерти. Но и этот цветок увядал под палящими лучами. Все меньше голубых лилий оставалось в тайге, все труднее было найти их.

А человек... — Чогграм помолчал, подавляя негромкое яростное рычание. — А человек знал, где есть огромная поляна голубой лилии. Но он берег ее лишь для себя, для своих детенышей, хотя на его глазах обезумевала тигрица над мертвым тигренком, выла волчица над мертвым волчонком, жалобно стонала зайчиха над мертвым зайчонком. И, чтобы не подпустить зверей к заветной поляне, человек сделал себе лук и стрелы, нож и копье. И начал человек убивать тех, кого еще вчера называл братьями своими. И зло проникло в души зверей. Завидев где-нибудь голубую лилию, они наперегонки бросались к ней, и сильный убивал слабого, чтобы не погибнуть самому.

Наконец миновало жаркое, страшное лето. Упали на землю дожди и снега, вновь потекла по жилам тайги — рекам и ручьям — животворная вода. Но с тех пор врагами стали человек и звери. Человек ушел из сердца тайги на окраины ее. Боится он теперь своих обиженных братьев. И хотя тянет его в тайгу голубой свет прекрасной лилии, но... Если зайцы, белки и лисы забыли обиду, то не забыли ее чограмы. Они стерегли голубую лилию, чтобы не досталась она злому и коварному человеку. И не было стража вернее.

— Неужели где-то все-таки растет она, голубая лилия? — недоверчиво спросил Володя. — Или это сказка давних времен?

— Есть в тайге заветная поляна. Знает о ней Унгхыр. А я, последний чогграм, знаю и другое место, где растет голубая лилия.

— Последний? — вскричал Володя. — Но где же остальные?

— Всех истребил охотник Марг. Не виню его — он защищал свою жизнь. Виню только жадность чогграмов... Но с тех пор остался я один — последний страж голубой лилии.

— Но ведь все, о чем ты рассказывал, ну, про засуху... было очень давно. Неужели можно до сих пор ненавидеть человека? Неужели он такой же злой, как раньше?

— Ты первый из людей, кто сделал добро чогграму, — сказал зверь, пристально глядя в глаза Володе. — Идем. Я покажу тебе, что такое человек.

«Вот что такое человек!»

Володя озадаченно сдвинул брови: как же они пройдут мимо Марга, Иты и Унгхыр, сидящих у костра? Но, вспомнив, что девочка уже один раз не заметила чограмма, он успокоился. Очевидно, здесь тоже кроется какое-то чудо.

Они спокойно миновали костер и вошли в тайгу. Володя двигался так же легко, стремительно и бесшумно, как чограм, и не сомневался, что встретиться им на пути сам шаман Чернонд, он тоже их не заметит, а если и заметит, то не посмеет остановить.

Они шли недолго, но ушли далеко. Перестало пахнуть влагой и солью — запахло сырой древесиной, будто где-то в двух шагах только что срубили дерево.

Они очутились на странной поляне... Казалось, не деревья стоят здесь, а закаменевшие уродливые тени. С некоторых из них была от корня и до высоты человеческого роста содрана кора. Или общипаны молодые побеги. Или валялись на земле отрубленные вершины, стояли пни, а стволов не было. Клонилась к земле подрубленная черемуха. На ней кое-где сиротливо чернело несколько засохших ягодок, а остальные были оборваны — с ветками, листьями. А вот могучая береза, из ее израненного ствола лилась тоненькая струйка сока...

— Вот что такое человек! — обернувшись к Володе, произнес чограм, и тот догадался: это деревья, изуродованные человеком! С них ободрана кора, они изрезаны ради сока, а черемуху срубили, чтобы удобнее было рвать ягоду...

Чограм прошел вперед и снова остановился. У ног их расстилалось небольшое озеро с водой, замусоренной стружками, травой, раскисшими остатками пищи... Но несмотря на то, что вода была на редкость грязной, Володя ясно видел плавающих в ней удивительных рыб. Они вяло поднимались и опускались, не шевеля плавниками и хвостами. У одних были вспороты брюшки, и несколько красных икринок колыхалось рядом. У других брю-

шки вообще срезаны. У некоторых рыб не было голов. А у других вырезаны носовые хрящи или глаза...

— И это — тоже человек, — раздался голос чограмма.

Володя понял: кому-то из людей понадобилась икра. Он вспорол рыбину и, вынув икру, остальное выбросил. А кто-то любил лакомиться брюшком, носовыми хрящами, глазами рыб... Остальное было не нужно. И эта роща, и озеро — вот что может сделать человек с природой...

Тихо-тихо было над озером в роще. И вот вдали, меж двух обугленных берез, показался олень. Панты у него были выломаны. На голове зияла рана. И, не дожидаясь, пока чограм снова произнесет: «И это — тоже человек!» — Володя зажмурился и кинулся прочь, не разбирая дороги. Сердце сжималось от непонятного горя. Стыд жег его, будто на груди был спрятан тлеющий уголь. Стыд за то, что он... тоже человеческой породы!

И тогда Володя вспомнил Унгхыр. Как она вырывает из земли клубни саранок и, отделив один-два зубчика, сажает обратно. Чтобы не оскудела тайга даже в такой малости...

Он обернулся. Чограм смотрел ему вслед.

— Не все такие! — крикнул Володя. — Люди разные! Нелзя всех ненавидеть из-за некоторых! Или... убивай тогда меня тоже! Потому что я тоже человек!

Великий врачеватель Лунд

— Тише, тише! — услышал Володя ласковый голос. — Что с тобой? Почему ты кричишь?

Он рванулся и открыл глаза. Он в пещерке, на своей постели! Костер по-прежнему горит у входа, бросая яркие отсветы на стены и на лицо склонившейся Иты.

— Это ты? — радостно прошептал Володя. — А где он?

— Кто? — удивилась девочка.

— Мой брат, — невнятно проговорил Володя, но Итаврид его не поняла и спросила:

— Хочешь есть? — Но тут же она насторожилась: — Т-сс! Тише!

Володя услышал еле различимый скрип гальки под чьими-то очень осторожными шагами.

Ита скользнула к выходу и крикнула очень громко и презрительно:

— Выходи, Лунд! Не прячься! Я вижу тебя!

От ее голоса проснулись Марг и Унгхыр. Старуха метнулась к Володе, словно хотела защитить его от какой-то опасности. Ее глаза зажглись радостью, потому что он был в сознании, но

тут же она посмотрела на его изголовье — и побледнела от изумления. Расширенные глаза ее метались от лица Володи к чему-то лежащему возле его головы, потом она схватила это нечто так быстро, что он не успел ничего рассмотреть, и спрятала в складках одежды.

Тем временем охотник, который, сжимая нож, выбежал из пещеры, вернулся, волоча за собой... и правда Лунда, сына Чернонда.

— Что тебе здесь нужно, крысенок? — пренебрежительно спросил Марг. — И сколько вас еще прячется в темноте?

Маленькие глазки Лунда блеснули при слове «крысенок», но ответил он смиренно:

— Я один... Я... ушел от шамана...

— Почему?

— Он злой, жестокий, несправедливый. Я не хочу быть с ним.

Унгхыр пристально посмотрела на него и покачала головой, а Марг недоверчиво рассмеялся:

— Спой эту песню кому-нибудь другому, Лунд. Ты такой же, как твой отец. Малек похож на рыбу, хоть он маленький, а та большая.

И снова странно блеснули глаза Лунда, и он произнес напряженным голосом:

— Да, я сказал неправду. Я пришел потому, что хочу быть с сильнейшим. Я хочу служить звездному человеку.

— Но ты же сам пел, что нет среди звезд такого, — возразил Володя.

— Я... я был зол на тебя тогда. Я так нарочно говорил...

— Конечно, ты не мог меня там видеть. Я ведь не со звезд.

— Мне нет до этого дела, — буркнул Лунд. — Но зато тебе помогает сам чогграм. Твой друг сумел укротить бурю, вызванную моим отцом. Ты победишь шамана, потому что эта старуха знает, где растет голубая лилия. Ты сильный. Я хочу быть там, где ты.

Марг сказал:

— Ну, теперь немного сил у него, как видишь. Он тяжело болен.

Лунд радостно встрепенулся, словно только и ждал этих слов:

— Я могу вылечить его! Мне ведомы великие тайны врачевания. И он снова будет здоров и силен, как прежде.

Марг растерялся. Видимо, ничего доброго он не ожидал от сына шамана. Но Ита радостно вскрикнула и подбежала к Лунду.

— Теперь ты говоришь правду? — трясла она его руки. — Если ты вылечишь его, я подарю тебе морской камушек. Он ле-

жит в большой перламутровой раковине. Он светится мягким белым светом. Красивее его только звезды в небе...

— Одной затяжкой перевернешь женский характер! — проворчал Марг, досадуя, что Ита стала так приветлива с бывшим врагом.

Глаза Лунда снова сверкнули, на этот раз жадно, и он быстро вынул из-за пазухи какую-то белую кость, пристроил ее на каменный выступ над головой Володи:

— Это челюсть зайца. Талисман. — И неожиданно властно распорядился: — Веток багульника в костер подбросьте. Дым его выгоняет боль из головы.

Видимо, он дал правильный совет, потому что Марг послушно вышел, а когда он вернулся, от костра потянуло душиноватым, но приятным дымком.

А Лунд, не теряя времени, выхватил из-за пояса палку, на одном конце которой виднелся искусно выточенный из дерева медведь, на другом — змея, и начал вертеть ее, прыгая по пещере. Володя всякий раз отворачивался, когда изображение змеи приближалось к его лицу. Лунд выкрикивал:

— Куа, куа, куа! Кегн мой, гагара, ловкая и быстролетная, — ко мне явись! Кегн мой, змея, та, что может пробраться везде и неумичимо поразить врага, — ко мне явись!

Ита и Марг слушали как завороженные!

— Кегн мой, камбала, та, что от любой опасности, в песок зарывшись, скроется, — ко мне явись! Кегн мой, медведь, тот, что сильнее всех, — ко мне явись!

Володя насторожился, едва услышав про камбалу. С некоторых пор он питал величайшее недоверие к этой рыбе. А Унгхыр напряженно смотрела на бледное лицо Лунда, на его руки, будто что-то вспоминала. И вдруг негромко сказала:

— Ты произносишь древние заклятия, Лунд! Откуда ты их знаешь?

Лунд замялся. А старуха, не давая ему опомниться, уже подошла к нему близко-близко, протягивая на ладони какие-то голубоватые луковки, напоминавшие коренья сараны, и сказала:

— Подкрепись, Лунд. Древние обряды много сил отнимают.

Лунд нерешительно сунул в рот одну дольку, и тут же на лице его появилось выражение блаженства. Он с полузакрытыми глазами потянулся к Унгхыр, но она уже спрятала руку за спину:

— Погоди, великий врачеватель... Не все тайны ведомы тебе, вижу я. Не знаешь ты, что, луковку голубой лилии съев, замыслов враждебных не утаишь. Почернеет лицо того, кто солжет. Зачем ты сюда пришел, говори! — повелительно крикнула она.

— Ле...лечить, — прохрипел Лунд, и лицо его сначала по-

багровело, а потом налилось чернотой, как гнилой помидор. Он захрипел и повалился наземь, а Унгхыр, наклонившись, проворно выхватила у него из-за пазухи длинный, острый нож...

Выздоровление

— Что это?

— Голубая лилия?!

— Чудо!

Володя, Ита и Марг выкрикнули это хором. А старуха указала на Лунда:

— Он говорил заклинания, насылающие самые ужасные болезни. Но ведь я так же стара, как его отец, и оба мы помним старого шамана из нашего селения. А на всякий случай он и оружие приготовил... Но не удался злой умысел Чернонда.

— Но голубая лилия?! — воскликнула Ита.

— Ее луковицы я нашла вот здесь, — показала Унгхыр на изголовье Володи.

— Как они попали сюда? — не поверил Марг.

Володя дернул плечом:

— А я откуда знаю?

Но Унгхыр с ласковой укоризной проговорила:

— Хорошо, что ты еще не отведал луковку голубой лилии. А то и твое лицо стало бы черного цвета, как у Лунда.

Все расхохотались. И Володя тоже. Он-то сразу догадался, что это сделал чограм...

Вкус луковок был ни с чем не сравним. Но не во вкусе дело — главное, что, едва отведав их, Володя почувствовал себя совсем здоровым. Будто сказочной живой воды испил. И впрямь чудодейственным цветком была эта голубая лилия!

Все были так счастливы, что и про Лунда забыли. Ита срезала верхнюю пуговицу со своего платья и подала Володе.

Тот неловко поблагодарил, с любопытством рассматривая странный подарок и вспоминая, что эту пуговицу хотел иметь Чернонд. Пуговица была не деревянная, как остальные на платье Иты, а кожаная, украшенная затейливым, тщательно вырезанным орнаментом... Володя пошел к костру, чтобы при его свете получше рассмотреть узоры, а заодно скрыть смущенное лицо. В этом подарке был какой-то высокий смысл. Тепло стало у него на душе, и почувствовал Володя, что сердцем он навсегда привязался, как к самым родным и близким людям, верным друзьям, и к храброму охотнику, и к старой доброй Унгхыр, к Ите... Их дружбу скрепили опасности, а это бесследно не проходит.

— Лунд убежал! — прервал его мысли голос девочки.

«Остров ворочается!»

Тут раздался плеск воды. Костер, оглушительно зашипев, погас, наполнив пещеру дымом. Люди, задыхаясь, бросились вон — и очутились лицом к лицу с Чернондом... Позади стояли его сообщники, а с ними и Лунд, все еще серо-черный, но злорадно ухмыляющийся.

— Ты говорил правильно, охотник Марг, — насмешливо начал Чернонд. — Малек не слишком-то отличается от большой рыбы. Сын помог незаметно подойти к вашему убежищу. И теперь вам настал конец! Ита станет моей женой, а всех других мы убьем...

Он помолчал, проверяя, какое впечатление произвели его слова, а Лунд в этот момент сделал стремительное, змеиное движение — и рванул из Володиной руки подаренную девочкой пуговицу. Увидев ее, Чернонд перекопился от злобы, но заговорил о другом:

— Но вы не умрете, если Унгхыр откроет мне, где растет голубая лилия.

«Мой брат! — впервые подумал с тоской и надеждой о чограме Володя. — Как сейчас нужна твоя помощь!»

Однако чограм не появлялся, не слышно было и голоса его...

Володя поглядел на своих друзей. Ита закрыла глаза руками. Унгхыр обнимала ее, а Марг как-то странно оглядывался. Казалось, его гораздо больше, чем угрозы шамана, волнуют низкие тучи, которые стремительно неслись по небу, колючий ветер и взбесившиеся волны...

— Зачем тебе голубая лилия? — спросил Володя, чтобы выиграть время. Он все еще надеялся, что появится чограм. Но неужели целебная луковица была последним добрым делом, которое сделал этот зверь для ненавистных ему людей?

— Если голубой лилии много — я вытопчу ее, — хрипло пробормотал Чернонд, и Володе показалось, что тот не в своем уме. — Вытопчу, чтобы осталось мало. И эту малость я буду охранять так, чтобы ни одна душа не знала, где растет голубая лилия, насыщающая голодных, исцеляющая больных, исполняющая заветные желания.

— Выходит, ты хочешь добиться того же, что теперь? — недоверчиво сказал Володя.

— Нет... Я буду давать ее людям, — ответил шаман, и Володя не поверил своим ушам. — Но нет, не даром! — захохотал Чернонд. — Не даром!!! Люди будут за это отдавать мне меха и морские камни, блестящие мягким белым блеском, будут бить

для меня зверя и птицу, приводить мне в услужение своих сыновей и в жены — дочерей.

Наступило молчание. Володя испуганно оглянулся на Унгхыр: неужели она согласится?! Но та лишь покачала головой:

— Не будет этого, Чернонд!

— Не будет?! — взвизгнул шаман. — Тогда вы все умрете здесь. Сейчас! — Он яростно топнул ногой... и вдруг опрокинулся наземь.

Тревожно вскрикнув, упал и Марг. Покатались по берегу слуги шамана и Лунд. И Володя почувствовал, что земля уходит из-под ног. Она то дыбилась, то проваливалась.

— Остров ворочается! — завопил шаман, с трудом поднимаясь. — Остров ворочается!

Он схватил копые и тупым его концом начал колотить по земле, словно умиряя взбесившееся животное.

— Землетрясение! — крикнул Марг.

И тут послышался знакомый жалобный плач...

— Бежим! — Володя схватил за руку Иту. — Там мой брат! В тайгу!

Марг подхватил Унгхыр, и они бросились следом за ребятами. Но тут позади раздался такой вопль, что все невольно обернулись и застыли на месте.

Кровь земли

Что-то невероятное совершалось на их глазах.

Песок с берега, образуя смерч, словно бы уходил в чудовищную воронку, а обнажившаяся земля покрывалась сетью трещин. Из них фонтанами била черная жидкость с резким, неприятным запахом.

— Кровь земли! — заорал шаман. — Вас утопит кровь земли, если вы не покажете мне, где растет голубая лилия!

Он попытался преследовать беглецов, но черная жидкость, разлившись, преградила ему дорогу. Шаман бессильно завыл и выхватил кремь и огниво, а потом — обломок какого-то серого камня.

— Это чага! — простонала Унгхыр. — Он опять накличет бурю!

В этот миг Чернонд ударил кремнем по огниву, искра упала в черный тихий ручеек неизвестной жидкости...

Пламя с ревом взвилось вверх и раскаленной стеной отгородило их от шамана.

— Кровь земли горит?! — ахнула девочка, а Володя догадался: «Нефть! Это нефть!»

Пылающие потоки бежали к тайге. Еще минута — и начнется лесной пожар. Туда нельзя!

Володя быстро осмотрелся. С трех сторон их почти окружил огонь, с четвертой была тайга, готовая вот-вот вспыхнуть. Нет, вон... нагромождение камней ведет на спасительный, свободный от нефти берег. Там вода, там жизнь.

Задышавшись, он побежал к камням, увлекая остальных, но вдруг стал как вкопанный. Тайга загорится? А как же чограм? Надо вывести его на берег!

— Бегите туда! — махнул он Маргу. — Я сейчас.

— Куда ты?! — закричали сзади Унгхыр и Ита, но Володя, воскликнув только:

— Там мой брат! — уже бежал вперед, стараясь обогнать огненные ручьи. Но ветер подгонял их: мальчик и огонь леса достигли вместе...

Вокруг все трещало и стонало. В дыму ничего невозможно было разглядеть, но вот что-то теплое, мохнатое и такое знакомое коснулось Володиного колена. Он наклонился, обнимая за шею чограма.

— Идем, — сказал брат. — Я спасу тебя.

— А они?! — вскричал Володя. — Они погибнут?!

— Твои друзья уже в безопасности.

При этих словах Володя почему-то подумал, что никогда больше не увидит их. Странно, откуда взялась такая мысль?.. Ему захотелось вернуться, но путь был отрезан огнем, и он только ко спрсил:

— Ты так же ненавидишь людей?

— Не время спорить, — ответил чограм. — Теперь надо позаботиться о себе. Держись за меня.

Володя вцепился в его загривок правой рукой, и они побежали. То и дело он натывался на деревья и кусты, падал, выпуская шею чограма, но желтые глаза неизменно оказывались у самых его глаз, он слышал ободряющий голос:

— Скорей!

Жадные языки пламени не отставали. У Володи не было уже ни сил, ни дыхания, когда они достигли подножия сопки, вершина которой поднималась над густым дымом, затянувшим тайгу.

— Еще немного! — позвал чограм, и Володя покорно полез вверх, но долго, долго пришлось карабкаться, потому что склон вытягивался, словно живой, становясь все длиннее и длиннее.

Сзади оставались потрескивающие от нестерпимого жара деревья, и вот братья наконец достигли макушки сопки, которая уже начала казаться недосыгаемой.

Володя упал и, раздвинув траву, прижался лицом к земле. Она была сырая, прохладная... Он никак не мог отдышаться. В

ушах звенело. Нет... Звон раздавался где-то рядом. Чистый, хрустальный, печальный перезвон.

Володя осторожно поднял голову. В двух шагах от него, среди густой травы, одиноко стоял диковинный цветок. На длинном стебле несколько тоненьких веточек с небольшими соцветиями, похожими на крупные колокольчики или мелкие саранки. Они были голубыми.

Нет, бутоны были как небо в жаркий полдень! Несколько привядших цветков походили на черную ночь. Но прекраснее всего были полностью раскрывшиеся цветы. Они напоминали вечернее небо, когда уже угас последний луч солнца, но первая звезда еще не взошла...

Володя оглянулся на чограмма. Тот смотрел... словно прощался. «Почему?» — подумал было Володя и тут же догадался, что за цветок перед ним. «Насыщающая голодных, исцеляющая больных, утешающая несчастных, исполняющая желания...»

— Голубая лилия! — вскрикнул Володя и потянулся к ней, но тут же сорвался со скрытого высокой травой обрыва и покатился по крутому, поросшему скользким мхом склону.

Голубая лилия

— ...Погодите, он приходит в себя! — услышал Володя незнакомый голос и открыл глаза.

Над ним склонилось какое-то страшное лицо! Человек был одет во все белое, под носом и на подбородке у него росли черные густые волосы, а глаза были прикрыты полупрозрачными темными квадратами. «Да это же очки! — внезапно вспомнил Володя. — Очки! А волосы на лице — усы и борода!»

Он привстал, но человек в очках тут же снова заставил его лечь на носилки, стоящие... внутри большого вертолета. Вдоль стенок на скамейках сидели люди в солдатской форме, они с тревогой и радостью смотрели на Володю. Слышался ровный гул работающего мотора, за окнами синело небо, а рядом с Володей сидел... дед.

Володя прижался лицом к колючим орденским планкам на его пиджаке и затрясся.

— Не плачь, — еле слышно бормотал дед, — не плачь, все уже, все, Володенька...

А он не плакал. Просто не мог поверить, что...

Солдаты окружили Володю, но офицер с погонями старшего лейтенанта попросил всех сесть, чтобы «не волновать машину», как он выразился, и довольным голосом сказал Володе, что он здорово всех напугал, и вообще — все это чудеса.

— Как ты меня нашел? — повернулся Володя к деду.

— Не могу я этого понять, — ответил тот растерянно и провел рукой по глазам. — Не разумею. Искали неделю, считай, по всей тайге, а нашли в двух шагах. На склоне. Сам не знаю — будто что-то толкнуло меня в те заросли... Ты лежал без сознания, весь ободранный, словно падал с горы. Ну, мы сразу собрались, отозвали по рации другие спасательные группы — и ходу.

— А пожар потушили?

— Какой пожар? — удивился дед. — Мы всю тайгу сверху оглядели: если бы что-то горело, вмиг заметили бы.

Сердце у Володи так заколотилось, что он прижал руки к груди. «Было это? Или... нет?»

В нагрудном кармане рубашки что-то лежало. Володя осторожно достал привядший, измятый цветок, не утративший, однако, синевы вечернего неба...

— Что это? — спросил дед. — Колокольчик?

— Позвольте! — Врач осторожно взял у Володи цветок. — Такого я никогда... Реликт, настоящий реликт!

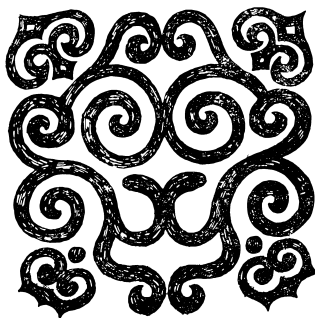
Володя привстал и посмотрел в иллюминатор. Внизу колючим темно-зеленым одеялом расстилалась тайга.

«Реликт?! — подумал он сурово. — Значит, что-то давно забытое? Нет».

Странно, странно было у него на душе! Радость возвращения в родной и привычный мир боролась с тоской невозвратной потери. «Марг, Унгхыр, Ита! Прощайте... — Он прикусил губу. — Мой брат. Чогграм!»

Володя вдруг ощутил себя слабым маленьким растением, которое лишили корней, они остались где-то далеко и глубоко, под толщей веков, а может быть, еще дальше. Казалось, он потерял что-то бесконечно дорогое.

«Не забуду, — подумал он. — Никогда не забуду!» И он придвинулся поближе к стеклу, чтобы не было видно его лица.

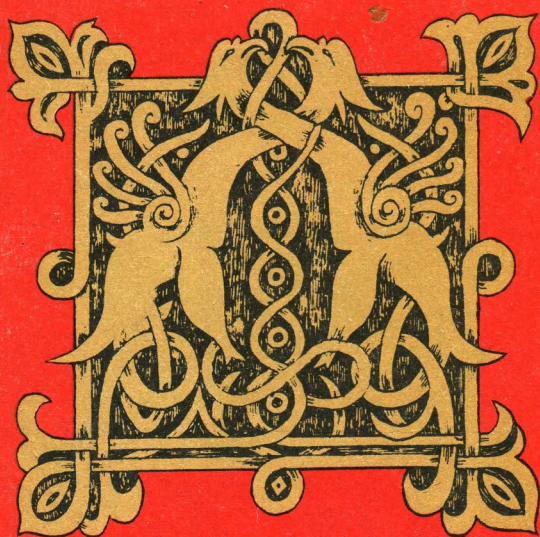
Содержание

ДОБРЫНЯ	— 3
ПОСЛЕДНИЙ ЧОГГРАМ	— 53
Катастрофа	— 54
Голоса в тайге	— 55
Если в таежной глуши...	— 56
Шалаш неизвестной старухи	— 56
История старой Унгхыр	— 58
Раненый зверь	— 62
Ючин или Чернонд?	— 64
«Человек со звезд»	— 68
Обед у шамана	— 70
Песни Лунда	— 71
Чего хотел Чернонд	— 74
Храбрый охотник Марг	— 76
Хозяин Зайцев	— 78
Селение деревянных идолов	— 79
Унырк	— 83
Лодка Чернонда	— 86
Берестяные кузовки Морской Старухи	— 89
Итаврид	— 92
Подарок Морской Старухи	— 93
Зубы чограмов	— 95
Укрощение бури	— 96
Тайны тайги	— 100
«Вот что такое человек!»	— 102
Великий врачеватель Лунд	— 103
Выздоровление	— 106
«Остров ворочается!»	— 107
Кровь земли	— 108
Голубая лилия	— 111

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

25 коп.

ХАБАРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЕЛЕНА ГРУШКО
ДОБРЫНЯ

